

СТАЛИНСКИЕ ПРЕМИИ:
ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

**Владимир Федорович Свиньин
Константин Осеев
Сталинские премии. Две
стороны одной медали**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9535050

Сталинские премии. Две стороны одной медали : Сб. документов и художественно-публицистических материалов / Сост. В. Ф. Свиньин, К. А. Осеев: Свиньин и сыновья;

Новосибирск; 2007

ISBN 978-5-98502-050-2

Аннотация

Сталинские премии в области искусства и литературы – малоизученный и слабо освещенный в широкой печати феномен во взаимоотношениях власти и творческой интеллигенции в определенный период советской истории (1939–1953 гг.). Расхожее мнение, что все, заслужившее награду вождя в этой сфере, – сплошная «халтура-конъюнктура», составителям сборника представляется легковесным и не выдерживающим критики при обращении к реальным документам и фактам. Вместе с тем наличие жесткого пресса в виде тотальной цензуры и масштабных идеологических кампаний приводило к тому, что судьбы многих, даже неоднократных, обладателей лауреатских значков приобретали драматическую, а порой и трагическую окраску. Предлагаемый сборник документов и художественно-публицистических материалов – это не научное исследование, а книга для чтения.

Содержание

Предисловие составителей	6
Раздел 1	9
От составителей	9
Документы и факты	16
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)	16
Подпольная листовка, перехваченная сотрудниками секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР в дни работы Всесоюзного съезда писателей	16
Биографическая справка АНДРЕЕВ Андрей Андреевич (18(30).10.1895–05.12.1971)	18
Справка секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР	19
Поздравление Президиума Верховного Совета СССР	25
Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР	27
Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР	29
Сообщения ТАСС. В Совнаркоме СССР	29
Сообщения ТАСС. В Совнаркоме СССР	33
Протокол № 1 Общего собрания Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства	34
Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы»	36
В Совнаркоме СССР. «Об установлении звания “Лауреат Сталинской премии”»	43
Свидетельства и мнения	44
Откуда пошли сталинские премии	44
В. Александров. Из работы «М. А. Шолохов в документах Комитета по Сталинским премиям 1940–1941 гг.»	46
Радиоконцерт, посвященный лауреатам Сталинской премии	50
Вручение дипломов деятелям искусства – лауреатам Сталинской премии	50
Сумбур вместо музыки	51
«Балетная фальшь»	53
Из книги Д. Бабиченко	55
Из курса лекций П. Рейфмана «Из истории русской, советской и постсоветской цензуры»	63
Соломон Волков	64
Раздел 2	77
От составителей	77
Документы и факты	84
В Совнаркоме СССР	84

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР	85
Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР	89
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.09.43	94
Положение О Почетном Знаке Лауреата Сталинской премии	94
Описание Почетного Знака Лауреата Сталинской премии	95
Спецсообщение Управления контрразведки НКГБ СССР	96
Приказ № 883 от 08.08.43 по Управлению «Воркутстрой»	100
Деятели литературы и искусства на приеме у И. В. Сталина	101
Информация наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова секретарю ЦК	102
Из стенограммы заседания Комитета по присуждению Сталинских премий в области литературы и	107
Биографическая справка	112
Указ Президиума Верховного Совета СССР	113
Описание Почетного Знака Лауреата Сталинской премии	113
Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР	114
Свидетельства и мнения	122
Из очерка Соломона Волкова	122
Юрий Тюрин «Оскар» за «Разгром под Москвой»	123
«Прокол» кинохроникеров (Воспоминания Семена Школьникова)	125
Газета «Правда» 22.03.1943–04.04.1943.	127
А. Щуплов	137
Конец ознакомительного фрагмента.	140

**Сталинские премии. Две
стороны одной медали
сост. Владимир Свиньин
и Константин Осеев**

- © Свиньин В. Ф., Осеев К. А., составление, 2007
- © Свиньин В. Ф., тексты от составителей, 2007
- © Осеев К. А., справочный раздел, 2007
- © Прашкевич Г. М., послесловие, 2007
- © Изд-во «Свиньин и сыновья» 2007

* * *

Предисловие составителей

В истории искусства и литературы советской эпохи, богатой как на выдающиеся творческие свершения, так и на трагические потери, период с 1939 по 1952 год занимает особое место. В это время взаимоотношения власти и творческой интеллигенции были в наибольшей степени регламентированы на уровне партийно-правительственных постановлений и указов, уставов творческих организаций, руководящих указаний в статьях официальной печати. Оценка качества труда мастеров пера, кисти, сцены, экрана и т. п., а точнее степени полезности их произведений с точки зрения большевистской доктрины и текущего политического момента, имела в эти годы не только моральное (ордена, звания), но и строго определенное материальное, количественное выражение. Главным мерилем творческих успехов стали Сталинские премии в области искусства и литературы, учрежденные в декабре 1939 года в канун 60-летнего юбилея великого вождя.

Эта книга в начале задумывалась, как чисто документальный справочник. Но работа над собранным материалом значительно изменила взгляд составителей на предмет и раздвинула рамки замысла. В частности, мы убедились в том, что этому периоду в истории советской культуры (1939–1952 гг.) серьезными ее исследователями уделено значительно меньше внимания, чем годам предшествующим и последующим. Нам же представляется, что именно тогда окончательно сформировался так называемый «соцреалистический канон», который на несколько десятилетий определил развитие отечественной литературы и искусства для масс.

Составители родом из этого времени. В детстве и юности мы читали эти книги и смотрели эти фильмы (едва ли не все). Но дело не в наших детских воспоминаниях, дело в том, что на этой литературе, на этом искусстве формировалось мировоззрение не одного поколения советских людей, из которых немалые миллионы перешагнули рубеж, отделяющий Советский Союз от нынешней России. Они тоже многое помнят. А вот молодежь наших дней плохо представляет себе, как выглядели полки книжных магазинов, афиши театров и кино в сороковые – пятидесятые годы, а там было многое, что не утратило своей художественной ценности и по сей день. Было и то, что прочно вошло в фонд мировой культуры. Достаточно сказать, что М. А. Шолохов, один из первых лауреатов Сталинской премии, впоследствии за то же самое произведение получил и Нобелевскую премию по литературе.

Было, разумеется, и другое. Кроме наград, премий и почестей, власть оказывала и совершенно иные знаки внимания по отношению к деятелям культуры, о которых вспоминать горько и больно. Но вспоминать надо. Без рассмотрения обеих сторон медали (в данном случае – лауреатского значка) нельзя во всей полноте понять и оценить все, что было создано в литературе и искусстве сталинских времен.

Формально история Сталинских премий (далее – СП) начинается с их учреждения в 1939 году и заканчивается со смертью И. В. Сталина. Но если говорить о сталинском периоде советского искусства вообще, то он, на наш взгляд, начался задолго до 1939 года и отнюдь не завершился со смертью вождя. Поэтому мы сочли возможным выделить четыре хронологических этапа истории СП (того и другого рода):

- 1) с даты учреждения (21.12.1939) по март 1941 г. (первое присуждение) с включением важных для нашей темы документов и событий нескольких предшествующих лет;
- 2) военное время и первый послевоенный год (1-я половина 1946 г.);
- 3) 2-я половина 1946 г. – март 1953 г. – время девальвации премий и самого сурового идеологического давления;
- 4) СП после смерти И. В. Сталина (1953–1966 гг.).

В соответствии с этой хронологией и будет расположен весь материал книги: документы, мемуары, комментарии составителей и современных журналистов. Документированные факты касательно имен лауреатов, названий произведений и степеней присужденных им премий будут представлены в двух вариантах: в виде полных текстов соответствующих постановлений СНК и СМ СССР, опубликованных в газете «Правда», и (в справочном разделе) – в сжатой, табличной форме – для того, чтобы легче было увидеть общую картину «выдающихся достижений в области искусства и литературы», какой она виделась высшим присуждающим инстанциям на тот или иной момент времени.

Необходимо сделать несколько общих замечаний.

1. Характерной особенностью всего механизма (регламента?) учреждения и присуждения Сталинских премий является его постоянная корректировка, причем не всегда оформляемая документально (по крайней мере, в виде публикаций в прессе). В частности, в утвержденном СНК СССР и опубликованном 02.04.40 в «Правде» «*Порядке присуждения премий имени Сталина...*» было определено: «*Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства публикуются в центральной печати в день 21 декабря*». (Это, как известно, день рождения И. В. Сталина). Никакими последующими постановлениями другая определенная дата не была названа. Тем не менее, она ни разу не была соблюдена. Фактически годы, за которые присуждались премии, и годы, в которые публиковались Постановления о присуждении, никогда не совпадали. Иногда разрыв составлял несколько лет. В большинстве справочных изданий рядом с фамилией лауреата или названием произведения указывается именно год публикации. В нашем же сборнике везде фигурирует год (или период в несколько лет – были и такие случаи), указанный в названии соответствующего Постановления о присуждении. Сопоставление периодов и дат присуждения приведено в таблице 1 справочного раздела.

2. Часто встречающиеся утверждения о том, что такое-то литературное произведение, спектакль или кинофильм получило Сталинскую премию, является не совсем точным. Формально, ни одно *произведение* лауреатом Сталинской премии считаться не может, премии и звания лауреатов присуждались только их создателям, причем в случае коллективного творчества (спектакль, кинофильм), далеко не всем. Но в реальности всеми (и не без основания) считалось, что высшее одобрение получил, скажем, спектакль в целом, так что не удостоившиеся звания участники и сами, и в глазах окружающих тоже выглядели награжденными. Например, в публикации И. Соломоника («Новый Мир» 1993, № 6) есть такие строки:

«Осенью 1949 года в зоне лагпункта „Мостовица“ – это отдельный лагерьный пункт 3 Каргопольлага, расположенный в Архангельской области и занимавшийся лесозаготовкой, – стало известно, что к нам этапировали писателя Гладкова, лауреата Сталинской премии, автора пьесы „Давным-давно“. ...Ввиду того, что А. К. Гладков сильно хромал и не передвигался без палки, в лес на общие работы он не был отправлен – его забрала начальница санчасти, фельдшерница из местных, „трескоедов“, как их здесь называли. Дама эта щеголяла тем, что завхоз у нее – лауреат Сталинской премии! Поэт!».

Между тем, Сталинская премия I степени за 1942 год была присуждена только режиссеру А. Д. Попову за постановку этого спектакля в Центральном Театре Красной Армии. И такие случаи не единичны.

Все материалы, включенные в сборник, так или иначе опубликованы – в изданных книгах, в периодической печати, в Интернете. Они отнесены нами к двум категориям:

1) документы (официальные и архивные); сюда же мы относим редакционные статьи в печатных органах ЦК ВКП(б) – КПСС («Правда») и Управления пропаганды и агитации ЦК («Советская культура»);

2) литературно-публицистические тексты (воспоминания участников и других современников событий, фрагменты из книг и статей писателей, историков, искусствоведов, журналистов и других авторов).

Материалы, относящиеся к разным категориям, в каждом разделе книги даются под двумя рубриками. В обоих рядах перемежаются свидетельства как благосклонного отношения властей к тем или иным деятелям литературы и искусства и их творческим достижениям, так и строжайших, уничижительных разносов с драматическими, а то и трагическими для авторов последствиями. Сталинская премия за весь период создания отмеченных ею произведений (1934–1951 годы) поворачивалась к их создателям то одной, то другой своей «стороной». Не менее впечатляющим выглядит и перечень известнейших советских деятелей литературы и искусства той поры, кто ни разу не попал в списки лауреатов.

Составители надеются, что им удалось представить достаточно полную картину очень сложного периода в истории отечественной культуры сталинского периода, картину, основанную, в первую очередь, на документальных источниках. Просим учесть, что мнения и оценки отдельных авторов не всегда совпадают с мнением составителей. В приводимых документах сохранена орфография подлинников и даже фактические ошибки.

Книга состоит из пяти разделов: четырех, выделяемых по хронологии, и одного справочного, содержащего систематизированные и обобщенные данные, касающиеся итогов Большого сталинского идеологического, политического и культурного, как бы теперь сказали, проекта под названием «Сталинские премии».

В исторической литературе принято называть период 1945–1948 года в советской идеологии и культуре «ждановщиной» (А. А. Жданов умер в августе 1948 года). Но в разные периоды главными партийными ответственными за идеологию были разные люди. В соответствии с их фамилиями мы и назвали разные разделы книги.

Владимир Свиньин
Константин Осеев

Раздел 1 1934–1941 «Андреевщина»

От составителей

Идея об учреждении премий имени И. В. Сталина по свидетельствам участников событий (дошедшим до нас через пересказы третьих-четвертых лиц) возникла во время подготовки к празднованию 60-летнего юбилея вождя, то есть в конце 1939 года. В таком виде эта история носит чуть ли не анекдотический характер. На самом деле, безусловно, появление этой формы поощрения и стимулирования творческой деятельности никак нельзя считать случайным. Впрочем, внешняя сторона всех событий, связанных с учреждением премии, вполне выдержанная в духе времени, возможно, имела целью еще и замаскировать истинные намерения власти по решению самых неотложных внутри- и внешнеполитических задач. Одной из таких задач можно считать необходимость срочного проведения самой широкой «инвентаризации» как наличных творческих достижений, так и творческого потенциала страны в сферах науки, техники, литературы и искусства после всего, что произошло в этих сферах в 30-е годы. Сделать это силами самих деятелей науки и искусства, с привлечением самых авторитетных из них, – было вполне здоровой идеей. Эта же организационная форма обеспечивала полный идеологический контроль со стороны партийных органов и давала возможность при «подведении итогов инвентаризации» оценить такие важные для власти качества, как лояльность, правильное понимание политики партии, личную преданность вождю и т. п. в отношении каждой заметной фигуры в творческой среде (помимо оценок, уже имеющихся в структурах НКВД). Того требовала обстановка в стране и в мире.

Но прежде чем появилась эта форма поощрения и стимулирования творческой деятельности, власть уже на протяжении почти целого десятилетия (начиная с 1932 года) успешно применяла во взаимоотношениях с творческой деятельностью политику «кнута и пряника». Роль «пряников» в «допремиальный» период выполняли ордена и звания, а роль «кнутов», как и в последующие времена, всевозможные постановления по вопросам культуры и идеологии, в самые жуткие годы – репрессии.

К этому времени XX век перешагнул порог начала самых трагических событий своей истории. Уже шла Вторая мировая война, и участие в этих событиях Советского Союза было фактически обозначено (пакт Молотова – Риббентропа уже был подписан). Поэтому в первых списках номинаций (по нынешней терминологии) наиболее важными явно считались не литература и искусство, а наука, техника, изобретательство, причем особенно выделялись успехи в области военных знаний и изобретений. Там предусматривались более значительные средства и предполагалось большее число награждаемых. То же относится и к учрежденным одновременно сталинским стипендиям: вопрос подготовки новых гражданских и военных кадров стоял очень остро.

То, что в первом списке номинаций отсутствовала литература, видимо, нельзя объяснить просто забывчивостью или невниманием к этому виду творчества. Кажущаяся «оплошность» была исправлена через полтора месяца новым постановлением, где литература обозначена, как самостоятельный, отдельный от науки и искусства вид творческой деятельности, имеющий собственные подвиды: прозу, поэзию, драматургию и критику (подобное разделение на подвиды для музыки и кинематографии произошло существенно позже). Это явно отвечало представлениям вождя о роли литературы (и авторитета писателей) в идеологическом воспитании масс. Именно на примере литературы были в начале тридцатых про-

декларированы, а затем и утверждены как единственно правильные для всех деятелей советского искусства принципы социалистического реализма.

К началу 40#х годов торжество соцреалистического метода в Советском Союзе можно было считать свершившимся фактом. Ушла далеко в прошлое шумная разногласица двадцатых – все эти «серапионовы братья», «перевалы», «кузницы», РАПП'ы и РАПМ'ы, обериуты, футуристы, имажинисты, супрематисты, ничевоки и пр., и пр., и пр. Все это было отменено одним коротким Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». Из оставшихся в живых имен-символов 20#х (которыми Россия сегодня по праву гордится) не у дел оказались такие мастера, как Дзига Вертов, Константин Мельников, Павел Филонов, Александр Родченко и другие. Прокатились по стране беспощадные тридцатые, непоправимо изменив (точнее, исказив) ее культурный ландшафт. Свирепствовала цензура. Из библиотек и книжных магазинов в массовом порядке изымались не только не отвечавшие соцреалистическим критериям издания, но и произведения классиков (Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого и др.), если предисловия к ним были подписаны кем-то из «врагов народа», например, Б. Камневым (а это случалось часто, поскольку последний долгое время возглавлял издательство «Academia», а впоследствии был еще и директором созданного по инициативе М. Горького Института мировой литературы) или Н. Бухариным (в свое время признанным во властных кругах авторитетом по литературным вопросам). Сам Максим Горький превратился из живого классика в икону соцреалистического «храма искусств». Забыты были не столь уж и жаркие дискуссии на Первом Съезде советских писателей (17.08–01.09.1934), который оказался и последним при жизни И. В. Сталина. Из более 600 его делегатов почти треть была репрессирована. Примерно такая же пропорция соблюдалась и в других творческих сферах. Если не трогали самого широко известного в стране человека, то обязательно родственников, часто близких: жену, отца, сына, брата и т. д. Правда, к 1940#му году волна арестов пошла на убыль, хотя и не прекратилась.

Вот в такой обстановке 16 сентября 1940 года под председательством Владимира Ивановича Немировича-Данченко в нижнем фойе МХАТа СССР состоялось первое заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Членам Комитета предстояло выявить, обсудить и представить на утверждение в высшие инстанции произведения – по одному произведению в каждой номинации, – созданные или завершенные в текущем году, которые достойны присуждения им (впервые!) высокой премии. Формально высшей инстанцией был Совет Народных Комиссаров, фактически же во все годы – Политбюро ЦК ВКП(б). Возможно, им удалось бы справиться с этой задачей к установленному Положением сроку (21 декабря), но этого не случилось по независящим от Комитета причинам. В инстанциях решили (Постановление СНК СССР от 20 декабря 1940 г.) расширить временной диапазон с текущего года до 6–7 предыдущих лет (то есть начиная с 1934 года), число же награждаемых было значительно увеличено: по каждому разделу литературы до трех, а по всем прочим видам искусства, кроме трех премий *первой* степени были введены еще и по пять *второй* степени.

Но и на этом корректировки не закончились. Когда 16 марта 1941 года было, наконец, опубликовано первое в истории «Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР „О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы“», там значилось существенно больше лауреатов почти во всех разделах литературы и искусства. Узаконено было это увеличение просто примечанием к самому указанному Постановлению (в области кинематографии, например, присуждены были сразу десять *первых* и пятнадцать (!) *вторых* премий (все же важнейшее из искусств!).

Как бы то ни было, первое присуждение Сталинских премий состоялось, и 16 марта 1941 года страна узнала о появлении первых 162 *лауреатов* – деятелей литературы и искус-

ства (постановление о введении такого звания было подписано 26.03.41 г. и опубликовано в газете «Советское искусство» 30.03.41 г.). Прочтение этого списка представляет несомненный интерес как с точки зрения «кто в нем есть», так и с точки зрения «кого в нем нет»

Из удостоенных – подавляющее большинство и так уже известные всей стране люди (особенно 65 лауреатов I степени): как правило, орденосцы, обладатели званий «заслуженных» и «народных». Более того, почти все эти имена и по сегодня являются гордостью отечественной культуры (хотя заслуживает быть включенным в фонд этой культуры далеко не всё, что было ими создано). Приведем список 65 полностью, и вряд ли большинству читателей по большинству фамилий потребуются пояснения – кто есть кто.

1. Абрикосов А. Л.
2. Александров Г. В.
3. Асеев Н. Н.
4. Бабочкин Б. А.
5. Багашвили С. Л.
6. Барсова В. В.
7. Васильев Г. Н.
8. Васильев С. Д.
9. Геловани М. Г.
10. Герасимов А. М.
11. Грабарь И. Э.
12. Довженко А. П.
13. Доллер М. И.
14. Дунаевский И. О.
15. Жаров М. И.
16. Заболотный В. И.
17. Ильинский И. В.
18. Иогансон Б. В.
19. Каплер А. Я.
20. Козинцев Г. М.
21. Корнейчук А. Е.
22. Крючков Н. А.
23. Купала И. Д.
24. Ладынина М. А.
25. Лепешинская О. В.
26. Ливанов Б. Н.
27. Меркуров С. Д.
28. Михайлов М. Д.
29. Мухина В. И.
30. Мясковский Н. Я.
31. Нестеров М. В.
32. Орлова Л. П.
33. Охлопков Н. П.
34. Павленко П. А.
35. Петров В. М.
36. Погодин Н. Ф.
37. Пудовкин В. И.
38. Пырьев И. А.
39. Рейзен М. О.
40. Ромм М. И.

41. Самойлов Е. В.
42. Сергеев-Ценский С. Н.
43. Симонов Н. К.
44. Скуратов И. Ф.
45. Тарасова А. К.
46. Толстой А. Н.
47. Трауберг Л. З.
48. Тренев К. А.
49. Тычина П. Г.
50. Уланова Г. С.
51. Ханов А. А.
52. Хмелев Н. П.
53. Хорава А. А.
54. Чабукиани В. М.
55. Черкасов Н. К.
56. Черкасов (Сергеев) Н. П.
57. Чечулин Д. Н.
58. Чиаурели М. Э.
59. Чирков Б. П.
60. Шапорин Ю. А.
61. Шолохов М. А.
62. Шостакович Д. Д.
63. Щукин Б. В.
64. Щусев А. В.
65. Эйзенштейн С. М.

Разумеется, решающую роль сыграли вкусы и оценки Сталина. Это была не только формально, но и по сути даваемая лично им премия. Характерно, что всем деятелям сценического искусства (опера, балет, драма и комедия) премии были присуждены «за выдающиеся» (первая степень) или «за большие» (вторая степень) заслуги в соответствующем виде искусства. Так, из двух равно прославленных теноров Большого театра, вождь явно предпочитал И. С. Козловского («за выдающиеся») С. Я. Лемешеву («за большие», причем не только в вокально-театральном, но и киноискусстве – имелось в виду исполнение им главной роли в к/ф «Музыкальная история», за который по разделу «Кино» отдельно удостоились премии также второй степени режиссер А. Ивановский и артисты Э. Гарин и З. Федорова).

Карикатура Радлова: Петр и Алексей, или А где же вторая часть?

Наибольшее внимание вождь уделял двум сферам художественного творчества: литературе и кино. Он много читал, много времени проводил в кинозале и обо всем прочитанном и увиденном имел свое мнение. Например, в числе кандидатур по разделу литературы А. Толстой (возглавлявший литературную секцию Комитета) не значился по его же просьбе – и роман «Петр I», и трилогия «Хождение по мукам» были к тому времени не закончены. Но «читатель № 1» счел возможным присудить премию за уже опубликованные части романа о Петре. Формального «Положения о Сталинской премии», то есть правил, предписывающих кому и за что можно ее присуждать, а кому (к примеру, умершим деятелям, иностранцам) и за что (за незаконченные произведения) – нельзя, не существовало. Это позволяло решать спорные вопросы *ad hoc*, то есть в каждом конкретном случае по-своему. Что и делалось на протяжении всей истории Сталинских премий.

Музыкой и театром Сталин интересовался меньше, изобразительным искусством еще меньше, в основном, соглашаясь с предложениями специалистов и их партийных кураторов. Зато вполне одобрял, а иногда и выступал инициатором жестких проработок тех авторов и произведений, где зоркий глаз идеолога усматривал крамолу, искажение, клевету и вообще нечто чуждое социализму. Самыми известными событиями такого рода в довоенное время стали: кампания, порожденная статьей в «Правде» «Сумбур вместо музыки» (на примере оперы Д. Д. Шостаковича был навеки заклеямен формализм в музыке) и постановление Политбюро ЦК ВКП(б) (формально – Комитета по делам искусств) о снятии спектакля «Богатыри» по пьесе Демьяна Бедного в Московском Камерном театре под руководством А. Я. Таирова (осуждению подлежали искажения исторической правды о героическом прошлом русского народа). Правда, Шостакович был потом как бы прощен и удостоен всех наград, а для Демьяна Бедного и А. Таирова этот разнос, по сути, означал конец творческой карьеры. Естественно, что имен как знаменитого большевистского трибуна, так и выдающегося режиссера ни сейчас, ни в дальнейшем в списках лауреатов нет.

Нет и многих других известных на тот момент фамилий. Из числа классиков советской (и русской вообще) литературы, здравствующих на свободе в те годы, необходимо назвать, безусловно, А. Ахматову, М. Цветаеву, Б. Пастернака и М. Зощенко. Как будет видно из других материалов литературной части этого раздела, кандидатура Ахматовой даже всерьез

обсуждалась в числе прочих на заседаниях Комитета по премиям (предлагали авторитетные люди), но обернулось это для поэтессы самым нежелательным образом: готовый тираж ее напечатанной после 18-летнего перерыва книги был уничтожен, а в ее адрес А. А. Жданов уже тогда (правда, еще не публично) высказал почти все те слова, которые потом будут фигурировать в известном докладе и Постановлении 1946 года. Отсутствие в списках Зошенко не удивляет – он тоже, как и Ахматова, обладал колоссальной популярностью в литературной среде, но только не у блюстителей соцреалистического канона. Зато удивляет отсутствие абсолютно лояльного и мало кому уступающего в известности Аркадия Гайдара. Из других обсуждавшихся, но не получивших следует отметить И. Ильфа и Е. Петрова (за книгу «Одноэтажная Америка»; И. Ильф умер в 1936 году, Е. Петров погиб в 1944-м), Вс. Иванова (роман «Пархоменко»), В. Василевскую (повесть «Пламя на болотах»), А. Макаренко (за «Педагогическую поэму»; знаменитый педагог умер в 1939 году).

Весьма показательным было и так называемое «дело Авдеенко», для разбора которого собиралось специальное собрание литераторов с участием самого Сталина. В результате непосредственно (и совершенно незаслуженно) пострадал только сам Александр Авдеенко – автор сценария фильма «Закон жизни», но публичность обсуждения имела целью показать, кто будет решать, какое искусство «правильное», а какое – нет.

Не обсуждались и не получили ни сейчас, ни впредь уже очень известные к 1941 году писатели и поэты К. Паустовский, А. Платонов, М. Пришвин, И. Сельвинский, Ю. Олеша, Н. Заболоцкий, К. Чуковский; драматург Е. Шварц, театральный режиссер и художник Н. Акимов, композитор Н. Богословский, киноактеры П. Алейников и М. Бернес.

Но самыми популярными в народе были, конечно, артисты эстрады: Л. Утесов, К. Шульженко, В. Козин, Л. Русланова, Эдди Рознер и его оркестр. Им тоже Сталинских премий не достанется ни тогда, ни потом. Что здесь причиной – пренебрежительное отношение Сталина к эстраде, как к несерьезному виду искусства, или как раз недовольство «чрезмерной», с его точки зрения, популярностью? Возможно, и то, и другое.

Общественный статус лауреата Сталинской премии (особенно в те годы) был выше, чем звания «народных» и «заслуженных» или награждения орденом – ведь их было значительно меньше. Немаловажную роль играла материальная сторона. 100 000 рублей за первую премию и 50 000 тысяч за вторую – много это или мало (начало 1941 года)? Ю. Мухин в книге «За Державу обидно!» приводит такие цифры:

«В те годы нарком внутренних дел, по своему званию равный маршалу СССР, Л. П. Берия получал 3500 рублей в месяц, генерал, командир дивизии Красной Армии – 2200; командир полка – 1800; командир батальона – 850; учитель – от 250 до 750; стипендия студента – 170; библиотекарь – 150; завсклада – 120. Хлеб стоил 90 коп.; мясо – 7 руб.; сахар – 4,50; водка – 6 руб.; мужской костюм – 75. Солдаты конвоя (вахтеры), охранявшие пленных, получали 275 руб. в месяц. Средняя зарплата по стране в 1940 г. – 339 руб. в месяц, прожиточный минимум – 5 руб. в день».

Даже с учетом всех возможных оговорок видно, что лауреаты становились небедными людьми, особенно те, кто был единоличным обладателем премии, а таких при первом награждении было большинство (между несколькими лауреатами одна премия делилась так: между двумя – поровну; между тремя – руководителю – половина, вторая половина – поровну между двумя; между четырьмя и более – руководителю – треть, а две трети – поровну между остальными; см. постановление СНК СССР № 636 от 26.03.41 г.).

Остается добавить, что на момент завершения рукописи (01.07.2007) из первого списка награжденных, насколько нам известно, в добром здравии остается, по крайней мере, два человека. Это Ольга Васильевна Лепешинская, прославленная балерина Большого театра СССР – премия первой степени за выдающиеся достижения в области балетного искусства,

и Сергей Владимирович Михалков, поэт и драматург – премия второй степени за, возможно, лучшее из того, что им было создано за долгие годы творчества – за стихи для детей.

Документы и факты

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.

23 апреля 1932 г.

1. ЦК констатирует, что за последние годы на основе значительных успехов социалистического строительства достигнут большой как количественный, так и качественный рост литературы и искусства.

Несколько лет тому назад, когда в литературе налицо было еще значительное влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще слабы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и [других видов] искусства в целях укрепления позиций пролетарских *писателей и работников* искусства [и содействия росту кадров пролетарских писателей и художников]¹.

В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМПП² и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах [литературного и] художественного творчества.

Это обстоятельство создает опасность превращения этих 173 организаций *из средства* наибольшей мобилизации [действительно] советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва [иногда] от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству [и готовых его поддержать].

Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширения базы их работы.

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) постановляет:

- 1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП);
- 2) объединить всех писателей, *поддерживающих платформу Советской* [стоящих за политику советской] власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем;
- 3) провести аналогичное *изменение по линии других видов искусства* [объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т. п. организаций];
- 4) поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения.

Подпольная листовка, перехваченная сотрудниками секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР в дни работы Всесоюзного съезда писателей

Не позднее 20 августа 1934 г.

¹ Выделенные курсивом слова вписаны в текст Сталиным, слова в квадратных скобках зачеркнуты им.

² Так в тексте. Правильно – РАПИМ. Источник: [39]

Мы, группа писателей, включающая в себя представителей всех существующих в России общественно-политических течений, вплоть до коммунистов, считаем долгом своей совести обратиться с этим письмом к вам, зарубежным писателям. Хотя численно наша группа и незначительна, но мы твердо уверены, что наши мысли и надежды разделяет, оставаясь наедине с самим собой, каждый честный (насколько вообще можно быть честным в наших условиях) русский гражданин. Это дает нам право и, больше того, это обязывает нас говорить не только от своего имени, но и от имени большинства писателей Советского Союза. Все, что услышите и чему вы будете свидетелями на Всесоюзном писательском съезде, будет отражением того, что вы увидите, что вам покажут и что вам расскажут в нашей стране! Это будет отражением величайшей лжи, которую вам выдают за правду. Не исключается возможность, что многие из нас, принявших участие в составлении этого письма или полностью его одобдившие, будут на съезде или даже в частной беседе с вами говорить совершенно иначе. Для того, чтобы уяснить это, вы должны, как это [ни] трудно для вас, живущих в совершенно других условиях, понять, что страна вот уже 17 лет находится в состоянии, абсолютно исключаящую какую-либо возможность свободного высказывания. Мы, русские писатели, напоминаем собой проститутку публичного дома с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы душой; как для них нет выхода из публичного дома, кроме голодной смерти, так и для нас... Больше того, за наше поведение отвечают наши семьи и близкие нам люди. Мы даже дома часто избегаем говорить так, как думаем, ибо в СССР существует круговая система доноса. От нас отбирают обязательства доносить друг на друга, и мы доносим на своих друзей, родных, знакомых... Правда, в искренность наших доносов уже перестали верить, так же как не верят нам и тогда, когда мы выступаем публично и превозносим «блестящие достижения» власти. Но власть требует от нас этой лжи, ибо она необходима как своеобразный «экспортный товар» для вашего потребления на Западе. Поняли ли вы, наконец, хотя бы природу, например, так называемых процессов вредителей с полным признанием подсудимыми преступлений ими совершенных? Ведь это тоже было «экспортное наше производство» для вашего потребления.

Вы устраиваете у себя дома различные комитеты по спасению жертв фашизма, вы собираете антивоенные конгрессы, вы устраиваете библиотеки сожженных Гитлером книг, – все это хорошо. Но почему мы не видим вашу деятельность по спасению жертв от нашего советского фашизма, проводимого Сталиным; этих жертв, действительно безвинных, возмущающих и оскорбляющих чувства современного человечества, больше, гораздо больше, чем все жертвы всего земного шара вместе взятые со времени окончания мировой войны...

Почему вы не устраиваете библиотек по спасению русской литературы, поверьте, что она много ценнее всей литературы по марксизму, сожженной Гитлером. Поверьте, ни итальянскому, ни германскому фашизму никогда не придет в голову тот наглый цинизм, который мы и вы можете прочесть в «Правде» от 28-го июля [19]34 г. в статье, посвященной съезду писателей: крупнейшие писатели нашей страны показали за последние годы заметные успехи в деле овладения высотами современной культуры – философией Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Понимаете ли вы всю чудовищность от подобного утверждения и можете ли сделать отсюда все необходимые выводы, принимая во внимание наши российские условия.

Мы лично опасаемся, что через год-другой недоучившийся в грузинской семинарии Иосиф Джугашвили (Сталин) не удовлетворится званием мирового философа и потребует по примеру Навоходоносора, чтобы его считали, по крайней мере, «священным быком».

Вы созываете у себя противовоенные конгрессы и устраиваете антивоенные демонстрации. Вы восхищаетесь мирной политикой Литвинова. Неужели вы, действительно, потеряли нормальное чувство восприятия реальных явлений? Разве вы не видите, что весь СССР – это сплошной военный лагерь, выжидающий момент, когда вспыхнет огонь

на Западе, чтобы принести на своих штыках Западной Европе реальное выражение высот современной культуры – философию Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

То, что Россия нищая и голодная, вас не спасет. Наоборот, голодный, нищий, но вооруженный человек – самое страшное...

Вы не надейтесь на свою вековую культуру, у вас дома тоже найдется достаточно поборников и ревнителей этой философии, она проста и понятна может быть многим...

Пусть потом ваши народы, как сейчас русский народ, поймут всю трагичность своего положения, – поверьте, будет поздно и, может быть, непоправимо!

Вы в страхе от германского фашизма – для нас Гитлер не страшен, он не отменил тайное голосование. Гитлер уважает плебисцит... Для Сталина – это буржуазные предрассудки. Понимаете ли вы все, что здесь написано? Понимаете ли вы, какую игру вы играете? Или, может быть, вы так же, как мы, протитутуете вашим чувством, совестью, долгом? Но тогда мы вам этого не простим, не простим никогда. Мы – протитутутки по страшной, жуткой необходимости, нам нет выхода из публичного дома СССР, кроме смерти.

Если же нет, а мы верим, что этого действительно нет, то возьмите и нас под свою защиту у себя дома, дайте нам эту моральную поддержку, иначе ведь нет никаких сил дальше жить...

Источник: [39]

Биографическая справка АНДРЕЕВ Андрей Андреевич (18(30).10.1895–05.12.1971)

Партийный и государственный деятель, член партии с 1914 г., член ЦК в 1920–1921 гг. и в 1922–1961 гг., член Политбюро ЦК 04.02.32–05.10.52 гг. (кандидат 23.07.26–21.12.30 гг.), член Оргбюро ЦК 03.04.22–11.04.28 г. г. и 22.03.39–18.03.46 гг., секретарь ЦК ВКП(б) 03.02.24–18.12.25 гг. и 28.02.35–18.03.46 гг. Родился в деревне Кузнецове Смоленской губернии. Русский. Окончил два класса сельской школы. В 1917–1919 гг. на партийной и профсоюзной работе на Урале и Украине. С 1919 г. член Президиума, в 1920–1922 гг. секретарь ВЦСПС. В 1922–1927 гг. председатель ЦК союза железнодорожников, одновременно в 1924–1925 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1927–1930 гг. секретарь Северо-Кавказского крайкома партии. С 1930 г. председатель ЦКК ВКП(б), нарком рабоче-крестьянской инспекции СССР и заместитель Председателя СНК СССР. В 1931–1935 гг. нарком путей сообщения СССР. В 1935–1946 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1938–1945 гг. Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, в 1939–1952 гг. Председатель КПК при ЦК ВКП(б) и в 1943–1946 гг. нарком земледелия СССР. В 1946–1953 гг. заместитель Председателя Совмина СССР. С 1953 г. член Президиума, а с 1962 г. советник при Президиуме Верховного Совета СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР 1–5 созывов. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Источник: Известия ЦК КПСС, 7.06.1990

Справка секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР «Об откликах литераторов и работников искусств на снятие с репертуара пьесы Д. Бедного “Богатыри”»

Не позднее 16 ноября 1936 г.

А. Таиров (потрясенный постановлением комитета о снятии «Богатырей» объявил себя больным – сердечный удар. К нему домой заходили работники искусства и выражали соболезнование. По словам А. Коонен, заходили многие, как к покойнику): «Я допустил большую ошибку. Беру на себя всю ответственность, несмотря даже на то, что комитет по делам искусства, который принимал спектакль, апробировал его. Моя ошибка заключается в том, что я, как художник, должен был предвидеть все последствия.

Обидно, что мою ошибку принимают за вылазку, как об этом пишут.

Ошибка произошла потому, что я оказал большое доверие Демьяну Бедному как старому коммунисту. Как я мог подумать, что текст Д. Бедного заключает вредную тенденцию, как же я мог быть комиссаром при Д. Бедном. Этой ошибки не произошло в „Оптимистической трагедии“ и в „Родине“, где авторы менее авторитетны, и я их пьесы подверг критике ответственных работников.

Я пойду в ЦК ВКП(б), где, надеюсь, меня поймут. Я там поставлю вопрос о том, что новые спектакли нужно показывать не только комитету, но и ЦК.

Это необходимо для гарантии.

Что меня по-настоящему пугает, дадут ли мне дальше работать. Что меня возмущает, это желание выставить меня отщепенцем народа. Это так ужасно, что я даже не могу спокойно об этом подумать».

А. Коонен: «Это урок Таирову. Нельзя надеяться на свои силы. Тогда бы нам не стоило это так дорого».

Ценин, заслуженный артист Камерного театра: «До тех пор, пока не кончится монархия в нашем театре, до тех пор, пока единолично все вопросы будет решать Таиров, не считающийся с ведущими работниками театра, до тех пор театр будут преследовать политические провалы».

Гершит, режиссер Камерного театра: «Постановление в корне правильное. Мы должны ставить „Евгения Онегина“. Я предвижу, что и с этим спектаклем будет такая же история, что и с „Богатырями“».

Демьян Бедный. Демьян Бедный совершенно потрясен постановлением комитета по делам искусства. Три дня никуда не выходил, никого не принимал и только вчера вызвал к себе секретаря ССП Ставского для конфиденциальной беседы. Из всего последующего стало ясно, что Демьян Бедный, не решаясь лично обратиться к секретарям ЦК ВКП(б), желает воспользоваться Ставским для передачи его объяснений и оправданий. Ставский, заставший Демьяна Бедного в состоянии абсолютной растерянности, взял с собой стенографистку с тем, чтобы отчет об этой беседе имел документальный характер³.

Общий смысл объяснений Демьяна Бедного по поводу «Богатырей», зафиксированных в стенограмме, примерно таков. Фарсовый тон вещи и трактовка «Богатырей» объясняются характером музыки; так, например, «богатыри» поют арии из популярных оперетт. Фарсовый показ крещения Руси и неправильное его толкование объясняются привычкой к антирелигиозной пропаганде, тяготеющей в практике Демьяна Бедного. С другой стороны, подвели имеющиеся у него труды по историческим вопросам далеко не марксистского характера.

Демьян Бедный, признавая, что он сделал огромную ошибку, объясняет ее своим непониманием материала и своей глупостью. Однако в беседе он неоднократно возвращался к роли контрольных органов, указывал, что в самом начале работы над «Богатырями» года полтора тому назад первоначальный текст его не удовлетворял, казался ему легкомысленным и глупым, но Таиров и Литовский поощряли его, убеждая, что текст получается блестящим для сценической вещи.

Незадолго перед постановкой уже довольно обработанный текст был дан в комитет по делам искусства, где с ним познакомились Керженцев, Боярский, Орловский, но оттуда вещь была возвращена только с указанием Керженцева, что она скучна и грубовата. Поэтому дальнейшее исправление текста шло по линии сокращений и отделки отдельных фраз.

Демьян Бедный ссылается также на то, что свою концепцию «Богатырей» изложил в статье, данной им в «Правде», где по существу концепции не было сделано никаких замечаний⁴, и, следовательно, он считал текст «Богатырей» абсолютно апробированным.

Делая все эти ссылки, Демьян Бедный подчеркивал, что «голова у меня не вождистская, а художническая».

Демьян указывал на то, что у него начался приступ сахарной болезни. Говорил о том, что он не хочет умирать с клеймом врага партии и хотел бы, если ему не удастся вновь стать в литературе как художнику, то чтобы по крайней мере его использовали как специалиста-книжника, например в Книжной палате.

Дальше, прося не заносить в стенограмму, Демьян говорил, что его врагом является его библиотека. Об этом ему указывали, но он этого не понимал. Он заявил, что библиотеку свою сожжет⁵. Затем подчеркивал, что он больше всего боится того, что, невзирая на всю его прошлую деятельность, о нем будут судить как о враге партии, действующем по внушению врагов коммунизма. Он заявил, что он боится, что при укреплении такого о нем мнения он будет выслан из Москвы.

³ Стенографическую запись своей беседы не позднее 19 ноября 1936 г. В. П. Ставский направил в ЦК ВКП(б) и НКВД СССР. Ее получили Л. М. Каганович и Н. И. Ежов. Выдержки из записи опубликованы в книге: Максименков Л. В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция. 1936–1938. М., 1997.

⁴ Имеется в виду рекламная статья Д. Бедного «Богатыри (К премьере в Камерном театре)», опубликованная в «Правде» 24 октября 1936 г., за пять дней до премьеры, состоявшейся 29 октября.

⁵ Так в тексте.

В таком крайне деморализованном состоянии Демьян Бедный оставался и после встречи со Ставским, которая, очевидно, ни в какой мере не содействовала укреплению его настроений.

Станиславский, народный артист СССР: «Большевики гениальны. Все, что делает Камерный театр, – не искусство. Это формализм. Это дяляческий театр, это театр Коонен».

Леонидов, народный артист СССР: «Когда я прочел постановление комитета, я лег в постель и задрал ноги. Я не мог прийти в себя от восторга: как здорово стукнули Литовского, Таирова, Демьяна Бедного. Это страшней, чем 2#й МХАТ».

Янин, заслуж[енный] артист МХАТа: «Пьеса очень плохая. Я очень доволен постановлением. Нельзя негодными средствами держаться так долго. Сейчас полностью выявляется вся негодность системы Таирова. Чем скорее закроют театр, тем лучше. Если закрыли 2#й МХАТ, то этот нужно подавно».

Хмелев, заслуж[енный] артист МХАТа: «Совершенно правильное решение. Руководство видит, где настоящее искусство, а где профанация его. Надо ждать за этим решением ликвидации Камерного театра. Этому театру делать больше нечего».

Кедров, заслуж[енный] артист МХАТа: «Если закроют Камерный театр, одним плохим театром меньше будет».

Станицын, заслуж[енный] артист МХАТа: «Это театр, в котором плохо играют, плохо поют, плохо танцуют. Его нужно закрыть».

Марков, зав[едующий] лит[ературной] частью МХАТа: «Гнусная спекуляция именами Бородина, Палеха. Отвратительный ужасный спектакль. Постановление целиком оправдано».

Израилевский, зав[едующий] музыкальной частью МХАТа, заслуж[енный] артист: «Все спектакли Камерного театра – сплошной формализм. В другом месте нигде бы работники не смогли бы приложить свои способности. Всю свою жизнь театр не давал никакого удовлетворения».

Самосуд, худ[ожественный] руководитель Большого театра: «Постановление абсолютно правильное. Камерный театр – не театр. Таиров – очковтиратель. Идея постановки „Богатырей“ порочна. Демьян Бедный предлагал мне эту пьесу еще в Михайловский театр, но я от нее отказался».

Мейерхольд, народный артист республики: «Наконец-то стукнули Таирова так, как он этого заслуживал. Я веду список запрещенных пьес у Таирова, в этом списке „Богатыри“ будут жемчужиной. И Демьяну так и надо. Но самое главное в том, что во всем виноват комитет и персонально Боярский. Он меня травит. Пока в комитете будет такое руководство, искусство развиваться не будет».

Наталья Сац, заслуж[енная] арт[истка] респ[ублики], художественный руководитель Центрального детского театра: «Таиров сделал ошибку. Использовал недоделанную музыку Бородина. На Демьяна Бедного нельзя было надеяться, потому что он плохой драматург. Приглашение палехских художников – игра на форму без возможности оправдать ее содержанием. Театр ничего не может сказать зрителю».

Садовский, народный артист РСФСР, артист Малого театра: «Разумное постановление. Правильно дали по рукам Таирову и Демьяну Бедному. Нельзя исказить историю великого русского народа».

Тренев, драматург, автор «Любви Яровой»: «Я очень обрадован постановлением. Я горжусь им как русский человек. Нельзя плевать нам в лицо. Я сам не мог пойти на спектакль, послал жену и дочь. Они не досидели, ушли, отплеываясь. Настолько омерзительное это производит впечатление».

Григорий Санников, поэт: «Ну что же, я приветствую постановление и статью Керженцева⁶. Это полезно, касается не только самого Демьяна, но и подхода у нас к русской истории вообще. ЦК долгое время было не до того. А сейчас взялись серьезно за это дело и выправили его. С вульгаризацией истории давно было пора покончить».

П. Романов, писатель, прозаик: «Хорошо сделали, что хлопнули. Демьян берет своим орденом, связями и грубятиной. На этот раз дело не вышло. Это раз, а, во-вторых, очень хорошо, что заступились за русский фольклор, русских богатырей. Надо же искать и русских героев».

Городецкий, поэт: «Я никаким репрессиям сочувствовать не могу, но мне нравится, что бьют за издевательство над фольклором, а не за темы из него. Нельзя так относиться к истории народа, и еще приятнее, что ударили по Таирову: он жулик».

Все[олод] Вишневский, драматург: «Поделом Демьяну, пусть не халтурит. Это урок истории: „не трогай наших“. История еще пригодится, и очень скоро. Уже готовится опера „Минин [и] Пожарский – спасение от интервентов“». (Такая оценка решения не помешала Вишневскому пойти к Таирову с выражением соболезнования.)

В. Луговской, поэт: «Постановление вообще правильное, но что особо ценно, это мотивировка. После этого будут прекращены выходки разных пошляков, осмеливавшихся высмеивать русский народ и его историю. До сих пор считалось хорошим тоном стыдиться нашей истории».

И. Трауберг, режиссер, автор кинокартины «Встречный»: «Советское государство становится все более и более национальным и даже националистическим. В силу этого совершенно неожиданные вещи находят защиту у руководства партии. Становится трудней работать, тем более когда столько руководящих лиц – и главреперткомовцы, и комитет по делам искусств не могут правильно решить смысл пьесы, которую приходится снимать после того, как она ими принята».

С. Клычков, писатель: «А впрочем, может быть, все может быть. Великий русский народ все-таки насчитывает сто миллионов, и он, конечно, имеет свое право на искусство большее, нежели на коробках для пудры и киосках а-ля-рюсс. Может быть, когда-нибудь и посмеют меня назвать русским писателем. Русское искусство нельзя бросить под хвост вогульскому эпосу.

Кому дали на поругание русский эпос? Жиду Таирову да мозгляку Бедному. Ну что можно было кроме сатиры ожидать от Бедного, фельетониста по преимуществу? Но кто-то умный человек и тонкий человек берет их за зад и вытряхивает лишнюю вонь.

Демьяну Бедному влетело поделом. Этим постановлением реабилитируется русская история, а то все у нас дерьмом называют. Надо было. Теперь начинают признавать прогрессивное значение за многими фактами; пожалуй, поймут, что и кулик мог быть полезен. С другой стороны, постановление как бы реабилитирует христианство; может быть, поймут, что и сейчас верующий не подлец, потому что красть не станет.

Надеюсь, что писателям легче будет писать правду, а критики должны будут признавать свои ошибки».

Вс. Иванов, писатель: «Я эту историю еще не осмыслил. Думаю, что здесь играют роль какие-то внутренние причины, о которых, конечно, не упоминается в статье Керженцева».

Ю. Олеша, писатель: «Пьеса здесь главной роли не играет. Демьян заелся, Демьяну дали по морде. Сегодня ему, завтра другому. Радоваться особенно не приходится. Демьяну выплывается за его прежние грехи».

⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о запрете пьесы Д. Бедного «Богатыри» см.: Власть и художественная интеллигенция. С. 333. Док. № 30. Накануне принятия постановления Политбюро, 13 ноября 1936 г. спектакль в Камерном театре посетил В. М. Молотов. Статья М. П. Керженцева «Фальсификация народного прошлого (о „Богатырях“ Демьяна Бедного)» была опубликована в «Правде» 15 ноября 1936 г.

Ольга Форш: «Ну разве может быть у писателя два мнения? Чудно, замечательно, что Демьяна прочили. Вот, только, пожалуй, нам, пишущим пьесы, сейчас работать трудно будет. Литовский, говорят, совсем голову потерял, ни в чем не уверен. А меня и без того главреперткомщики заставляют вымарывать и выправлять пьесу о Камо».

П. Антокольский, поэт: «Не везет „камерникам“, а Бедного мне жаль. Он много может дать театру. А вообще работать в театре становится труднее – все отчаянные трусы вокруг. Поэтому все московские театры без исключения отличаются казенщиной и отсутствием мыслей. Ставят только то, что приказано свыше, как мы, например, приняли в Вахтанговский театр бездарную пьесу Киршона».

Лебедев-Кумач, литератор-сатирик: «Если из этой истории сделают вывод, очень хорошо. Нужно убрать ту матерщину со сцены и из поэзии, которую разводит Демьян и делает эту матерщину официальным языком советской поэзии. Но, наверное, ему сейчас же после кнута дадут пряник, а набросятся на кого-то другого: нельзя обижать своего человека».

Козловский, артист ГАБТа: «Несомненно, пьесу читали раньше в правительстве, почему же ее не запретили до постановки? Таиров – большой талант, и это постановление не убьет его».

Каверин, режиссер ТРАМа: «Постановление правильное, это все понимают, и если многие воздерживаются от резкой критики Таирова, то только потому, что, пожалуй, в каждом театре есть свои „маленькие богатыри“».

Эйзенштейн, заслуженный деятель искусств и режиссер кино: «Я не видел спектакль, но чрезвычайно доволен хотя бы тем, что здорово всыпали Демьяну. Так ему и надо, он слишком зазнался. Хорошо также, что попало этому подхалиму Литовскому, который грохнул хвалебную статью⁷. Во всем этом деле меня интересует один вопрос, где же были раньше, когда выпускали на сцену контрреволюционную пьесу?»

Леонид Соболев, автор «Капитального ремонта»: «Только что был у Таирова. К нему с утра идут люди. Как раз, когда приехал я к Таирову, уходил Вс. Вишневецкий. Алиса страшно взволнована, удручена, говорит, что к ним сейчас все идет, как на похороны. Жалко Таирова, хотя я считаю, что постановление правильное. Ведь, когда издается книга, извращающая историю, действительность и пр[очее], мы же не пускаем ее к читателю, а в театре тоже воспитывается многотысячный зритель. Странно – где был раньше Керженцев? Раз пьеса репетировалась и пошла уже, как готовый спектакль для зрителя, значит комитет по делам искусств принял спектакль и принял хорошо. Да и в печати хвалили и пьесу, и спектакль. Говорят, что „Богатырей“ смотрели Молотов и Ворошилов. Ясно, что они вскрыли извращения в пьесе».

Барнет, кинорежиссер: «К сожалению, не успел посмотреть спектакль. Знаю только, что такой гнилой театр, как Камерный, давно пора закрыть».

Беренштейн, зав[едующий] театральным отделом газеты «Вечерняя Москва»: «Этой статьей полностью скомпрометирован Литовский. Его, очевидно, снимут, но Камерный театр все-таки не закроют. Во-первых, он известен за границей, а потом и так успели закрыть десять театров. Это же совершенно ужасный разгром. Я не мог найти в Москве театры, когда мне было поручено составить подвал о премьерах в этом сезоне, буквально все позакрывали».

Исидор Клейнер, теоретик и театр[альный] критик: «История с постановкой „Богатырей“ поучительна, полезна для драматургии, для театрального искусства. Правда, Таиров имел письменный акт о приемке постановки Главреперткомом. Все было „в порядке“. Так

⁷ Имеется в виду опубликованная в день премьеры хвалебная статья О. С. Литовского «Богатыри: новая постановка Камерного театра» (Советское искусство. 1936. 29 октября).

что Литовский ответственен не меньше его. Сегодня было экстренное совещание у Ангарова в связи с этой историей. Произошла новая „сеча при Керженце“.

Судьба Камерного театра не ясна. Пожалуй, пошлют на „перековку“ на периферию. Это будет полезно. Ведь Завадский процветает в Ростове. Аудитория у него хорошая и к тому же модная: донские казаки.

Ну а Демьян, пожалуй, больше богатым не будет. Уже подсчитали, что он успел получить рублей по 250 за спектакль. А платных спектаклей было 7–8».

Г. Бравин, премьер оперетты: «Мне очень нравится такая крепкая политика. Это действительно – „невзирая на лица“ Поделом Демьяну – он необычайно циничен. Все у него было – и талант, и библиотека, а он на все наплевал».

Свободин, артист театра оперетты: «Правильно решение комитета. Таировский театр на волоске. Его бы давно уже закрыли, если бы не Литвинов, который покровительствовал ему».

Симонов, театр Вахтангова, заслуженный артист: «У нас в театре постановлением очень довольны. Не любят Таирова как эклектический театр и Д. Бедного как „грубого“ автора.

Постановление замечательное. Если в решении о МХАТ 2 было много неясного (за что же закрыли театр), то этот документ замечательно умный и ясный».

Горчаков, режиссер, заслуженный артист МХАТа: «Пьеса эта – набор слов. Ничего интересного. Постановление правильное».

Держинский, композитор, автор «Тихого Дона»: «Я собираюсь писать оперу „Пугачев“. После этого постановления комитета я не знаю, как мне быть. Я хотел бы поговорить с кем-нибудь из руководящих товарищей. Теперь к исторической теме надо подходить с предельной осторожностью».

Охлопков, художественный руководитель реалистического театра: «Сейчас надо быть на страже. Это сигнал. Пьесы надо давать читать коллективу. Надо осторожно относиться к репертуару. Для нашего брата – большой урок».

Поль, артист театра Сатиры: «Очень рад, что по Демьяну ударили: он так было зазнался, что два пальца подавал; а вот Таирова жалко. Правда, он тоже должен был смотреть, но за Демьяном снял с себя бдительность».

Орбели, академик, директор Эрмитажа (после совещания в комитете искусств): «Какие выводы? Постановление замечательное. Бить, однако, надо не столько Таирова, сколько Демьяна Бедного. Нельзя добивать Таирова. Возмутил меня Мейерхольд. Это хулиганское выступление. Это гаерство».

Рошаль, заслуженный деятель искусств, кинорежиссер: «Ничего не понимаю. Не знаю, за что теперь братья. Оказывается, что вообще нельзя ставить никакой сатиры».

Птушко, заслуженный деятель искусств и кинорежиссер: «Я вообще растерялся. Попробовали посмеяться над крещением Руси, и то, оказывается, нельзя. Страшно работать, у меня опускаются руки».

Ленин, заслуженный артист Малого театра: «Спектакль снят. Молодцы. При царе Николае был один цензор, который единолично мог решать вопросы, а сейчас наши цензоры испугались Демьяна Бедного и пропустили спектакль».

Ярон, премьер оперетты: «Я в отчаянии, я чувствую себя снова беззащитным. Если Керженцев, который видел „Богатырей“ пропустил и даже аплодировал им, теперь пишет также статью, значит и наш спектакль могут снять, дав уничтожающую критику вещи, которую вчера восхваляли, если кому-то выше не понравилось. Это безнадежное двурушничество и трусость действуют деморализующе».

Д. Н. Морозов, драматург: «Таиров хотел нажить себе политический капитал пьесой Д. Бедного и „оскоромился“. Впрочем, разве от Д. Бедного можно было ждать высококаче-

ственной художественной продукции? Плакат подписать – это еще очень далеко до подлинной драматургии. А то, что пьесу сняли, то здесь по меньшей мере виноват Керженцев. Пьеса снята, конечно, по указанию „хозяина“. И правильно. Пора говорить о культуре на полный голос».

В. А. Аверьянов, драматург: «Поражаешься нашей ловкости рук. Главискусство в лице Керженцева разрешило постановку „Богатырей“. Я не верю, что Керженцев не знал и не давал своей положительной оценки этой пьесе Демьяна. Ведь Камерный театр не какой-нибудь заштатный театр третьего положения. Таировский театр один из ведущих московских театров, и Керженцев, делающий театральную политику, не мог не знать, что делается в его театре. А тут – здорово живешь – тот же Керженцев бьет по морде и Демьяна, и Таирова, и, кстати, Литовского – своего подголоска. Где же предел ловкости рук?»

Ромм Михаил, кинорежиссер: «По-существу, конечно, статья правильная, и всем досталось по заслугам. Но где же комитет искусств был раньше? Очевидно, этот спектакль смотрел кто-либо из членов правительства, и Керженцеву предложили самого себя высечь»⁸.

Аркадин, заслуженный артист Камерного театра: «Виноват в истории с „Богатырями“ комитет по делам искусств. Ведь комитет мог не разрешить пьесу к постановке, так как читал пьесу и, наконец, видел генеральную репетицию. Комитет в данном случае преследовал цель опозорить театр».

Голубов, театральные критик «Известий» и «Вечерней Москвы»: «Люди, стоящие далеко от комитета, считают это постановление победой комитета; люди, уже более близкие к событиям, считают, что это удар по комитету».

Литовский, председатель Главреперткома: «Я не выступлю на беспартийном совещании. На совещании членов партии я скажу, что виноват в этом не только Литовский, но и комитет: Керженцев, Боярский, а также Городинский, которые принимали спектакль».

М. Булгаков, автор «Дней Турбиных»: «Это редкий случай, когда Демьян, при его характере, не будет злорадствовать: на этот раз он сам пал жертвой, – а не подхихикивать над другими. Пусть теперь почувствует сам».

*Нач[альник] секр[етно]-полит[ического] отдела ГУГБ комиссар
госуд[арственной] безопасности 2#го ранга МОЛЧАНОВ*

Источник: <http://www.idf.ru/3/12.shtml>

Поздравление Президиума Верховного Совета СССР

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ СТАЛИН!

В день Вашего славного шестидесятилетия Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик горячо приветствует вас – самого любимого и дорогого человека нашей страны и трудящихся всего мира.

Свыше сорока лет своей жизни Вы отдали героической революционной борьбе.

Вместе с великим Лениным Вы создали могучую партию большевиков, которая справедливо называется ныне партией Ленина – Сталина.

Вместе с Лениным Вы организовали великий революционный штурм капиталистического мира в исторические дни Октября. Ближайший сподвижник Ленина, Вы являлись непосредственным руководителем подготовки октябрьского восстания.

⁸ См. примечание 4.

Вместе с Лениным строили Вы для защиты молодой Советской республики героическую Красную Армию, показав себя выдающимся полководцем и являясь непосредственным организатором побед Красной Армии на самых трудных и решающих фронтах.

Вы отстаивали от наскоков врагов единство партии, чистоту ленинского учения, двинули большевистскую теорию вперед.

Именно эта Ваша неустанная и непреклонная борьба за большевистскую теорию позволила партии мобилизовать многомиллионные массы трудящихся на разрешение всемирно-исторических задач построения социализма в нашей стране.

Разработанная Вами программа социалистической индустриализации обеспечила превращение нашей страны из страны отсталой, разоренной в могущественную индустриальную державу, вооруженную передовой техникой.

Под Вашим руководством разрешены всемирно-исторического значения задачи перевода миллионов мелких единоличных крестьянских хозяйств на рельсы крупного, механизированного колхозного хозяйства.

Народ по праву называет пятилетки социалистической стройки – сталинскими пятилетками и связывает победу социализма в нашей стране с Вашим именем, с именем вдохновителя и организатора этой победы.

Вы разработали учение о социалистическом государстве. Ваше имя неразрывно связано со всеми важнейшими мероприятиями по развитию и укреплению Советского государства. Вы являетесь творцом новой Конституции СССР – Конституции победившего социализма.

При Вашем непосредственном участии и по Вашим указаниям происходит перестройка всех советских органов на основе Сталинской Конституции, воплощаются в жизнь принципы развернутого социалистического демократизма. Советское государство становится еще более мощным орудием в борьбе за разрешение новых исторических задач, поставленных Вами на XVIII съезде партии.

Вы развили ленинскую теорию национального вопроса и непосредственно руководили практическим осуществлением национальной политики Советского государства, созданием национальных советских республик. Вместе с Лениным Вы являетесь организатором Союза Советских Социалистических Республик, многонационального социалистического государства рабочих и крестьян.

Под Вашим руководством советский народ разгромил вражеские гнезда вредителей, диверсантов, шпионов и убийц из троцкистско-бухаринского и буржуазно-националистического лагеря, нанеся сокрушительный удар по антисоветским замыслам империалистов.

С гениальной прозорливостью Вы раскрыли махинации провокаторов войны. Ваше мудрое руководство во внешней политике, в условиях развернувшейся второй мировой империалистической войны, обеспечило стране крупнейшие победы, подняло значение СССР как серьезной международной силы, укрепило обороноспособность страны, обеспечило народам Советского Союза мирный труд и дальнейшее процветание социалистического государства.

Вы олицетворяете собой величайшую любовь и преданность своему народу, пламенный советский патриотизм. Свободные народы СССР видят в Вас воплощение силы и могущества своей великой родины.

С Вашим именем доблестная Красная Армия громила на фронтах врагов нашей родины, освобождала наших братьев – украинцев и белоруссов из-под гнета польских помещиков и капиталистов, помогает освобождению финского народа.

Для всех трудящихся, для всего прогрессивного человечества Ваше имя является знаменем борьбы за освобождение от эксплуатации и угнетения.

Славная дата Вашего шестидесятилетия еще больше сплотит могучий советский народ вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Вас, великого вождя, друга и учителя трудящихся, сделает еще более несокрушимым морально-политическим единство советского общества, вдохновит народы Советского Союза на новые героические подвиги в борьбе за коммунизм.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, отмечая в этот день Ваши великие заслуги перед социалистической родиной, шлет Вам свои горячие пожелания еще долгие и долгие годы жить и работать на благо и счастье народов Советского Союза и трудящихся всего мира.

*ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
«Правда», 21.12.1939*

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «Об учреждении премий и стипендий имени Сталина»

В ознаменование шестидесятилетия товарища Иосифа Виссарионовича Сталина Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

I

Учредить 16 премий имени Сталина (в размере 100 тысяч рублей каждая), присуждаемых ежегодно деятелям науки и искусства за выдающиеся работы в области:

1. физико-математических наук,
2. технических наук,
3. химических наук,
4. биологических наук,
5. сельскохозяйственных наук,
6. медицинских наук,
7. философских наук,
8. экономических наук,
9. историко-филологических наук,
10. юридических наук,
11. музыки,
12. живописи,
13. скульптуры,
14. архитектуры,
15. театрального искусства,
16. кинематографии.

II

Учредить Сталинскую премию, присуждаемую ежегодно за лучшее изобретение, – десять первых премий в размере 100 тысяч рублей каждая, двадцать вторых премий в размере по 60 тысяч рублей каждая, тридцать третьих премий в размере по 25 тысяч рублей каждая.

III

Учредить Сталинскую премию, присуждаемую ежегодно за выдающиеся достижения в области военных знаний, – три первых премий в размере 100 тысяч рублей каждая, пять вторых премий в размере 50 тысяч рублей каждая, десять третьих премий в размере 25 тысяч рублей каждая.

IV

Учредить стипендии имени Сталина для наиболее выдающихся учащихся в высших учебных заведениях:

в Артиллерийской ордена Ленина Академии РККА имени Дзержинского – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военно-Политической Академии имени Ленина – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военно-Воздушной Академии имени Жуковского – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военной Академии механизации и моторизации РККА им. Сталина – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военно-Морской Академии имени Ворошилова – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военно-Медицинской Академии имени Кирова – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Московском Краснознаменном Механико-Машиностроительном Институте имени Н. Э. Баумана – сто стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

в Московском Государственном Университете – сто стипендий по 500 рублей в месяц каждая.

в Ленинградском Индустриальном Институте – сто стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

в Московской Государственной Консерватории – пятьдесят стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

в Ленинградской ордена Ленина Государственной Консерватории – пятьдесят стипендий по 500 рублей в месяц каждая.

в Академии Художеств в г. Ленинграде – пятьдесят стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

в Московском Государственном Институте Театрального Искусства имени А. В. Луначарского – пятьдесят стипендий по 500 рублей в месяц каждая.

для остальных высших военных и военно-морских учебных заведений – четыреста стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

для студентов высших учебных заведений, находящихся в ведении Народных Комиссариатов СССР и приравненных к ним центральных учреждений при СНК СССР – тысячу стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

для студентов высших учебных заведений, находящихся в ведении союзных республик – тысячу пятьсот стипендий по 500 рублей в месяц каждая.

V

Для лиц, подготавливаемых в ВУЗах и научно-исследовательских институтах к научной деятельности и защите диссертации на степень кандидата наук – учредить сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая.

Для лиц, подготавливаемых к защите диссертации на степень доктора наук – учредить в Академии Наук СССР пятьдесят стипендий по 1.500 рублей в месяц каждая.

Председатель СНК Союза ССР В. МОЛОТОВ
Управляющий делами СНК Союза ССР М. ХЛОМОВ
Москва, Кремль, 20 декабря 1939 г.
«Правда», 21.12.1939

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «Об учреждении премий имени Сталина по литературе»

В дополнение к постановлению СНК Союза ССР от 20 декабря 1939 г. «Об учреждении премий и стипендий имени Сталина» СНК Союза ССР постановляет:

Учредить четыре премии имени Сталина по 100 тысяч рублей каждая, присуждаемых ежегодно за выдающиеся произведения в области литературы, из них:

одну – по поэзии, одну – по драматургии,
одну – по прозе, одну – по литературной критике.

Председатель СНК Союза ССР В. МОЛОТОВ
Управляющий делами СНК Союза ССР М. ХЛОМОВ
Москва, Кремль, 1 февраля 1940 г.
«Правда», 02.02.1940

Сообщения ТАСС. В Совнарком СССР «О порядке присуждения премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства»

Совет Народных Комиссаров Союза ССР утвердил порядок присуждения премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства.

Премии имени Сталина, учреждаемые Постановлениями Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 декабря 1939 года и 1 февраля 1940 г., присуждаются ежегодно Советом Народных Комиссаров Союза ССР по представлению Комитета по Сталинским премиям в области науки, военных знаний и изобретательства и Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Эти Комитеты образованы при Совете Народных Комиссаров Союза ССР для предварительного рассмотрения работ в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства, представляемых на соискание премий имени Сталина.

Работы в области науки, военных знаний, литературы и искусства, а также заявки или описания изобретений с приложением всех необходимых документальных данных на соискание премий имени Сталина, представляются Комитетам по Сталинским премиям

ежегодно не позднее 15 октября, а последними представляются с предложением о присуждении премий в Совет Народных Комиссаров Союза ССР не позднее 1 декабря.

На соискание премий имени Сталина представляются лишь новые работы или изобретения, законченные в год присуждения премий. Работы или изобретения могут представляться научными обществами, научно-исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями и общественными организациями.

Работы или изобретения, законченные в период с 15 октября по 31 декабря, могут быть представлены на соискание премий имени Сталина в следующем году.

Работы в области науки и военных знаний и описания изобретений представляются на любом языке в 3 экземплярах, отпечатанные на пишущей машинке или типографским способом; литературные, музыкальные произведения и проекты архитектурных сооружений представляются в одном экземпляре, а остальные произведения искусства – в оригинале.

Оценка и присуждение премий за работы в области театрального искусства и кинематографии производятся как на основании представленных материалов (пьесы, сценарии, макеты и т. п.), так и на основании имевших место показов кинофильмов и театральных постановок.

Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства публикуются в центральной печати в день 21 декабря. Лицам, получившим Сталинскую премию, выдается диплом.

Комитет по Сталинским премиям в области науки, военных знаний и изобретательства утвержден Советом Народных Комиссаров СССР в составе:

Председателя Комитета – академика Баха А. Н., заместителей Председателя – 1) академика Лысенко Т. Д., 2) Председателя ВКВШ Кафтанова С. В. и членов комитета: Абрикосова А. И., Байкова А. А., Богомолец А. А., Варга Е. С., Вовко А. Г., Веденисова Б. Н., Горева К. В., Дегтярева В. А., Иоффе А. Ф., Кары-Ниязова Т., Коленковского А. К., Комарова В. Л., Косяченко Г. П., Крылова А. Н., Кузнецова В. В., Курнакова Н. С., Логинова М. Н., Манандяна Я. А., Меликова В. А., Митина М. Б., Мухелишвили Н. И., Обручева В. А., Орбели Л. А., Петровского В. А., Поспелова П. Н., Потемкина В. П., Ставицкого С. П., Тарле Е. В., Трайнина И. П., Чернышева А. А., Чудакова Е. А., Шмидта О. Ю., Яковлева А. С., Ярославского Е. М.

Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства утвержден Советом Народных Комиссаров СССР в составе:

Председателя Комитета – народного артиста СССР Немировича-Данченко В. И., заместителей Председателя – 1) Глиэра Р. М., 2) Шолохова М. А., 3) Довженко А. П., и членов Комитета: Асеева Н. Н., Александрова Г. Ф., Александрова А. В., Байсеитовой Куляш, Большакова И. Г., Веснина В. А., Грабаря И. Э., Гольденвейзера А. В., Герасимова А. М., Гурвича А. С., Гаджибекова У., Гулакяна А. К., Дунаевского И. О., Янка Купала, Кузнецова Е. М., Корнейчука А. Е., Луппола И. К., Мухиной В. И., Меркурова С. Д., Малдыбаева Абдылас, Мордвинова А. Г., Москвина И. М., Михоэлса С. М., Мясковского Н. Я., Насыровой Халимы, Самосуда С. А., Симонова Р. Н., Судакова И. Я., Толстого А. Н., Фадеева А. А., Храпченко М. В., Хорава А. А., Чиатурели М. Э., Черкасова Н. К., Шапорина Ю. А., Эрмлера Ф. М.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР утвердил положение об указанных Комитетах по Сталинским премиям при Совете Народных Комиссаров Союза ССР.

(ТАСС) «Правда», 02.04.1940

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) – режиссер, писатель, педагог, теоретик театра, один из основателей МХАТа. Народный артист СССР (1936). Лауреат Сталинской премии (1942, 1943).

Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874/75–1956) – композитор, дирижер, педагог, музыкальный деятель. Лауреат Сталинской премии (1946, 1948, 1950).

Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), действительный член АН СССР (1939). Лауреат Сталинской (1941), Ленинской (1960) и Нобелевской (1965) премий, заместитель председателя Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства и член секции литературы; ввиду большой занятости не присутствовал ни на одном заседании Комитета, секции и не принимал участия в голосовании по выборам кандидатов на Сталинскую премию.

Довженко Александр Петрович (1894–1956) – кинорежиссер, писатель, сценарист. Народный артист РСФСР (1950). Один из основоположников советской кинематографии. Лауреат Сталинской (1941, 1949) и Ленинской премий (присуждена посмертно в 1959 г.).

Асеев Николай Николаевич (1889–1963) – поэт. Лауреат Сталинской (1941) и Ленинской (1962) премий.

Александров Георгий Федорович (1908–1961) – философ. Специализировался в области зарубежной истории, философии и социологии. Выпускник МИФЛИ (1932). В 1938–1941 гг. возглавлял в МИФЛИ кафедру истории философского факультета. С 1940 по 1947 гг. работал в ЦК ВКП(б). В 1947–1954 гг. – директор Института философии АН СССР. Министр культуры СССР (1954–1955). В 1955–1961 гг. работал в Институте философии и права АН БССР. С 1961 г. – проф. Белорусского государственного университета. Действительный член АН СССР (1946).

Александров Александр Васильевич (1883–1946) – композитор, хормейстер. Автор песни «Священная война» (сл. В. И. Лебедева-Кумача), музыки Государственного гимна Советского Союза (Российской Федерации). Народный артист СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1942, 1946).

Байсеитова Куляш (Гульбахрам) Жасымовна (1912–1957) – казахская певица, одна из создателей казахского оперного искусства. Сценическую деятельность начала в 1930 г. В 1934–1957 гг. выступала на сцене Казахского театра оперы и балета. Народная артистка СССР (1936). Лауреат Сталинской премии (1948, 1949).

Большаков Иван Григорьевич (1902–1980) – экономист, кандидат искусствоведения. Управляющий делами СНК СССР, председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, министр кинематографии, 1-й зам. министра культуры, заместитель председателя Государственного комитета СМ СССР по культурным связям с зарубежными странами, позже на научной работе в Институте технической эстетики.

Веснин Виктор Александрович (1882–1950) – архитектор.

Грбаварь Игорь Эммануилович (1871–1960) – живописец и историк живописи. Лауреат Сталинской премии (1941).

Гольденвейзер Александр Борисович (1875–1961) – пианист, композитор, педагог, общественный деятель. Основатель одной из крупных отечественных школ фортепьянной музыки. Народный артист СССР (1946). Лауреат Сталинской премии (1947).

Герасимов Александр Михайлович (1881–1963) – живописец, педагог. Председатель Оргкомитета Союза советских художников (1939–1954), президент Академии художеств СССР (1947–1957), действительный член Академии художеств СССР (1947). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1949).

Гурвич Абрам Соломонович (1897–1962) – литературный и театральный критик.

Гаджибеков Узеир Абдул Гусейн оглы (1885–1948) – азербайджанский композитор, музыковед, педагог. Народный артист СССР (1938). Лауреат Сталинской премии (1941, 1946).

Гулакян Армен Карапетович (1899–1960) – режиссер. На сцене с 1918 г. С 1927 г. работал в театре им. Сундукяна (Ереван). Народный артист Армении (1940). Лауреат Сталинской премии (1946, 1950).

Дунаевский Исаак Осипович (Иосифович) (1900–1955) – композитор. Народный артист РСФСР (1950). Лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

Купала Янка (псевд., наст. имя и фам. Иван Доминикович Луцевич; 1882–1942) – белорусский поэт. Печататься начал в 1905 г. За сборник стихов «От сердца» (1940) удостоен Сталинской премии в 1941 г.

Кузнецов Евгений Михайлович (1899/1900–1958) – театровед, автор работ по истории русского и советского цирка и эстрады. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1939).

Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – украинский драматург, государственный деятель. Действительный член АН СССР (1943). Герой Соц. Труда (1967). Лауреат Сталинской (1941, 1942, 1943, 1949, 1951) и Ленинской (1960) премий.

Луппол Иван Капитонович (1896–1943) – философ, эстетик, литературовед. Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (1935–1940). Действительный член АН СССР (1939). Писал работы по истории философии, эстетики и литературы.

Мухина Вера Игнатьевна (1889–1953) – скульптор. Автор памятников «Пламя революции» (1922–1923), «Крестьянка» (1927), «Рабочий и колхозница» (1935–1937; для советского павильона на Всемирной выставке, 1937 г. в Париже). Народный художник СССР (1943), действительный член Академии художеств СССР (1947). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1951, 1952).

Меркуров Сергей Дмитриевич (1881–1952) – скульптор-монументалист. Народный художник СССР (1943), действительный член Академии художеств (1947). Лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

Малдыбаев Абдылас Малдыбаевич (1906–1978) – композитор, певец. Общественный деятель. В соавторстве с В. А. Власовым и В. Г. Фере участвовал в создании первых киргизских опер: «Айчурек» (1939), «Манас» (1946). Автор государственного гимна Киргизской ССР (1946). Народный артист СССР (1939), депутат Верховного Совета 1-го созыва; депутат Верховного Совета Киргизской ССР 2–4 созывов.

Мордвинов (псевд., наст. фам. Мордвишев) Аркадий Григорьевич (1896–1964) – архитектор. Президент Академии архитектуры СССР (1950–1955). Вице-президент Международного союза архитекторов (1953–1957). Лауреат Сталинской премии (1941, 1949).

Москвин Иван Михайлович (1874–1946) – актер театра и кино. Народный артист СССР (1936). Депутат Верховного Совета (1937–1946). Лауреат Сталинской премии (1943, 1946). Брат М. М. Тарханова.

Михоэлс Шломо (наст. имя и фам. Соломон Михайлович Вовси; 1890–1948) – актер, режиссер, педагог, общественный деятель. Народный артист Республики (1935). Народный артист СССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1946).

Мяковский Николай Яковлевич (1881–1950) – композитор, педагог, музыкальный критик, общественный деятель. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1926). Народный артист СССР (1946). Доктор искусствоведения (1940). Лауреат Сталинской премии (1941, 1946 – дважды, 1950, 1951 – посм.).

Насырова Халима (1913–2003) – узбекская певица. В 1930–1939 гг. – солистка Узбекского музыкально-драматического театра, с 1939 по 1985 гг. – Узбекского театра оперы и балета. Выступала и как концертная певица. В 1979–1986 гг. вела педагогическую дея-

тельность. Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1942, 1951) и Государственной премии Узбекской ССР (1968).

Самосуд Самуил Абрамович (1884–1964) – дирижер. Руководитель оперно-симфонического оркестра Всесоюзного радио (1954–1957). Народный артист СССР (1937). Впервые в СССР поставил (1939) оперу М. И. Глинки «Иван Сусанин». Лауреат Сталинской премии (1941, 1947, 1952).

Симонов Рубен Николаевич (1899–1968) – актер, режиссер и педагог. Народный артист СССР (1946). Лауреат Сталинской (1943, 1947, 1950) и Ленинской (1967) премий.

Судаков Илья Яковлевич (1890–1969) – режиссер, актер, педагог. Народный артист РСФСР (1938). Лауреат Сталинской премии (1942, 1951).

Толстой Алексей Николаевич (1882/83–1945) – писатель, общественный деятель. Депутат Верховного Совета (1937–1945). Действительный член АН СССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946 – посм.).

Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – писатель и общественный деятель. 1946–1954 гг. – генеральный секретарь СП СССР, 1946–1956 гг. – депутат Верховного Совета СССР. Вице-президент Всемирного совета Мира. Лауреат Сталинской премии (1946).

Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) – литературовед и общественный деятель. С 1939 по 1948 г. – председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, 1967–1986 гг. – академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР. Член Президиума АН СССР. Президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Действительный член АН СССР (1966). Лауреат Ленинской (1974) и Государственной (1980) премий СССР.

Хорава Акакий Алексеевич (1895–1972) – актер и педагог. Народный артист СССР (1936). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1958). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946 – дважды, 1951).

Чаурели Михаил Эдишерович (1894–1974) – кинорежиссер, сценарист, общественный деятель. Народный артист СССР (1948). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1947, 1950). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1954).

Черкасов Николай Константинович (1903–1966) – актер, общественный деятель. Лауреат Сталинской (1941, 1946, 1950, 1951 – дважды) и Ленинской (1964) премий. Депутат Верховного Совета СССР (1950–1956).

Шапорин Юрий (Георгий) Александрович (1887–1966) – композитор, педагог, общественный деятель. Народный артист РСФСР (1947). Народный артист СССР (1954). Лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1952).

Эрмлер Фридрих Маркович (1898–1967) – кинорежиссер. Народный артист СССР (1948). Лауреат Сталинской премии (1941, 1946 – дважды, 1951).

Сообщения ТАСС. В Совнарком СССР «Об изменении порядка присуждения Сталинских премий по науке, изобретениям, литературе и искусству»

Совет народных Комиссаров Союза ССР 20 декабря 1940 года постановляет:

1. Во изменение постановления СНК СССР от 20 декабря 1939 года, для 1940 года, как для итогового в отношении достижений предыдущих лет, Сталинские премии присуждать не только за выдающиеся работы 1940 года, но и за работы последних 6–7 лет.

2. В соответствии с этим установить следующее количество Сталинских премий:

а) по 3 премии первой степени за выдающиеся работы в области науки и искусства в размере 100 тыс. рублей каждая и по 5 премий второй степени в размере 50 тыс. рублей:

1. физико-математических наук,
2. технических наук,
3. химических наук,
4. биологических наук,
5. сельскохозяйственных наук,
6. медицинских наук,
7. философских наук,
8. экономических наук (включая статистику),
9. историко-филологических наук,
10. юридических наук,
11. музыки,
12. живописи,
13. скульптуры,
14. архитектуры,
15. театрально-драматического искусства,
16. оперного искусства,
17. балетного искусства,
18. кинематографии;

б) по 3 премии в размере 100 тысяч рублей каждая за выдающиеся произведения в области литературы, из них:

- три – по поэзии,
- три – по прозе,
- три – по драматургии,
- три – по литературной критике;

в) за выдающиеся изобретения (в том числе военные) – двадцать пять премий первой степени в размере 100 тыс.

рублей каждая,

сорок – второй степени в размере 50 тыс. рублей каждая, шестьдесят – третьей степени в размере 25 тыс. рублей каждая. 3. Предложить Комитету по Сталинским премиям в области науки и изобретений и Комитету по Сталинским премиям в области литературы и искусства представить свои предложения на утверждение Советом Народных Комиссаров к 15 января 1941 года в соответствии с настоящими изменениями порядка присуждения Сталинских премий.

«Правда», 12.01.1941

Протокол № 1 Общего собрания Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства

16 сентября 1940 года. МХАТ СССР им. Горького.

Присутствовали: Председатель Комитета Вл. И. Немирович-Данченко, зам. председателя Р. М. Глиэр и 24 члена Комитета, расписавшиеся на прилагаемом листе. (Из отсутствовавших 14#ти членов Комитета дали знать о невозможности быть на заседании: по болезни – К. Байсеитова, А. М. Герасимов, А. П. Довженко, С. Д. Меркуров, И. М. Москвин; по занятости – У. Гаджибеков, А. Е. Корнейчук, А. А. Хорава, М. А. Шолохов; без предупреждения отсутствуют: Г. Ф. Александров, Янка Купала, И. К. Луппол, А. Г. Мордвинов, Х. Насырова.)

Заседание стенографируется.

Слушали: 1. Предложение председателя Комитета Вл. И. Немировича-Данченко послать приветствие и благодарность за доверие, оказанное членам Комитета, главе правительства тов. В. М. Молотову.

Постановили: принять (л. 1) <...>

Слушали: 3. Предложение Вл. И. Немировича-Данченко о создании четырех секций:

1) литературы (проза, поэзия, драматургия, худож. критика)

2) театра и кино

3) музыки

4) живописи, скульптуры и архитектуры и о следующем распределении членов Комитета по секциям.

А. Фадеев, А. Герасимов, И. Москвин и А. Толстой на заседании по Сталинским премиям

Секция литературы: тт. Александров Г. Ф., Асеев, Гулакян, Гурвич, Корнейчук, Луппол, Толстой, Фадеев, Шолохов, Янка Купала.

Секция театра и кино: тт. Александров Г. Ф., Байсеитова, Большаков, Глиэр, Гулакян, Гурвич, Довженко, Кузнецов, Михоэлс, Малдыбаев, Москвин, Насырова, Самосуд, Симонов, Судаков, Хорава, Храпченко, Черкасов, Чиаурели, Эрмлер.

Секция музыки: тт. Александров А. В., Александров Г. Ф., Байсеитова, Гаджибеков, Глиэр, Гольденвейзер, Дунаевский, Мясковский, Насырова, Самосуд, Храпченко, Шапорин.

Секция живописи, скульптуры и архитектуры: Александров Г. Ф., Веснин, Герасимов, Грабарь, Меркуров, Мордвинов, Мухина, Храпченко.

Постановили: принять.

Слушали: 4. Предложение Вл. И. Немировича-Данченко передать секциям всю ближайшую подготовительную работу к следующему пленуму Комитета, намечаемому начиная с 15 октября.

Постановили: принять.

Слушали: 5. Предложение Вл. И. Немировича-Данченко о том, чтобы каждая секция избрала из своей среды председателя, ответственного за созыв секции. Работу секретарей секций возложить на референтов Комитета.

Постановили: принять.

*Председатель Комитета народных артист Союза ССР
Вл. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО
Секретарь О. С. БОКШАНСКАЯ
Источник: [41]*

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы»

Во исполнение Постановлений Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 декабря 1939 г. и 20 декабря 1940 г. о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы в период последних 6–7 лет, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Присудить Сталинские премии за выдающиеся работы в области:

А. МУЗЫКИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. МЯСКОВСКОМУ Николаю Яковлевичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору Московской Государственной Консерватории им. П. И. Чайковского за 21-ю симфонию, исполняемую с 1940 года.

2. ШАПОРИНУ Юрию Александровичу – профессору Московской Государственной Консерватории им. П. И. Чайковского за симфонию-кантату «На поле Куликовом», исполняемую с 1939 года.

3. ШОСТАКОВИЧУ Дмитрию Дмитриевичу – профессору Ленинградской ордена Ленина Государственной Консерватории за фортепианный квинтет, исполняемый с 1940 года.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. БОГАТЫРЕВУ Анатолию Васильевичу, за оперу «В пущах Полесья», поставленную на сцене Белорусского ордена Ленина Государственного театра оперы и балета в 1940 году.

2. ГАДЖИБЕКОВУ Узеиру, народному артисту СССР, профессору Азербайджанской Государственной Консерватории, за оперу «Кер оглы», поставленную на сцене в 1937 году.

3. КИЛАДЗЕ Григорию Варфоломеевичу – за симфоническую поэму «Отшельник», исполняемую с 1936 года.

4. РЕВУЦКОМУ Льву Николаевичу – профессору Киевской Государственной Консерватории, за 2-ю симфонию, исполняемую с 1940 года.

5. ХАЧАТУРЯНУ Араму Ильичу – заслуженному деятелю искусств Армянской ССР, за скрипичный концерт, исполняемый с 1940 года.

Б. ЖИВОПИСИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ГЕРАСИМОВУ Александру Михайловичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР, за картину «Сталин и Ворошилов в Кремле», законченную в 1938 году.

2. ИОГАНСОНУ Борису Владимировичу – профессору Всероссийской Академии Художеств, за картину «На старом Уральском заводе», законченную в 1937 году.

3. НЕСТЕРОВУ Михаилу Васильевичу – академику живописи, за портрет академика Павлова И. П., законченный в 1935 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ЕФАНОВУ Василию Петровичу – за картину «Незабываемая встреча», законченную в 1938 году.

2. САМОКИШУ Николаю Семеновичу – академику живописи, за картину «Переход через Сиваш», законченную в 1935 году.

3. САРЬЯНУ Мартиросу Сергеевичу – народному художнику Армянской ССР, за оформление оперы «Алмаст» Спендиарова, поставленной на сцене Ереванского театра Ленина театра Оперы и Балета в 1939 году.

4. ТОИДЗЕ Ираклию Моисеевичу – за иллюстрации к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», выполненные в 1937 году.

5. ФЕДОРОВСКОМУ Федору Федоровичу – за оформление оперы «Князь Игорь» Бородина, поставленной на сцене Государственного театра имени Ленина Академического Большого театра СССР в 1934 году.

В. СКУЛЬПТУРЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. МЕРКУРОВУ Сергею Дмитриевичу – заслуженному деятелю искусств Армянской ССР, за скульптурную фигуру И. В. Сталина на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (1940 г.) и скульптурную фигуру В. И. Ленина в зале заседаний Верховного Совета СССР (1939 г.).

2. МУХИНОЙ Вере Игнатьевне – за скульптуру «Рабочий и колхозница», законченную в 1937 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ИНГАЛ Владимиру Иосифовичу и БОГОЛЮБОВУ Вениамину Яковлевичу – за скульптурную фигуру С. Орджоникидзе, законченную в 1937 году.

2. КАКАБАДЗЕ Силовану Якимовичу – за монумент товарищу Сталину, сооруженный в г. Тбилиси в 1939 году.

3. МАНИЗЕРУ Матвею Генриховичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору Всероссийской Академии Художеств, за памятник В. И. Ленину в гор. Ульяновске, сооруженный в 1940 году.

4. ТОМСКОМУ Николаю Васильевичу – за памятник С. М. Кирову в гор. Ленинграде, сооруженный в 1939 году.

Г. АРХИТЕКТУРЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ЗАБОЛОТНОМУ Владимиру Игнатьевичу – за архитектурный проект здания Верховного Совета УССР в гор. Киеве, сооруженного в 1939 году.

2. ЧЕЧУЛИНУ Дмитрию Николаевичу – за архитектурные проекты станций «Киевская» и «Комсомольская площадь» Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича, сооруженных в 1935–1938 гг.

3. ЦУСЕВУ Алексею Викторовичу – академику архитектуры, за архитектурный проект здания Института Маркса – Энгельса – Ленина в гор. Тбилиси, сооруженного в 1938 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ДУШКИНУ Алексею Николаевичу и ЛИХТЕНБЕРГУ Якову Григорьевичу – за архитектурный проект станции «Дворец Советов» Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича, сооруженной в 1935 году.

2. ИОФАНУ Борису Михайловичу – академику архитектуры, за архитектурный проект здания советского павильона на Парижской выставке 1937 года.

3. ДАДАШЕВУ Садыху Алекперовичу и УСЕЙНОВУ Микаэль Алескеровичу – за архитектурный проект павильона Азербайджанской ССР на Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке в г. Москве, сооруженного в 1939 году.

4. КУРДИАНИ Арчилу Григорьевичу – за архитектурный проект павильона Грузинской ССР на Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке в г. Москве, сооруженного в 1939 году.

5. МОРДВИНОВУ Аркадию Григорьевичу, академику архитектуры и ГОЛЬЦУ Григорию Павловичу, академику архитектуры, – за архитектурные проекты жилых домов на Калужской улице, в г. Москве, построенных в 1940 году.

Д. ТЕАТРАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ТАРАСОВОЙ Алле Константиновне – народной артистке СССР, артистке Московского ордена Ленина и Трудового Красного Знамени Художественного Академического театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-драматического искусства.

2. ХОРАВЕ Акакию Алексеевичу – народному артисту СССР, артисту Тбилисского театра им. Руставели за выдающиеся достижения в области театрально-драматического искусства.

3. ХМЕЛЕВУ Николаю Павловичу – народному артисту СССР, артисту Московского ордена Ленина и Трудового Красного Знамени Художественного Академического театра СССР им. М. Горького за выдающиеся достижения в области театрально-драматического искусства.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. БАБАНОВОЙ Марии Ивановне – заслуженной артистке РСФСР, артистке Московского театра Революции за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

2. БУЧМЕ Амвросию Максимилиановичу – народному артисту УССР, артисту Киевского ордена Ленина Драматического театра им. Франко за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

3. ВАГАРШЯНУ Вагаршу Богдановичу – народному артисту Армянской ССР, артисту Ереванского Государственного театра имени Сундукяна за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

4. ГЛЕБОВУ Глебу Павловичу – народному артисту БССР, артисту Первого Белорусского Государственного Драматического театра за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

5. СКОРОБОГАТОВУ Константину Васильевичу – народному артисту РСФСР, артисту Ленинградского Ордена Трудового Красного Знамени Академического театра имени Пушкина за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

Е. ОПЕРНОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. БАРСОВОЙ Валерии Владимировне – народной артистке СССР, артистке Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-вокального искусства.

2. МИХАЙЛОВУ Максиму Дормидонтовичу – народному артисту СССР, артисту Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-вокального искусства.

3. РЕЙЗЕНУ Марку Осиповичу – народному артисту СССР, артисту Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-вокального искусства.

4. КОЗЛОВСКОМУ Ивану Семеновичу – народному артисту СССР, артисту Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-вокального искусства.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. АЛЕКСАНДРОВСКОЙ Ларисе Помпеевне – народной артистке СССР, артистке Белорусского Ордена Ленина театра Оперы и Балета за большие достижения в области театрально-вокального искусства.

2. ГАЙДАЙ Зое Михайловне, народной артистке УССР – артистке Киевского Ордена Ленина театра оперы и балета имени Шевченко за большие достижения в области театрально-вокального искусства.

3. ЛЕМЕШЕВУ Сергею Яковлевичу – заслуженному артисту РСФСР, артисту Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за большие достижения в области театрально-вокального искусства и кино-искусства.

4. ПАЗОВСКОМУ Арию Моисеевичу – народному артисту СССР, – за постановку оперы «Иван Сусанин» Глинки на сцене Ленинградского ордена Ленина театра оперы и балета им. С. М. Кирова в 1939 году.

5. САМОСУДУ Самуилу Абрамовичу – народному артисту СССР, – за постановку оперы «Иван Сусанин» Глинки на сцене Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР в 1939 году.

6. ШПИЛЛЕР Наталье Дмитриевне, артистке Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР за большие достижения в области театрально-вокального искусства.

Ж. БАЛЕТНОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ЛЕПЕШИНСКОЙ Ольге Васильевне – артистке балета Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР – за выдающиеся достижения в области балетного искусства.

2. УЛАНОВОЙ Галине Сергеевне – народной артистке РСФСР, артистке балета Ленинградского ордена Ленина театра оперы и балета им. С. М. Кирова – за выдающиеся достижения в области балетного искусства.

3. ЧАБУКИАНИ Вахтангу Михайловичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР, артисту балета Ленинградского ордена Ленина театра оперы и балета им. С. М. Кирова – за выдающиеся достижения в области балетного искусства.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ДУДИНСКОЙ Наталии Михайловне – заслуженной артистке РСФСР, артистке балета Ленинградского ордена Ленина театра оперы и балета имени С. М. Кирова – за большие достижения в области балетного искусства.

2. МЕССЕРЕРУ Асафу Михайловичу – заслуженному артисту РСФСР, артисту балета Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР – за большие достижения в области балетного искусства.

3. СЕМЕНОВОЙ Марине Тимофеевне, заслуженной артистке РСФСР, артистке балета Государственного ордена Ленина Большого Академического театра СССР – за большие достижения в области балетного искусства.

4. ФАЙЕРУ Юрию Федоровичу – народному артисту РСФСР, дирижеру Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР – за высокое мастерство дирижирования балетами.

5. ХАНУМ Тамаре – народной артистке Узбекской ССР, за высокое мастерство в исполнении народных танцев.

3. ПО КИНЕМАТОГРАФИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей 1. АЛЕКСАНДРОВУ Григорию Васильевичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР; ОРЛОВОЙ Любове Петровне, заслуженной артистке РСФСР, и ДУНАЕВСКОМУ Исааку Осиповичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, композитору, и ИЛЬИНСКОМУ Игорю Владимировичу, артисту – за кинокартины: «Цирк», вышедшую в 1936 г. и «Волга-Волга», вышедшую в 1938 г.

2. ВАСИЛЬЕВУ Сергею Дмитриевичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ВАСИЛЬЕВУ Георгию Николаевичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР и БАБОЧКИНУ Борису Андреевичу, народному артисту РСФСР – за кинокартину «Чапаев», вышедшую в 1934 г.

3. ДОВЖЕНКО Александру Петровичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств УССР, САМОЙЛОВУ Евгению Валериановичу и СКУРАТОВУ Ивану Федоровичу, артистам – за кинокартину «Щорс», вышедшую в 1939 г.

4. КОЗИНЦЕВУ Григорию Михайловичу, режиссеру, ТРАУБЕРГУ Леониду Захаровичу, режиссеру и ЧИРКОВУ Борису Петровичу, заслуженному артисту РСФСР – за кинокартины: «Юность Максима», «Возвращение Максима» и «Выборгская сторона», вышедшие в 1935–1939 гг.

5. РОММУ Михаилу Ильичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, КАПЛЕРУ Алексею Яковлевичу, кинодраматургу, ЩУКИНУ Борису Васильевичу, народному артисту СССР и ОХЛОПКОВУ Николаю Павловичу, артисту – за кинокартины: «Ленин в Октябре», вышедшую в 1937 г., и «Ленин в 1918 г.», вышедшую в 1939 г.

6. ПЕТРОВУ Владимиру Михайловичу, режиссеру, заслуженному артисту РСФСР, СИМОНОВУ Николаю Константиновичу, народному артисту РСФСР и ЖАРОВУ Михаилу Ивановичу, заслуженному артисту РСФСР – за кинокартины «Петр первый» (1#я и 2#я серии), вышедшие в 1937 г. и 1939 г.

7. ПУДОВКИНУ Всеволоду Илларионовичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ДОЛЛЕРУ Михаилу Ивановичу, режиссеру, ЛИВАНОВУ Борису Николаевичу, народному артисту РСФСР, ХАНОВУ Александру Александровичу, артисту и ЧЕРКАСОВУ (Сергееву) Николаю Петровичу, артисту – за кинокартины: «Минин и Пожарский», вышедшую в 1939 году, и «Суворов», вышедшую в 1940 г.

8. ПЫРЬЕВУ Ивану Александровичу, режиссеру, КРЮЧКОВУ Николаю Афанасьевичу, артисту и ЛАДЫНИНОЙ Марине Алексеевне, артистке – за кинокартину «Трактористы», вышедшую в 1939 году.

9. ЧИАУРЕЛИ Михаилу Эдишеровичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР, ГЕЛОВАНИ Михаилу Георгиевичу, артисту и БАГАШВИЛИ Спартаку Левановичу, артисту – за кинокартины: «Арсен», вышедшую в 1937 г., и «Великое зарево», вышедшую в 1936 г.

10. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ Сергею Михайловичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ПАВЛЕНКО Петру Андреевичу, кинодраматургу, ЧЕРКАСОВУ Николаю

Константиновичу, народному артисту РСФСР и АБРИКОСОВУ Андрею Львовичу, артисту – за кинокартину «Александр Невский», вышедшую в 1938 г.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. БЕК-НАЗАРОВУ Амо Ивановичу, режиссеру, народному артисту Армянской ССР, НЕРСЕСЯН Грация, народному артисту Армянской ССР и АВЕТЕСЯН Авет, народному артисту Армянской ССР – за кинокартину «Зангезур», вышедшую в 1938 г.

2. БЕЛЯЕВУ Василию Николаевичу, режиссеру, ЕШУРИНУ Владимиру Семеновичу, КОГАН Соломону Яковлевичу, СИМОНОВУ Георгию Александровичу, ФОМИНУ Сергею Николаевичу, ПЕЧУЛУ Филиппу Ивановичу, операторам хроники, и СОКОЛОВСКОМУ Алексею Николаевичу, ассистенту оператора хроники, – за кинокартину «Линия Маннергейма», вышедшую в 1940 г.

3. ГЕРАСИМОВУ Сергею Апполинариевичу, режиссеру и МАКАРОВОЙ Тамаре Федоровне, артистке – за кинокартину «Учитель», вышедшую в 1939 г.

4. ДЗИГАНУ Ефиму Львовичу, режиссеру, ПОКРАССУ Дмитрию Яковлевичу, композитору – за кинокартины «Мы из Кронштадта», вышедшую в 1936 г., и «Если завтра война», вышедшую в 1938 г.

5. ДОНСКОМУ Марку Семеновичу, режиссеру, и МАССАЛИТИНОВОЙ Варваре Осиповне, народной артистке РСФСР – за кинокартины: «Детство Горького», вышедшую в 1938 г., и «В людях», вышедшую в 1939 г.

6. ЗГУРИДИ Александру Михайловичу, режиссеру, ПИСКУНОВУ Михаилу Георгиевичу и ТРОЯНСКОМУ Глебу Александровичу, операторам, ЛЕБЕДЕВУ Владимиру Николаевичу и МАНТЕЙФИЛЮ Петру Александровичу, консультантам – за кинокартины: «В глубинах моря», вышедшую в 1939 г., и «Сила жизни», вышедшую в 1940 г.

7. ИВАНОВУ-БАРКОВУ Евгению Алексеевичу, режиссеру, АЛИСОВОЙ Нине Ивановне – артистке и КОРЛИЕВУ Алты, артисту – за кинокартину «Дурсун», вышедшую в 1940 г.

8. ИВАНОВСКОМУ Александру Викторовичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ФЕДОРОВОЙ Зое Алексеевне, артистке и ГАРИНУ Эрасту Павловичу, артисту – за кинокартину «Музыкальная история», вышедшую в 1940 г.

9. КОПАЛИНУ Илье Петровичу и ПОСЕЛЬСКОМУ Иосифу Михайловичу, режиссерам, БОГОМОЛОВУ Николаю Васильевичу, КОВАЛЬЧУКУ Александру Петровичу, КРИЧЕВСКОМУ Абраму Григорьевичу, КОВАЛЬЧУКУ Всеволоду Львовичу, ШТАТЛАНДУ Виктору Александровичу, ШАФРАНУ Аркадию Менделевичу, КОЙФМАНУ Марку Борисовичу, КОЗАКОВУ Абраму Наумовичу – операторам хроники – за кинокартину «На Дунае», вышедшую в 1940 г.

10. ЛУКОВУ Леониду Давидовичу, режиссеру и НИЛИНУ Павлу Филипповичу, кинодраматургу – за кинокартину «Большая жизнь», вышедшую в 1940 г.

11. РАЙЗМАНУ Юлию Яковлевичу, режиссеру, ПЕЛЬТЦЕРУ Ивану Романовичу, заслуженному артисту РСФСР и ДОРОХОВУ Николаю Ивановичу, заслуженному артисту РСФСР – за кинокартину «Последняя ночь», вышедшую в 1937 г.

12. ХЕЙФЕЦУ Иосифу Ефимовичу, режиссеру, и ЗАРХИ Александру Григорьевичу, режиссеру – за кинокартину «Депутат Балтики», вышедшую в 1937 г.

13. ШЕНГЕЛАЯ Николаю Михайловичу, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР и ВАШАДЗЕ Наталии Георгиевне, народной артистке Грузинской ССР за кинокартины: «Элисо», вышедшую в 1936 г. и «Золотистая долина», вышедшую в 1937 г.

14. ЭРМЛЕРУ Фридриху Марковичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ЗРАЖЕВСКОМУ Александру Ивановичу, заслуженному артисту РСФСР и БОГОЛЮБОВУ Николаю Ивановичу, артисту – за кинокартины «Великий гражданин» (1#я и 2#я серии), вышедшие в 1938 и 1939 г.г.

15 ЮТКЕВИЧУ Сергею Иосифовичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР и ЛЮБОШЕВСКОМУ Леониду Соломоновичу, заслуженному артисту РСФСР за кинокартину «Свердлов», вышедшую в 1940 г.

И. ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ТОЛСТОМУ Алексею Николаевичу, действительному члену Академии Наук СССР, за роман «Петр Первый».

2. СЕРГЕЕВУ-ЦЕНСКОМУ Сергею Николаевичу – за роман «Севастопольская страда», опубликованный в 1939–1940 г.г.

3. ШОЛОХОВУ Михаилу Александровичу – действительному члену Академии Наук СССР, за роман «Тихий Дон», опубликованный в 1940 г.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ВИРТЕ Николаю Евгеньевичу – за роман «Одиночество», опубликованный в 1935 г.

2. КИACHEЛИ Леону Михайловичу – за роман «Гвади Бигва», опубликованный на грузинском языке в 1938 г. и на русском языке в 1939 г.

3. НОВИКОВУ-ПРИБОЮ Алексею Силычу – за роман «Цусима», опубликованный в 1935 году (часть II).

К. ПОЭЗИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. АСЕЕВУ Николаю Николаевичу – за поэму «Маяковский начинается», опубликованную в 1940 году.

2. КУПАЛЕ Ивану Домениковичу – за сборник стихов «От сердца», опубликованный в 1940 году.

3. ТЫЧИНЕ Павлу Григорьевичу – члену Академии Наук УССР, за сборник стихов «Чувство единой семьи», опубликованный в 1938 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ДЖАМБУЛУ ДЖАБАЕВУ – народному поэту Казахской ССР, за общеизвестные поэтические произведения.

2. ЛЕБЕДЕВУ-КУМАЧУ Василию Ивановичу – за тексты к общеизвестным песням.

3. ЛЕОНИДЗЕ Георгию Николаевичу – за поэму «Детство вождя», опубликованную в 1939 году.

4. МИХАЛКОВУ Сергею Владимировичу – за стихи для детей.

5. ТВАРДОВСКОМУ Александру Трифоновичу – за поэму «Страна Муравия» опубликованную в 1936 году.

Л. ДРАМАТУРГИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ТРЕНЕВУ Константину Андреевичу – за пьесу «Любовь Яровая», поставленную в новой редакции в 1937 году.

2. КОРНЕЙЧУКУ Александру Евдокимовичу – за пьесы «Платон Кречет» и «Богдан Хмельницкий», поставленные в 1936 и 1939 гг.

3. ПОГОДИНУ Николаю Федоровичу – за пьесу «Человек с ружьем», поставленную в 1937 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ВУРГУН Самеду – за пьесу «Вагиф», поставленную в 1939 году.
2. КРАПИВЕ Кондрату Кондратьевичу – за пьесу «Кто смеется последним», поставленную в 1939 году.
3. СОЛОВЬЕВУ Владимиру Александровичу – за пьесу «Фельдмаршал Кутузов», поставленную в 1940 году.

М. ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей ГРАБАРЮ Игорю Эммануиловичу – заслуженному деятелю искусств, профессору, за книгу «Репин», опубликованную в 1937 году.

ПРИМЕЧАНИЕ:

В частичное изменение Постановления Совнаркома Союза ССР от 20 декабря 1940 года «Об изменениях порядка присуждения Сталинских премий по науке, изобретениям, литературе и искусству» Совет Народных Комиссаров Союза ССР в настоящем Постановлении предусмотрел дополнительно Сталинские премии за выдающиеся работы в количестве:

в области ОПЕРНОГО ИСКУССТВА

одна премия ПЕРВОЙ степени,

одна премия ВТОРОЙ степени;

в области КИНЕМАТОГРАФИИ

семь премий ПЕРВОЙ степени,

десять премий ВТОРОЙ степени;

в области ЛИТЕРАТУРЫ

по прозе – три премии ВТОРОЙ степени,

по поэзии – пять премий ВТОРОЙ степени,

по драматургии – три премии ВТОРОЙ степени.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. В. МОЛОТОВ.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР Я. ЧАДАЕВ

Москва, Кремль, 15 марта 1941 г.

«Правда», 16.03.1941

В Совнарком СССР. «Об установлении звания “Лауреат Сталинской премии”»

Совет Народных Комиссаров объявил благодарность всем членам Комитетов по Сталинским премиям и Председателям этих Комитетов – академику Баху А. Н. и народному артисту СССР Немирович-Данченко В. И. за большую работу по предварительному рассмотрению представленных на соискание премии имени Сталина работ в области науки, изобретательства, литературы и искусства.

ТАСС «Правда», 16.03.1941

Совет Народных Комиссаров СССР постановил присвоить деятелям науки, искусства, литературы и изобретателям, получившим Сталинские премии, звание «Лауреат Сталинской премии».

«Советское искусство», 30.03.1941

Свидетельства и мнения

Откуда пошли сталинские премии с разрешения Льва Кандинова⁹ от его имени рассказывает Раиса Сильвер

В шестьдесят пятом году я жил в Душанбе, столице Таджикистана, и работал помощником председателя Совета министров республики Абдулахада Кахарова. Был я молод, энергичен и многое успевал – и в Совмине работать, и переводами с таджикского на русский заниматься (в основном по ночам), и в служебные командировки ездить. Однажды мой начальник, Абдулахад Кахаров, внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Лев Пинхасович, хватит работать, бери путевку и уезжай в отпуск. Мне не нравится твой вид. Куришь как паровоз, побледнел, осунулся. Чтобы я тебя в понедельник здесь не видел!

В следующий понедельник я улетел отдыхать в подмосковный правительственный пансионат Лесные Дали. Пансионат расположен в одном из красивейших уголков Подмосковья. Кружевные березовые рощи, пронизанный солнцем сосновый бор, заросшие травой нехоженые тропы, алые ягоды малины на склонах темных оврагов, стрекотание кузнечиков в усеянной ромашками траве. Целыми днями я пропадал в окрестных рощах и лесах, даже к обеду опаздывал. Мой сосед по пансионату Якуб Атабаев (он был постоянным представителем Таджикистана в Москве) шутиливо говорил:

– Лев, признайтесь, не иначе как вы решили оставить работу в Совмине и устроиться в этих местах на должность лесника. А что семья, согласна?

Мне очень нравилось собирать грибы, хотя какой из меня грибник? Я ведь родился в Баку, учился, работал и жил в Душанбе. Другое дело – хлопок, или, скажем, виноград. Отменным грибником был наш сосед по пансионату, невысокий крепыш лет семидесяти, коренастый, в панамке на наголо обритой голове. Каждое утро он уходил в лес и возвращался к обеду с корзинкой, полной отличных белых грибов.

– Да где же вы такие грибы находите, это же чудо просто, один в один, – восхищался я.

– А я слово знаю, – шутил он. – Как скажу, так они и вылезают из укрытия.

– Вы знаете, кто это? – спросил меня Атабаев, когда мой собеседник отошел от нас на приличное расстояние.

– Кто?

– Поскребышев. Заведующий секретариатом Сталина.

После этого мы, как старые знакомые, раскланивались с Поскребышевым, перекидывались парой слов о погоде, грибах, красотах Подмосковья, а через несколько дней Атабаев подошел ко мне и сказал:

– Лев, сегодня вечером никуда не уходите. Я получил с оказией чудесную дыню из Душанбе. Посидим, пообщаемся. Да, кстати, Поскребышев тоже придет.

Вечер, проведенный в обществе Поскребышева, я вряд ли когда-нибудь забуду. И не только потому, что на нем как бы лежал особый отпечаток личности его многолетнего повелителя (Поскребышев работал со Сталиным с середины 30#х и до 52#го, то есть вплоть до своего ареста, жену же его арестовали в 1949#м, в том же году что и жену Молотова).

⁹ Лев Кандинов – бывший помощник Председателя Совета министров Таджикистана

Мне он был интересен как человек. До самой смерти Поскребышева никому, насколько мне известно, так и не удалось его разговорить.

Сначала мы говорили о местных красотах, потом перешли на новости из нашей республики. Я сказал Атабаеву, что нашего поэта Мумина Каноата вроде бы выдвинули на государственную премию за его поэму «Голоса Сталинграда». Атабаев был очень обрадован, как-никак наш поэт, а никакой другой. И, разумеется, мы снова выпили. Теперь уже за присуждение премии хорошему поэту. И тут Поскребышев, который до сих пор, как бы это точнее выразиться, дружелюбно молчал, вдруг сказал:

– А вы знаете откуда пошли сталинские премии?

– Что значит откуда, – не совсем понял я, – Сталин решил их присуждать, вот и...

– Да нет, все было совсем не так, – сказал Поскребышев. – Все было вот как...

В тридцатые годы чем дальше, тем больше, культ Сталина разрастался до невероятных размеров. Любое слово вождя, где бы оно ни было произнесено, немедленно подлежало публикации. И каждый раз – будь то его выступление на съезде, статья в газете или изданные миллионными тиражами книги, в приемную Сталина привозились аккуратно запечатанные пачки новеньких банкнот – очередной гонорар.

Все деньги, которые поступали на имя Сталина, Поскребышев складывал в огромный металлический шкаф, который стоял в приемной. Однажды, это было в начале 1939 года, после того, как из издательства в очередной раз привезли новую порцию денег, Поскребышев стал укладывать их в шкаф и уронил несколько пачек на пол. Он опустился на колени, принялся их подбирать, и в это время в комнату вошел Сталин. Он молча посмотрел на пачки денег в банковской упаковке, лежащие на полу, на испуганное лицо Поскребышева и буркнул:

– Зайди!

По словам Поскребышева, он был очень напуган, хотя вины за собой никакой не видел.

– Что это за деньги? – спросил его Сталин, когда он вошел в кабинет.

– Это то, что вам платят издательства за выступления, публикации.

– Это что же, я один столько получаю?

– Да.

– А почему ты мне не докладывал об этом?

– Я пытался вам сказать, но вы...

Сталин его перебил:

– А что члены Политбюро, они тоже получают гонорары?

– И они тоже.

– Вызови немедленно министра финансов и пусть с ним приедут несколько служащих, которые смогут оприходовать эти деньги.

Очень скоро приехал министр финансов Зверев со своими сотрудниками, которые стали подсчитывать сталинские гонорары. За их работой наблюдали телохранители Сталина.

Сталин приказал немедленно собрать членов Политбюро. Когда запыхавшиеся члены Политбюро явились, Сталин укоризненно поглядел на них:

– Оказывается, мы все тут миллионеры! Куда американцам до нас. У них там всякие Рокфеллеры, Вандербильты... А мы ничуть не хуже, мы скоро еще богаче станем!

Члены Политбюро, ничего не понимали. А Сталин, глядя куда-то поверх их голов, но каждому казалось, что он смотрит только на него, продолжал:

– Как позволяет вам ваша партийная совесть получать деньги за то, что вы говорите или пишете от имени партии? У нас есть талантливые писатели, ученые, но мы им не платим столько, сколько платят вам. Поэтому предлагаю все, что вы получили за партийные публикации, немедленно вернуть в бюджет. И начнем с меня. Видите, – в приемной уже сидят люди и принимают деньги. И сегодня же оформим постановление, запрещающее издатель-

ствам выплачивать гонорары за выступления или печатные публикации членам и кандидатам в члены Политбюро, членам ЦК, а также наркомам и замнаркомам.

Члены Политбюро, как обычно, единогласно поддержали предложение Сталина и тут же кто-то из них предложил:

– А может есть смысл учредить премии в области науки, техники, литературы и искусства, а финансовой их базой станут средства, полученные от партийных публикаций?

И вслед за первым предложением последовало второе.

– Товарищи, в декабре мы будем праздновать 60-летие товарища Сталина. В честь этого знаменательного события предлагаем назвать премии сталинскими и присуждать их ежегодно в день рождения великого вождя!

Сталинские премии были учреждены в декабре 1939 года.

Источник: Рауса Сильвер. Еженедельник «Русский базар» № 1(351) за 2003 год (26.12.2002– 01.01.2003). Нью-Йорк.

<http://www.russian-bazaar.com/cgi-bin/rb.cgi/n=1&y=2003&from=archive>

В. Александров. Из работы «М. А. Шолохов в документах Комитета по Сталинским премиям 1940–1941 гг.»

Председатель Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства Вл. И. Немирович-Данченко разослал письма в творческие организации с предложением выдвигать кандидатов на новую, общегосударственную премию. Одно из таких писем было направлено в Союз писателей СССР. Замещающий А. А. Фадеева секретарь Президиума СП СССР П. А. Павленко в ответном послании просил отсрочки представления кандидатур и аргументировал ее следующим образом: «Нам кажется, однако, что представления будут предварительны, ибо очень трудно решить вопрос о кандидатурах в середине года. Можно допустить, что последующие месяцы вдруг обрадуют нас новыми произведениями высокого достоинства. Не в интересах Комитета по Сталинским премиям было бы отказываться от них.

Во всяком случае, в своем решении о кандидатах мы постараемся учесть и те произведения, которые только готовятся к печатанию и по своим достоинствам заслуживают представления их в возглавляемый Вами Комитет».

26 августа 1940 года состоялось очередное заседание Президиума Правления Союза советских писателей. С докладом о Сталинских премиях выступил П. А. Павленко. Участники заседания постановили: «Имея в виду большое политическое значение, какое будет иметь присуждение премий имени товарища Сталина за лучшие произведения 1940 года, представить Комитету по Сталинским премиям при СНК СССР одну лишь кандидатуру – кандидатуру тов. Шолохова и роман его „Тихий Дон“, окончание которого приходится на 1940 г. Ограничиваясь одной кандидатурой из ряда других, имеющих выдающиеся успехи за текущий год в прозе, поэзии, драматургии и критике, – Президиум СП СССР подчеркивает этим значение, придаваемое им присуждению премии им. товарища Сталина».

Текст этого постановления был послан Вл. И. Немировичу-Данченко.

Однако Президиум Правления Союза советских писателей 8 октября 1940 года провел еще одно заседание. На этот раз с докладом о Сталинских премиях выступил А. А. Фадеев. В постановлении заседания говорилось: «Выдвинуть для обсуждения на Сталинскую премию следующие произведения: „Тихий Дон“ – Шолохова; „Севастопольская страда“ – Сергеева-Ценского; „Маяковский начинается“ – Асеева; „Книга лирических стихов“ – Щипачева; „Пламя на болотах“ – В. Василевской».

В делах Союза писателей СССР сохранилась копия рецензии А. Н. Толстого на роман М. А. Шолохова «Тихий Дон». Рецензия, вероятно, была отправлена в Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства вместе с представлением на М. А. Шолохова, С. Н. Сергеева-Ценского, Н. Н. Асеева, С. П. Щипачева и В. Л. Василевскую. Отметив глубокую народность произведения молодого автора, А. Н. Толстой писал: «Шолохов знает, о чем пишет, и умеет показывать события во всей их объемной ощутимости. Великолепное знание диалекта Кубанского (sic!) казачества помогает ему избегать тех общих большинству советских романов недостатков, которые происходят от слабого знакомства со всей емкостью, сложностью и своеобразием построения народной речи». «Тихий Дон» он сравнивает с великим творением Л. Н. Толстого. «Роман Шолохова – это „Война и мир“ в областном масштабе, – писал А. Н. Толстой. – Это не умаляет его значения. Кстати сказать, кое-где чувствуется и прямая преемственность».

По словам рецензента, Л. Н. Толстой завершил галерею великих русских писателей XIX века, а Шолохов «начинает новую народную прозу, скрепляя ее со старшими богатырями».

13 августа 1940 года Президиум Академии наук СССР принял постановление «О порядке рассмотрения заявлений на соискание премии имени Сталина», в котором давались рекомендации Секретариату Президиума АН СССР и директорам институтов АН СССР о правилах рассмотрения дел кандидатов на Сталинскую премию. Институты Академии наук СССР, выдвигающие своих кандидатов на соискание Сталинских премий, должны, согласно постановлению, направлять свои представления через Отделения Академии наук в соответствующий Комитет по Сталинским премиям, ставя в известность Президиум АН СССР.

3 сентября 1940 года состоялось заседание Ученого совета Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Присутствовали: члены Ученого совета: академик М. М. Покровский, проф. Л. И. Пономарев, проф. Н. К. Гудзий, проф. Д. Д. Благой, ст. научный сотрудник Б. П. Козьмин, В. В. Морозов, С. Л. Симовский, М. П. Венгров. Были приглашены: член-корр. АН СССР С. И. Соболевский, проф. Е. Гальперина, проф. З. Г. Гринберг, ст. научный сотрудник Б. В. Горнунг, Ф. А. Петровский, Н. П. Белкина, Е. М. Евнина, асп. Гильдина. Первым пунктом повестки дня рассматривался вопрос «О кандидатах института на премии им. И. В. Сталина». Председателем на заседании Ученого совета был Л. И. Пономарев. «Группа работников института и директор института ак. Луппол, – сказал он, – обсуждая работу института 1940 г., пришли к заключению, что из работ института можно было бы с достаточной смелостью представить как достойный премии имени Сталина труд академика М. М. Покровского – учебник „Курс истории римской литературы“ <...> Во-вторых, Институту литературы им. Горького надлежало бы представить в соответствующий Комитет по обсуждению Сталинских премий и некоторые из произведений художественной литературы последнего времени, которые, по мнению членов Ученого совета института, заслуживали бы такого представления. Группа работников и директор Института ак. Луппол полагали бы, что крупнейшим произведением художественной литературы, законченным в настоящем году, является „Тихий Дон“ Шолохова, 4#я часть которого опубликована сейчас. Есть специальное представление, составленное по поручению дирекции института старшим научным сотрудником К. Л. Зелинским». Ученый секретарь М. П. Венгров огласил представление К. Л. Зелинского. Взявший после него слово академик М. М. Покровский сказал: «Соседство с таким знаменитым реалистом – молодым и полным силы Шолоховым, мне очень лестно, но мне до известной степени невыгодно». За ним выступил С. Л. Симовский. Он сказал: «Мы, выдвигая на премии имени Сталина работу ак. М. М. Покровского в части историко-литературных работ и работу Шолохова – его роман „Тихий Дон“ 4-ю часть, выдвигаем очень интересные, большие и действительно капитальные работы, кото-

рые Сталинской премии, с моей точки зрения, вполне заслуживают, тем более что я полагаю, что и литературная, и филологическая общественность встретят эти наши утверждения с большим удовлетворением, ибо эти две работы действительно Сталинской премии заслуживают».

Н. К. Гудзий о романе М. А. Шолохова сказал: «Как читатель, я знаком с „Тихим Доном“ Шолохова и считаю, что это явление огромного масштаба, это произведение, которым русская литература вправе гордиться и которое заслуживает того, чтобы его поставить рядом с выдающимися произведениями европейской литературы. Из беллетристических произведений художественной литературы нет такого произведения, которое в этом отношении могло бы конкурировать с „Тихим Доном“ Шолохова, и наш выбор „Тихого Дона“ с этой точки зрения представляется вполне удачным».

В конце заседания Л. И. Пономарев обратился к присутствующим со словами:

«Позвольте записать в качестве постановления:

1. Представить труд ак. Мих. Мих. Покровского учебник „Курс истории римской литературы“ на соискание премии имени товарища Сталина по разряду историко-филологических наук.

2. Представить роман ак. Шолохова „Тихий Дон“ на соискание премии имени товарища Сталина по разряду художественной литературы».

Это предложение было всеми принято.

16 сентября 1940 года и. о. директора Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР Л. И. Пономарев направил в Отделение литературы и языка АН СССР представление на М. А. Шолохова. Этот документ никогда не публиковался. Принимая во внимание, что он представляет историко-литературное значение, мы приводим его полностью:

«Институт мировой литературы им. А. М. Горького – в соответствии с Постановлением СНК СССР от 21 дек<абр> 1939 года об учреждении ежегодных премий имени И. В. Сталина за лучшие произведения в области науки, техники и литературы, – согласно решению Ученого совета Института от 3/IX 1940 г. выдвигает кандидатом на соискание премии им. И. В. Сталина по художественной литературе академика – писателя М. А. Шолохова за его роман „Тихий Дон“.

Последняя (4#я) книга этого романа окончена и опубликована автором в настоящем, 1940 году. Эта книга „Тихого Дона“ сама по себе является выдающимся художественным произведением. Вместе с тем эта книга завершает четырнадцатилетний труд М. Шолохова по созданию великой эпопеи нашего времени, каким является „Тихий Дон“.

В своем произведении академик – писатель М. Шолохов мастерски нарисовал широкую картину жизни казачества времен империалистической войны и первых лет Великой Социалистической революции. Прекрасный мастер художественного слова – он сумел дать художественное выражение этой эпохи и в ее частных проявлениях, и в событиях всемирно-исторического значения. М. Шолохов показал и жизнь отдельной казацкой семьи, и участие казачества в империалистической войне, классовое расслоение в казацкой среде и рост революционных настроений среди трудовой, бедняцкой части казачества, остро борющейся с сопротивлением революции со стороны казаков-кулаков, защитников старого уклада. „Тихий Дон“ – в этом смысле – историческое произведение. В нем М. Шолохов впервые и во всех подробностях излагает историю гражданской войны на Дону, историю Подтелковского революционного движения, верхне-донского восстания и других исторических событий от начала Октябрьской революции до разгрома белогвардейских армий и распада их на отдельные банды. Пред глазами читателя в эпопее М. Шолохова проходит обширная галерея исторических участников этих событий от Подтелкова и Кривошлыкова до деятелей белого Дона, царских генералов и продувных политиков, которые в борьбе против Советской

власти всячески пытались эксплуатировать сословные традиции казачества и его прежнее привилегированное положение в России.

С замечательной художественной силой и глубиной подлинного реалиста Шолохов показал на истории одной семьи Мелеховых, как старые сословно-казацкие предрассудки приходят в противоречие с коренными интересами всего народа, героически борющегося за социализм под водительством партии Ленина – Сталина. М. Шолохов показал, как рушатся старые предрассудки и традиции, отбрасывая людей, цепляющихся за них, и как на первый план выходят новые люди, типа Михаила Кошевого, большевика из казаков же, из казацкой трудовой бедноты. На истории центрального героя романа Григория Мелехова М. Шолохов показал, что даже человек народа, наделенный к тому же хорошими человеческими качествами, становится отщепенцем, если он, хотя бы в силу случайных обстоятельств, делается защитником собственнического строя, старого сословного уклада.

С покоряющим художественным мастерством создал М. Шолохов в своем романе типические образы казаков и казачек: Г. Мелехова, М. Кошевого, Пантелея Прокофьевича, Ильинишны, Аксиньи, Степана Астахова, Натальи, Дуняши и др. Все эти и другие образы эпопеи отныне прочно войдут в русскую литературу. Несмотря на драматизм самого сюжета „Тихого Дона“ и многие трагические сцены, – роман дышит великим оптимизмом и верой в жизнь. Со страниц этого романа веет силой, размахом и талантом русского народа, с его щедрым творчеством, с его силой, с его песнями, пословицами, с его крепкими жизненными повадками.

„Тихий Дон“ представляет выдающееся явление и по своему языку, богатому местными речениями, и вместе с тем, полному красок и выразительности русского литературного языка. „Тихий Дон“ превосходно рисует русскую природу, донские степи и доли, родную русскую землю. Творение М. Шолохова будит любовь к родине, любовь к великому русскому народу и веру в него. „Тихий Дон“ может быть поставлен по своим художественным достоинствам в ряд с произведениями классиков русской литературы – Л. Н. Толстого, А. М. Горького, как продолжение их традиций. Как и поэзия В. Маяковского, творение М. Шолохова является гордостью литературы социалистического реализма, украшением советской литературы.

Исходя из этих соображений, Институт мировой литературы им. А. М. Горького выдвигает академика – писателя М. Шолохова в качестве достойнейшего кандидата на получение Сталинской премии по художественной литературе (прозе) за 1940 год.

Профессор Л. И. Пономарев, и. о. директора института».

9 октября 1940 года Отделение литературы и языка АН СССР направило представление на М. А. Шолохова в Комитет по присуждению премий им. И. В. Сталина в области литературы и искусства.

В сопроводительном письме говорилось:

«Отделение литературы и языка Академии наук СССР препровождает решение Института мировой литературы им. А. М. Горького о выдвижении кандидатом на соискание премии им. И. В. Сталина по художественной литературе академика – писателя М. А. Шолохова за его роман „Тихий Дон“.

Первые три тома романа М. А. Шолохова „Тихий Дон“ опубликованы несколько лет тому назад, IV том отдельными главами печатался в 1939 г., а в 1940 г. вышел полностью. Таким образом, окончание всего романа приурочивается к текущему году и, как законченная в 1940 г. работа представлена к премии.

Что касается оценки данного художественного произведения, то Отделение считает его одним из лучших произведений советской эпохи, достойным высокой премии имени И. В. Сталина.

Зам. акад. – секретаря Отделения литературы и языка АН СССР П. И. Лебедев-Полянский Ученый секретарь Отделения Н. А. Энгель.»

Копия письма была направлена в Президиум АН СССР.

Первое заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства состоялось 16 сентября 1940 года. На нем было зачитано постановление Президиума Союза писателей СССР о выдвижении кандидатуры по прозе – 4-й книги романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». На последующих заседаниях Комитета кандидатура М. А. Шолохова и роман «Тихий Дон» стали предметом самого серьезного обсуждения – Сталинская премия была первой.

Источник: Новое о Михаиле Шолохове: Исследования и материалы / РАН; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2003 [41]

Радиоконцерт, посвященный лауреатам Сталинской премии

Вчера вечером по радиостанции имени Коминтерна передавали большой концерт, посвященный присуждению Сталинских премий выдающимся деятелям искусства и литературы.

В концерте участвовали лауреаты Сталинских премий: народные артисты СССР А. К. Тарасова, Н. П. Хмелев, И. С. Козловский, народная артистка РСФСР В. О. Массалитинова, заслуженный артист РСФСР Б. П. Чирков, солистка Академического большого театра Н. Д. Шпиллер, и другие. Большинство выступавших исполняли произведения советских композиторов, удостоенных Сталинских премий.

Перед микрофоном выступили также лауреаты Сталинских премий народный артист РСФСР Ю. Ф. Файер, драматург К. А. Тренёв, кинорежиссер Г. В. Александров, композитор Ю. А. Шапорин.

Концерт продолжался два с половиной часа.

«Правда», 1 7.03.1941

Вручение дипломов деятелям искусства – лауреатам Сталинской премии

Крупнейшие актеры, художники, режиссеры, музыканты, скульпторы, архитекторы, писатели и поэты собрались вчера в Художественном театре имени Горького. Все они – лауреаты Сталинских премий, наиболее выдающиеся мастера литературы и искусств. Им вчера вручены дипломы.

Председатель Комитета по Сталинским премиям В. И. Немирович-Данченко поздравил всех лауреатов с высоким званием, пожелал им дальнейших успехов в творчестве. Речь старейшего мастера советского театра была полна горячей любви к искусству и уверенности в его дальнейшем расцвете.

В. И. Немирович-Данченко говорит о путях развития советского искусства, о синтезе искусств в нашей стране.

– История искусств всех времен и народов, – говорит он, – никогда не знала такого единения всех видов искусств, какое имеется в нашей стране, в наши дни. Это единение осуществлено благодаря мудрости наших вождей. И мы горячо благодарим товарищей Сталина и Молотова за их исключительное внимание к искусству.

Слова В. И. Немировича-Данченко вызывают овацию в зале, крупнейшие мастера советской культуры встают, долго аплодируют, как бывает с людьми, когда оратор выражает их чувства и мысли.

После вступительной речи начинается вручение дипломов. Народный артист СССР И. М. Москвин вызывает лауреатов Сталинских премий к столу. Там В. И. Немирович-Данченко вручает им дипломы и поздравляет. Первые дипломы получают композиторы – автор симфонии-кантаты «На поле Куликовом» Ю. А. Шапорин, автор знаменитого фортепианного квинтета Д. Д. Шостакович, автор оперы «В пущах Полесья» А. В. Богатырев. После этих и ряда других композиторов дипломы вручаются художникам, скульпторам и архитекторам.

К столу подходят театральные деятели. Это – актеры драмы, создавшие правдивые волнующие образы в спектаклях, воспитывающих советский народ в духе преданности родине. Актеров драмы сменяют выдающиеся советские певцы: В. В. Барсова, М. Д. Михайлов, М. О. Рейзен, И. С. Козловский, П. Д. Шпиллер, С. Я. Лемешев. Диплом вручается крупнейшему советскому дирижеру и постановщику С. А. Самосуду, дирижеру балетных спектаклей Ю. Ф. Файеру. Мастера хореографии сменяют оперных актеров. Дипломы получают Г. С. Уланова, О. В. Лепешинская, В. М. Чабукиани, Н. М. Дудинская, А. М. Мессерер. Затем подходит большая группа деятелей кинематографии, творцов замечательных кинокартин – «Чапаев», «Цирк», «Волга-Волга», трилогии о Максиме, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», «Петр I», «Минин и Пожарский», «Александр Невский», «Трактористы».

К В. И. Немировичу-Данченко подходит Юрий Щукин, сын покойного народного артиста СССР Б. В. Щукина. Он получает диплом лауреата Сталинской премии первой степени, которым отмечена выдающаяся работа его отца, создавшего впервые в советской кинематографии образ В. И. Ленина.

Далее дипломы вручаются писателям, поэтам, драматургам, получившим Сталинские премии за свои выдающиеся произведения.

В. И. Немирович-Данченко вновь желает всем лауреатам Сталинских премий успехов в труде. Долго длится овация в честь лучших мастеров советской культуры, в честь партии Ленина – Сталина, которая воспитала прекрасную плеяду деятелей литературы и искусства, создавших произведения, вдохновляющие советский народ, мобилизующие его на борьбу за процветание и укрепление могущества советского государства.

«Правда», 22.04.1941

Сумбур вместо музыки Об опере «Леди Макбет Мценского уезда»

Вместе с общим культурным ростом в нашей стране выросла и потребность в хорошей музыке. Никогда и нигде композиторы не имели перед собой такой благодарной аудитории. Народные массы ждут хороших песен, но также и хороших инструментальных произведений, хороших опер.

Некоторые театры как новинку, как достижение преподносят новой, выросшей культурно советской публике оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Услужливая музыкальная критика превозносит до небес оперу, создает ей громкую славу. Молодой композитор вместо деловой и серьезной критики, которая могла бы помочь ему в дальнейшей работе, выслушивает только восторженные комплименты. Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный, сумбурный поток звуков. Обрывки мелодии, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге. Следить за этой «музыкой» трудно, запомнить ее невозможно.

Так в течение почти всей оперы. На сцене пение заменено криком. Если композитору случается попасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, бросается в дебри музыкального сумбура, местами превращающегося в какофонию. Выразительность, которой требует слушатель, заменена бешеным ритмом. Музыкальный шум должен выразить страсть.

Это все не от бездарности композитора, не от его неумения в музыке выразить простые и сильные чувства. Это музыка, умышленно сделанная «шиворот навыворот», – так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музыкальной речью. Это музыка, которая построена по тому же принципу отрицания оперы, по какому левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова. Это – перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт «мейерхольдовщины» в умноженном виде. Это левацкий сумбур вместо естественной, человеческой музыки. Способность хорошей музыки захватывать массы приносится в жертву мелкобуржуазным формалистическим потугам, претензиям создать оригинальность приемами дешевого оригинальничания. Это игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо. Опасность такого направления в советской музыке ясна. Левацкое уродство в опере растет из того же источника, что и левацкое уродство в живописи, в поэзии, в педагогике, в науке. Мелкобуржуазное «новаторство» ведет к отрыву от подлинного искусства, от подлинной науки, от подлинной литературы.

Автору «Леди Макбет Мценского уезда» пришлось заимствовать у рассказа его нервозную, судорожную, припадочную музыку, чтобы придать «страсть» своим героям.

В то время как наша критика – в том числе и музыкальная – клянется именем социалистического реализма, сцена преподносит нам в творении Шостаковича грубейший натурализм. Однотонно, в зверином облики представлены все – и купцы и народ. Хищница-купчиха, дорвавшаяся путем убийств к богатству и власти, представлена в виде какой-то «жертвы» буржуазного общества. Бытовой повести Лескова навязан смысл, какого в ней нет.

И все это грубо, примитивно, вульгарно. Музыка крикает, ухает, пыхтит, задыхается, чтобы как можно натуральнее изобразить любовные сцены. И «любовь» размазана по всей опере в самой вульгарной форме. Купеческая двуспальная кровать занимает центральное место в оформлении. На ней разрешаются все «проблемы». В таком же грубо-натуралистическом стиле показана смерть от отравления, сечение почти на самой сцене.

Композитор, видимо, не поставил перед собой задачи прислушаться к тому, чего ждет, чего ищет в музыке советская аудитория. Он словно нарочно зашифровал свою музыку, перепутал все звучания в ней так, чтобы дошла его музыка только до потерявших здоровый вкус эстетов-формалистов. Он прошел мимо требований советской культуры изгнать грубость и дикость из всех углов советского быта. Это воспевание купеческой похотливости некоторые критики называют сатирой. Ни о какой сатире здесь и речи не может быть. Всеми средствами и музыкальной и драматической выразительности автор старается привлечь симпатии публики к грубым и вульгарным стремлениям и поступкам купчихи Катерины Измайловой.

«Леди Макбет» имеет успех у буржуазной публики за границей. Не потому ли похваливает ее буржуазная публика, что опера эта сумбурна и абсолютно аполитична? Не потому ли, что она щекочет извращенные вкусы буржуазной аудитории своей дергающейся, крикливой, неврастенической музыкой?

Наши театры приложили немало труда, чтобы тщательно поставить оперу Шостаковича. Актеры обнаружили значительный талант в преодолении шума, крика и скрежета оркестра. Драматической игрой они старались возместить мелодийное убожество оперы.

К сожалению, от этого еще ярче выступили ее грубо-натуралистические черты. Талантливая игра заслуживает признательности, затраченные усилия – сожаления.

«Правда», 28.01.1936

«Балетная фальшь»
О балете «Светлый Ручей» (либретто
Ф. Лопухова и Пиотровского, музыка
Д. Шостаковича. Постановка Большого театра)

«Светлый Ручей» – это название колхоза. Либретто услужливо указывает точный адрес этого колхоза: Кубань. Перед нами новый балет, все действие которого авторы и постановщики пытались взять из нынешней колхозной жизни. Изображаются в музыке и танцах завершение уборочных работ и праздник урожая. По замыслу авторов балета, все трудности позади. На сцене все счастливы, веселы, радостны. Балет должен быть пронизан светом, праздничным восторгом, молодостью.

Нельзя возражать против попытки балета приобщиться к колхозной жизни. Балет – это один из наиболее у нас консервативных видов искусства. Ему всего труднее переломить традиции условности, привитые вкусами дореволюционной публики. Самая старая из этих традиций – кукольное, фальшивое отношение к жизни. В балете, построенном на этих традициях, действуют не люди, а куклы. Их страсти – кукольные страсти. Основная трудность в советском балете заключается в том, что тут куклы невозможны. Они выглядели бы нестерпимо, резали бы глаза фальшью.

Это налагало на авторов балета, на постановщиков, на театр серьезные обязательства. Если они хотели представить колхоз на сцене, надо изучить колхоз, его людей, его быт. Если они задалась целью представить именно кубанский колхоз, надо было познакомиться с тем, что именно характерного в колхозах Кубани. Серьезная тема требует серьезного отношения, большого и добросовестного труда. Перед авторами балета, перед композитором открылись бы богатейшие источники творчества в народных песнях, в народных плясках, играх.

Жизнь колхоза, его новый, еще только складывающийся быт, его праздники – это ведь очень значительная, важная, большая тема. Нельзя подходить к этому с налета, с кондачка, – все равно, в драме ли, в опере, в балете. Тот, кому действительно дороги и близки новые отношения, новые люди в колхозе, не позволит себе превратить это в игру с куклами. Никто не подгоняет наше балетное и музыкальное искусство. Если вы не знаете колхоза, если не знаете, в частности, колхоза на Кубани, не спешите, поработайте, но не превращайте ваше искусство в издевательство над зрителями и слушателями, не опешлите жизни, полной радости творческого труда.

По либретто Лопухова и Пиотровского на сцене изображен колхоз на Кубани. Но в действительности здесь нет ни Кубани, ни колхоза. Есть соскочившие с дореволюционной кондитерской коробки сусальные «пейзаны», которые изображают «радость» в танцах, ничего общего не имеющих с народными плясками ни на Кубани, ни где бы то ни было. На этой же сцене Большого театра, где ломаются куклы, раскрашенные «под колхозника», подлинники колхозники с Северного Кавказа еще недавно показывали изумительное искусство народного танца. В нем была характерная именно для народов Северного Кавказа индивидуальность. Нет нужды непосредственно воспроизводить эти пляски и игры в искусстве балета, но только взяв их в основу, и можно построить народный, колхозный балет.

Либреттисты, впрочем, всего меньше думали о правдоподобии. В первом акте фигурируют кукольные «колхозники». В прочих актах исчезают всякие следы и такого, с позволения сказать, колхоза. Нет никакого осмысленного содержания. Балетные танцовщицы

исполняют ничем между собой не связанные номера. Какие-то люди в одежде, не имеющей ничего общего с одеждой кубанских казаков, прыгают по сцене, неистовствуют. Балетная бессмыслица в самом скверном смысле этого слова господствует на сцене.

Под видом колхозного балета преподносится противоестественная смесь ложно-народных плясок с номерами танцовщиц в «пачках». Пейзан не раз показывал балет в разные времена. Выходили принаряженные кукольные «крестьяне» и «крестьянки», пастухи и пастушки и исполняли танцы, которые назывались «народными». Это не был обман в прямом смысле. Это было кукольное искусство своего времени. Иногда эти балетные крестьяне старались сохранить этнографическую верность в своих костюмах. Некрасов писал иронически в 1866 году:

Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа – и театр застонал!..
Все – до ластовиц белых в рубахе –
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...»

Именно в этом и была невыносимая фальшь балета, и Некрасов обращался с просьбой к балерине:

... Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
И в покое оставь мужика!

Наши художники, мастера танца, мастера музыки безусловно могут в реалистических художественных образах показать современную жизнь советского народа, используя его творчество, песни, пляски, игры. Но для этого надо упорно работать, добросовестно изучать новый быт людей нашей страны, избегая в своих произведениях, постановках и грубого натурализма, и эстетствующего формализма.

Музыка Д. Шостаковича подстать всему балету. В «Светлом ручье», правда, меньше фокусничанья, меньше странных и диких созвучий, чем в опере «Леди Макбет Мценского уезда». В балете музыка проще, но и она решительно ничего общего не имеет ни с колхозами, ни с Кубанью. Композитор так же наплевательски отнесся к народным песням Кубани, как авторы либретто и постановщики к народным танцам. Музыка поэтому бесхарактерна. Она брэнчит и ничего не выражает. Из либретто мы узнаем, что она частично перенесена в колхозный балет из неудавшегося композитору «индустриального» балета «Болт». Ясно, что получается, когда одна и та же музыка должна, выразить разные явления. В действительности она выражает только равнодушное отношение композитора к теме.

Авторы балета – и постановщики и композитор – по-видимому, рассчитывают, что публика наша нетребовательна, что она примет все, что ей состроят проворные и бесцеремонные люди.

В действительности нетребовательна лишь наша музыкальная и художественная критика. Она нередко захваливает произведения, которые этого не заслуживают.

«Правда», 6.02.1936

От редакции журнала «Советская музыка», 1936, № 2.

Печатаемые выше ... две статьи «Правды» («Сумбур вместо музыки» – об опере Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» – и «Балетная фальшь» – о балете Шоста-

ковича «Светлый ручей» в постановке ГАБТ) имеют огромное, глубоко принципиальное значение для всей нашей музыкальной общественности.

Обе статьи, как указывает «Правда» (13 февраля 1936 г.), направлены **против чуждой советскому искусству лжи и фальши**, – формалистически-трюкаческой в «Леди Макбет», сусально-кукольной в «Светлом ручье». Оба эти произведения одинаково далеки от ясного, простого, правдивого языка, каким должно говорить советское искусство. Вместе с тем ... указанные выше статьи из «Правды» с мудрой ясностью и простотой раскрывают по существу конкретную программу действий советского музыкального творчества, сигнализируя одновременно отсталость и косность значительной части нашей «не в меру услужливой» критики, проглядевшей опасность «левацкого уродства» в музыке, не возглавившей решительной борьбы со всеми и всяческими проявлениями формализма и упрощенчества в советском искусстве.

Эта конкретная программа действий четко определяет широкое обсуждение советской музыкальной общественностью и, в частности, нашим журналом – острых актуальнейших вопросов музыкально-творческой и критической работы, с предельной ясностью поставленных в публикуемых выше исторических документах.

Из книги Д. Бабиченко «Писатели и цензоры» (Советская литература 1940#х годов под политическим контролем ЦК)

25 января 1939 г. Политбюро приняло постановление «О составе Правления Союза советских писателей». В новое Правление ССП вошли Герасимова, Караваева, Катаев, Федин, Павленко, Соболев, Фадеев, Толстой, Вс. Вишневский, Лебедев-Кумач, Асеев, Шолохов, Корнейчук, Машашвили, Янка Купала. Секретарем Президиума Правления ССП стал Фадеев. Председательская карьера Ставского закончилась.

После 1939 гг. к писателям, по крайней мере, наиболее именитым, физических репрессий старались не применять, хотя жесткий контроль над ними сохранялся. Последними жертвами НКВД из среды писателей в 1939 г. были М. Кольцов и И. Бабель. Регулярно за литераторами, как и другими гражданами страны, вело активное наблюдение НКВД. В подтверждение этого приведем проект письма Андреева Сталину, датированный Техсекретариатом июлем 1939 г.:

«В ЦК ВКП(б) – товарищу СТАЛИНУ. Направляю Вам проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении советских писателей, внесенный в ЦК тт. Фадеевым и Павленко.

Список представленных к награждению писателей был просмотрен т. Берия. В распоряжении НКВД имеются компрометирующие в той или иной степени материалы на следующих писателей: Инбер В. М., Исаакян А. С., Бергельсон Д. Р., Голодный М. С., Светлов (Шейнсман) М. А., Асеев Н. Н., Бажан Н. П., Катаев В. П., Якуб Колас, Янка Купала, Маршак С. Я., Новиков-Прибой А. С., Павленко П. А., Погодин (Стукалов) Н. Ф., Тихонов Н. С., Бахметьев В. М., Лавренев Б. А., Леонов Л. М., Мосашвили И. О., Панферов Ф. И., Рыльский М. Т., Сейфуллина Л. Н., Толстой А. Н., Федин К. А., Шагинян М. С., Шкловский В. Б., Бровка П. У., Герасимова В. А., Каменский В. В., Луговской В. А., Сурков А. А.» Под подозрением в сущности оказывались все, даже такие совершенно «благонадежные» писатели, как Федин, Новиков-Прибой, Сурков и др. Читаем дальше: «Просмотрев совместно с тов. Берия эти материалы, считаю, что Инбер В. М., Исаакян А. С., Бергельсон Д. Р., Голодный М. С. и Светлов (Шейнсман) М. А. должны быть отведены из списка к награждению, как по характеру компрометирующего материала, так и потому, что за последние годы их вес в советской литературе был совершенно незначительным. Из материалов на остальных пере-

численных мной писателей заслуживают внимания материалы, компрометирующие писателей Новикова-Прибоя, Панферова Ф., Толстого А., Федина К., Якуба Коласа, Янку Купала, Сейфуллину, Рыльского, Павленко. Необходимо отметить, что ничего нового, неизвестного до этого ЦК ВКП(б), эти материалы не дают. Что касается остальных кандидатур к награждению, компрометируемых в той или иной степени материалами НКВД, считаю, что они могут быть награждены, имея в виду их значение и работу в советской литературе».

В числе скомпрометировавших себя в глазах НКВД был П. Павленко – заместитель Фадеева, представивший кандидатуры к награждению. Намечая будущих орденосцев, Фадеев и Павленко направили Андрееву записку, в которой сообщалось: «Мы не включили в списки для награждения следующих крупных писателей, в политическом лице которых сомневаемся. Оставляем их на рассмотрение ЦК: Бабель Исаак Эммануилович, Пастернак Борис Леонидович, Олеша Юрий Николаевич (Правильно: Юрий Карлович. – Д. Б.), Эренбург Илья Григорьевич. С коммунистическим приветом. А. Фадеев. П. Пав[ленко]».

Попутно заметим, что из перечисленных имен в письме Андреева Сталину в итоге только четверо – Каменский, Исаакян, Бергельсон и Голодный – не были удостоены высоких правительственных орденов. Награжденные же высказывали благодарность «партии, правительству и лично товарищу Сталину» за «огромное внимание» к писателям. На состоявшемся по этому поводу митинге литераторов «взволнованные и гордые высокой наградой, они говорили о необходимости еще выше поднять творческую активность писателей и отдать родине все свои творческие силы. Только так можно оправдать высокое доверие народа, партии и правительства».

Наряду с чисто полицейским сохранялся и укреплялся идеологический диктат. На XVIII съезде партии (1939 г.) в отчетном докладе Сталина прозвучало предложение: «сосредоточить в одном месте дело партийной пропаганды и агитации и объединить отделы пропаганды и агитации и отделы печати в едином Управлении пропаганды и агитации в составе ЦК ВКП(б)».

Управление было создано 3 августа 1939 г. Политбюро назначило начальником нового подразделения А. Жданова. В составе УПА было образовано пять отделов и назначены их заведующие: партийной пропаганды (Александров Г. Ф.), марксистско-ленинской подготовки кадров, печати (Антропов Т. И.), агитации (Лузин А. А.) и культурно-просветительских учреждений (Поликарпов Д. А.). Первым заместителем начальника УПА был утвержден П. Н. Поспелов, заместителями Александров и Антропов. На следующий день Оргбюро утвердило структуру и штаты этого ведомства, а так же направления деятельности и круг обязанностей каждого подразделения Управления. Из 115 ответственных работников 35 числились в Отделе печати. Этот отдел должен был: «Осуществлять контроль и наблюдение за работой центральных, областных, краевых, республиканских газет и журналов... проводить указания ЦК о направлении газет... участвовать в проверке и подборе кадров для газет и журналов... рассматривать тематические планы основных издательств... заниматься вопросами тиража газет... наблюдать за работой ТАСС и Главлита».

Первые шаги нового ведомства, на практике осуществляющего руководство литературой с помощью постановлений ЦК, не заставили себя ждать. 4 августа 1939 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло подготовленное УПА постановление «О журнале «Октябрь». По набору однообразных обвинений и оргвыводов, по стилю, это постановление было типичным в ряду подобных документов, принимавшихся в последующие годы:

«1. Констатировать, что на страницах журнала „Октябрь“ поэт И. Сельвинский под видом „лирики“ протасил своеобразную арцыбашевщину – пошлые и циничные, насквозь буржуазные взгляды по вопросу об отношении к женщине. В стихотворении „Монолог критика – диверсанта ИКС“ И. Сельвинский воспевает „поэзию двоедушия“, идеализирует шпионов и диверсантов. Указать редакционной коллегии журнала „Октябрь“, что

она допустила грубую политическую ошибку, напечатав в № 5–6 журнала за 1939 г. ряд антихудожественных и вредных стихотворений И. Сельвинского.

2. Объявить выговор члену редколлегии журнала „Октябрь“ В. Ильенкову, подписавшему к печати № 5–6 журнала „Октябрь“ с антихудожественными и вредными стихотворениями Сельвинского.

3. Указать т. Садчикову, что работники Главлита проявили гнилой либерализм, пропустив в печать стихотворения И. Сельвинского в № 5–6 журнала „Октябрь“.

Через две недели, 19 августа, аппарат УПА, за подписью П. Поспелова, подготовил пятистраничную докладную в ЦК ВКП(б) «О редакциях литературно-художественных журналов». В этом документе подчеркивалось: «Просмотр ряда литературно-художественных журналов за 1939 г. показывает, что руководство журналами поставлено неудовлетворительно. По своему содержанию журналы явно отстают от жизни, от запросов советского читателя. Журналы „Красная новь“, „Октябрь“, „Звезда“, „Литературная учеба“ и др., являющиеся органами Союза советских писателей СССР и периодикой современной художественной литературы, в течение шести месяцев не дали ни одного более или менее крупного художественного произведения, изображающего современную действительность советской страны. Называясь журналами художественной, общественно-политической литературы, критики и публицистики, эти журналы в течение полгода не дали ни одной серьезной статьи, освещающей основные вопросы нашей общественной жизни... Так, например, в журнале „Красная новь“ почти нет статей, посвященных решениям XVIII съезда партии, о задачах в области литературы и культуры, вытекающих из решений съезда. Художественные произведения, печатаемые в этом журнале, главным образом, посвящены прошлому». Недопустимым, по мнению Управления, было положение, когда «все дела другого крупнейшего журнала „Октябрь“ ведет т. Чаковский, который лишь недавно подал заявление о вступлении в партию». Особое недовольство вызвали действия Чаковского при выпуске № 5–6 «Октября», когда он «мобилизовал все для воздействия на работников Главлита. Чаковский вместе с Сельвинским поехал в Главлит и добился опубликования в журнале вредных и пошлых стихотворений («Лирика» и «Монолог диверсанта...»). – Д. Б.)

Положения докладной записки отразились в постановлении Оргбюро ЦК от 20 августа 1939 т. «О редакциях литературно-художественных журналов». В нем были предъявлены обвинения журналам «Октябрь», «Красная новь», «Звезда», «Литературная учеба».

<...>

Импульсом к закручиванию идеологических гаек послужило осуждение фильма «Закон жизни», вернее не столько самого фильма, сколько сценария А. О. Авдеенко. 16 августа 1940 г. на страницах «Правды» появилась редакционная статья «Фальшивый фильм», в которой картина объявлялась «клеветой на нашу студенческую молодежь».

Коротко о содержании сюжета фильма. Четыре главных персонажа: секретарь обкома комсомола Евгений Николаевич Огнерубов, аспирантка медицинского института Нина Бабанова, студенты этого же вуза: ее младшая сестра Наташа и сокурсник, комсорг института и член обкома комсомола Сергей Паромов. Особый гнев «рецензента» вызывала сцена прощального вечера выпускников, (режиссеры уделили этому эпизоду почти двадцать минут). Вечеринка организована бывшими студентами института с участием Огнерубова, который, ссылаясь на Маркса, проповедовал далекие от большевистской идеологии идеи, которые не встречают отпора комсомольцев. В статье рассуждения Огнерубова о вине, свободной любви, развлечениях квалифицировались как «вражеская проповедь». Главный положительный герой Сергей Паромов внутренне не согласен с «либеральным» комсомольским вожаком. К тому же последний увозит кататься на автомобиле в горы любимую ему девушку Наташу. После бурной ночи, содержание которой мало кто из выпускников помнит, у студентов наступает прозрение. Сергей, почувствовав недоброе уже на выпускном вечере,

выступает, несмотря на грозящий ему полный разрыв с Наташей, со статьей в институтской газете. В публикации принципиальный комсомолец показывает истинное лицо лидера, который считает, что «можно любить выпить, повеселиться с девушками, и в тоже время быть прекрасным комсомольцем, политическим деятелем». Нина, бывшая любовница Огнерубова, на состоявшемся вскоре комсомольском собрании, его разоблачает. На заседании обкома ВКП(б) его исключают из партии. А на его месте оказывается Паромов. Наташа и Сергей мирятся. Последняя сцена фильма: страстный поцелуй секретаря обкома комсомола со своей возлюбленной в рабочем кабинете.

Вывод в «рецензии» «Правды» категоричен – авторы фильма стоят на стороне Огнерубова: «Это не закон жизни, а гнилая философия распущенности».

Телекомпания «Останкино» в 1993 г. предоставила нам редкую возможность увидеть эту картину. И вот первое впечатление: фильм далек от однозначности, стереотипов поведения выдуманных героев. Безмятежное застолье до потери памяти, жаргонные выражения студентов. Нельзя не удивиться, как могла быть принята цензурой, например, такая сцена: монолог против Огнерубова Сергей Паромов произносит в момент выноса мертвецки пьяного сокурсника. Совершенно непонятно, как пропустили на экран эпизод, когда Огнерубов, объясняясь с Наташей в своей квартире, допускает мысль о прослушивании их разговора, подстраховывается и снимает трубку с телефонного аппарата. Разговоры о «кнопках», на которые в случае надобности, может нажать Огнерубов, о спасительных связях с московским партаппаратом – все эти и другие сюжеты из жизни комсомольских чиновников, выглядят очень откровенно, показывают нам явление разложения части номенклатуры.

Надо очень точно представлять ситуацию в тогдашнем советском «приглаженном» кинематографе и литературе, чтобы оценить факт появления в кинокартине внешне респектабельного комсомольского работника, по сути откровенного демагога, проходимца, негодяя, который, если это необходимо, может «сместить человека со своей дороги». В кинематографе того времени, запечатлевавшем современность, мы видим, как правило, простого труженика, рядом с которым в качестве организатора его трудовых подвигов обязательно присутствует партийный руководитель, наделенный исключительно положительными чертами: искренностью, аскетизмом, отзывчивостью, целеустремленностью, работоспособностью и т. д. На этом фоне появление Огнерубова на экранах страны казалось вызовом всей сталинской системе представлений как о кинематографе в целом, так и дискредитацией идеала поколения номенклатурных выдвиженцев. Да и с «простым народом», в данном случае это группа студентов, в картине не все было гладко. Автор сценария показал, что вожди типа Огнерубова, управляющие массами оказываются, в силу своего непререкаемого авторитета, способными влиять на «человеческий материал» как им заблагорассудится: «можно пить, можно веселиться». И студенты, в подавляющем своем большинстве, неукоснительно следуют за «авторитетом» с полномочиями.

Очевидно, что сценарий Авдеенко не случайно был выбран, как «образец» негатива, на его критике должны были учиться другие писатели.

К моменту выхода картины судьба Авдеенко складывалась более чем благополучно. Молодой (в 1940 г. – 32 года), уже достаточно известный литератор, автор двух романов «Я люблю» и «Судьба». Вхож, в свое время, в апартаменты Серго Орджоникидзе, знаком с Горьким, который всячески помогал начинающему литератору. У писателя новый автомобиль «эмка» – «товарищ Серго и его помощник Семушкин помогли». В 1939 г. он становится специальным корреспондентом «Правды», освещает жизнь советской Западной Украины, «освобожденной от панского ига». 1940-й год – Авдеенко в правдинских репортажах ликует по поводу освобождения Северной Буковины. У писателя уже новый «бьюик». В августе сорокового на экранах Москвы и Ленинграда начинается демонстрация фильма «Закон жизни», в работе – еще три новых сценария для кинематографа. Будущее казалось безоб-

лачным. В июле 1940 г. в «Известиях» была помещена в целом положительная рецензия на фильм. Естественно, что Авдеенко, обласканный властью, вовсе не собирался не только выступать против ее устоев, но и даже легко критиковать или, наоборот, хвалить то, что «не положено». Но власть не жалела и «своих», когда надо было учить уму разуму писателей.

Статью в «Правде», появившуюся после правительственного просмотра кинокартины, написал Н. Кружков, а редактировал, хотя и очень поверхностно, лично Жданов. Решение же о запрещении фильма принимал сам Сталин. Управление пропаганды явно запоздало со своей реакцией на «крамольную» картину. Может быть, в этой связи 6 сентября 1940 г. Политбюро освободило Жданова от обязанностей начальника УПА, оставив за ним функцию наблюдения за этим ведомством. Командовать в Управлении стал Г. Александров. Решение Политбюро скорее всего было вызвано тем, что Жданов, секретарствующий в ЦК и Ленинградской областной и городской партийной организации, не мог должным образом контролировать «идеологию». За всем этим усматривается и борьба между Ждановым и Маленковым. Кандидатура Александрова, скорее всего, была предложена именно последним, который отвечал за Управление кадров ЦК. И еще один штрих. В утвержденной 22 августа на Политбюро комиссии «по предварительному просмотру и выпуску на экраны новых кинофильмов» не оказалось фамилии Жданова. Правда, ситуация была вскоре исправлена и 24 августа комиссия «высших цензоров» состояла из А. Андреева, А. Вышинского, Г. Маленкова и А. Жданова.

После появления статьи, посвященной «Закону жизни», на следующий же день (17 августа) состоялось совещание Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. В свете установок, прозвучавших со страниц «Правды», директора киностудий взялись за просмотр кинокартин «под углом зрения их художественного качества». Главному управлению по производству художественных фильмов при Комитете пришлось срочно в центре и на местах вычислять картины, которые отвечали бы новым «идейно-художественным» требованиям партии. Работа была проделана немалая: пятнадцать картин указано «доработать», три снять с дальнейшего производства.

Казалось бы, точка поставлена. Никто в художественной среде не мог предположить, что запрет фильма – только начало кампании, которую условно можно назвать «Как надо показывать врага».

9 сентября на Старой площади впервые состоялась официальная встреча Сталина с писателями. Она достаточно подробно описана в воспоминаниях Авдеенко. Неправленую стенограмму хода встречи вождя с писателями удалось выявить в фонде Жданова. Судя по этому тексту, сам Жданов объяснил причину столь необычного совещания в ЦК следующим образом – после «рецензии» в «Правде» «товарищ Авдеенко молчит».

На деле же Авдеенко «молчал» потому, что увидел окончательный, «переделанный» режиссерами вариант картины лишь за несколько часов до начала заседания. Он только что вернулся из командировки по заданию «Правды» в Западную Украину и Буковину. Но это не помешало Жданову в своем блокноте перед заседанием постановить: «Огнерубов – Сергей и др. типы, от лица которых говорит автор. Союз писателей не обсуждал. Философия гнилой распушенности. Острая критика. Фальшивый фильм. Симпатии на стороне Огнерубова».

Дело не ограничилось «обсуждением» картины. Авдеенко начали распекают за неопубликованный роман «Государство – это я». Книга в свое время не была пропущена в печать А. Лозовским. Смысл обвинения Авдеенко в общих чертах сводился к тому, что тот надеялся положительных героев чертами более сильными чем тех (в «Государство – это я» – шахтеры, «Закон жизни» – комсомольцы), которые по замыслу автора являются героями положительными. Таким образом писатель был заподозрен в том, что «враждебные» высказывания отрицательных героев он по существу разделяет. Авдеенко пытался исправить это

«недоразумение». Но, выбранный в качестве козла отпущения, он вряд ли мог рассчитывать на снисхождение или понимание. Впрочем, как и другие, попадавшие в схожую ситуацию, до и после 1940 г. Досталось Авдеенко и за «облегченный» показ интимных отношений между молодыми людьми. И хотя автор не доходил в своих произведениях до фривольности, уже то, что было показано в фильме, позволило предъявить ему следующее обвинение – «потребности любви изображены так: люби сколько хочешь, люби кого хочешь, люби когда хочешь». Сценарист был зачислен в разряд писателей, продолжающих традиции русского литератора начала века Арцыбашева. Лозовский пошел в своих обвинениях еще дальше, охарактеризовав произведения Авдеенко как порнографические. «Но это, – по выражению Жданова, – не главное. Главное заключается в том, что Вы врагов изображаете сильными, а своих людей – слабыми». В ответ Авдеенко пытался обороняться: «Сценарий хвалили, сценарий направляли по тому пути, чтобы враг был замаскированным... надо сделать как можно более скрытым врага, т. е. скрыть существо и моральную сущность этого человека».

Действительно, сценарий, а первый его вариант был готов летом 1939 г., помимо прохождения через Комитет по делам кинематографии был так же неоднократно «оценен» в ЦК ВЛКСМ. И только после согласия автора сценария и режиссеров исправить ошибки фильм был запущен в производство. Многочисленные попытки Авдеенко в дискуссии со Ждановым и Андреевым оправдаться привели его к неутешительному размышлению вслух: «Я никогда не думал, что в Центральном Комитете будут со мной так разговаривать». Жданов соответственно отреагировал: «Вы разве считаете, что творчество не под контролем партии?» А после ответа Авдеенко: «Нет, не считаю», развил свою мысль: «Наверное, так Вы считаете, что каждый себе сам хозяин, как хочу так и делаю, не Ваше дело, не лезьте в эту область?». Кто хозяин в литературе, скоро выяснилось. В момент, когда Жданов принялся отчитывать Авдеенко за репортаж в «Правде» об «освобожденном» городе Черновицах – «зачем Вы описываете черновицкий театр, где говорите, что этот театр не уступает лучшим театрам СССР, разве только по размерам, откуда Вы это взяли – в разговор вступил Сталин: «Тянет туда (автора заметки. – Д. Б.), к старым Черновицам... Красок хватает на старые Черновицы, а на наши – у него краски иссякают». Первая реплика Сталина стала лишь только прелюдией к основному содержанию «беседы», ради которого вождь собрал это заседание. «Что касается людей, ставших нашими врагами, – говорил Сталин, – на описание таких людей у него красок хватает, там есть логика, инициатива... а когда наших людей изображаете, то краски иссякают, наши люди получают какими-то замухрышками». Следующее высказывание Сталина продемонстрировало нешуточную подготовку к предстоящему «разбору» фильма. На свой собственный вопрос: «Как попал в партию?», – сам же и ответил: «Его Гвахария рекомендовал, Кабаков». Кабаков, как следовало из дальнейших рассуждений вождя, «хотел продать... добрую пятую часть России японцам, полякам, немцам. Разве Вы этого не знаете?». Вряд ли Авдеенко догадывался о выдуманных в НКВД планах человека, который его действительно поддерживал. Дружил писатель с репрессированным в 1937 г. Гвахария, которого всячески опекал Г. К. Орджоникидзе. Но вот в партию «враги» его не рекомендовали. Впрочем, для Сталина и дружба с «врагами народа» была вполне достаточным компрометирующим обстоятельством.

После такого заявления всем стало понятно, что Авдеенко обречен. Критиковать его теперь было просто. Лозовский заявил, что у писателя «имеется не наше мировоззрение, не наша линия... он не обращает внимания на Центральный орган (печати. – Д. Б.), на партию. Партия ваша, также как и наша». Секретарь ЦК Андреев поправил гневного обличителя и заодно «постановил»: «Это не его партия».

Слово было представлено Фадееву. Он заявил, что Авдеенко «трудно критиковать, он ничего не понимает». Как и полагается в таких случаях, Фадеев покаяться в совершенных «недосмотрах». Одним из предлогов того, что «должного внимания» начинающим литерато-

рам не уделяли, Фадеев назвал причину «погружения в работу материально-бытового, административного порядка». Сталин идею поддержал: «Надо, чтобы административные функции были переданы не литераторам, но людям, знающим литературу».

В. Лебедев-Кумач продолжал отстаивать вдруг проявившуюся инициативу Фадеева. К тому же неожиданно выступил и с собственным почином. Известный поэт-песенник резко обрушился на руководство писательской организации: «Было постановление ЦК относительно толстых журналов. Прошел год. Что сделано? Сделали мы что-нибудь по этому поводу? Ошибок было много... Ни разу большого принципиального вопроса не было поставлено на Президиуме... Такое явление, как тов. Авдеенко, я считаю это наша вина. Целиком мы виноваты в этом и сейчас нужно пересмотреть, перестроить всю работу союза, чтобы все литфонды, дачи и другие вопросы были у нас отняты».

Затем выступил В. Катаев. По его мнению, неопытный, начинающий Авдеенко не должен был браться за тему «врагов народа», так как для такой темы, «чтобы писать такие вещи» нужно быть «мастером». Оратор также заявил о «количестве балласта» в писательской организации, от которого необходимо избавиться.

Идея этой «чистки союза» не была поддержана Сталиным, прекрасно понимающим, во что может вылиться разбирательство между писателями на тему: «а ты кто такой?». «Я думаю, – говорил Сталин, – что из этого балласта... можно было бы выжать большое количество довольно хороших людей, работников литературы... Может быть, они Вам станут полезны. Они поднимутся и помогут Вам... Надо убедить людей, которые ошибаются, если люди исправимы... т. Авдеенко, по-моему... неисправим». Чуть позже Сталин дал своеобразную директиву Фадееву в отношении Авдеенко: «Неисправимых, безнадежных – исключайте». В противовес «безнадежному» Авдеенко Сталин предложил отметить Ванду Василевскую. «Я знаю, – заявил вождь, прочитавший три произведения автора, – что она правдиво, честно пишет».

Что же так приглянулось главному ценителю советской литературы в ее произведениях? Обратимся к стенограмме: «„Облик дня“ – там жизнь рабочего изображена правдиво, честно, потом „Родина“, там изображена жизнь батрака, работающего в кабале у помещика, замечательно, хорошо, просто передана. „Земля в ярме“ – там изображена жизнь крестьянина-хозяина – бедняка, середняка и батрака. Замечательно, хорошо передана... Я говорю, что это незаурядный талант, по-моему, она очень хорошо пишет». В. Василевскую Сталин действительно любил. И не забывал. Выдвинул ее в Верховный Совет. Вопрос о приеме в партию «незаурядного таланта» рассматривался на Политбюро 30 декабря 1940 г.

В заключение выступления Катаева была развернута мысль об освобождении писателей от бытовых вопросов, с тем чтобы обсуждать произведения писателей чаще. В этом Сталин поддержал Катаева: «Правильно... отдельные романы очень хорошо и поучительно ставить на обсуждение».

Следующему, по указанию председательствовавшего на совещании Жданова, слово было представлено Н. Асееву. В воспоминаниях Авдеенко этому выступлению уделено лишь несколько строк. Писатель описывает начало выступления поэта. Тогда Асеев напомнил присутствующим о разговоре в Ялте с молодым литератором в доме творчества Литфонда. Авдеенко «по простоте душевной, рассказал, что закончил первый вариант романа («Государство – это я». – Д. Б.), что гора с плеч свалилась... По словам Асеева выходило, что я не признаю необходимости кропотливо трудиться... Не говорил я так... Но если бы даже и говорил, то стоило ли... в такую тяжкую для меня минуту это вспоминать... Почему большой поэт оказался таким малым человеком?».

Однако ограничиваться этим эпизодом для описания позиции Асеева на совещании явно недостаточно. На самом деле ответственность за то, что по словам Асеева, Авдеенко «так жестоко колотят», поэт постарался возложить на писательский актив, редко практико-

вавший критическое рассмотрение работ автора, который «один раз что-либо хорошее написал». Вместо этого «друг другу улыбаются, пожимают руки». Нельзя не отметить, что Асеев был единственным участником совещания, который сказал опальному писателю слова поддержки: «Для меня почему-то печальна эта история с Авдеенко. По правде сказать, мне его жаль, и хотелось бы вступить за него, но тут пойдет разговор о гнилом либерализме».

В воспоминаниях Авдеенко также совершенно отсутствует другая, не менее важная часть выступления Асеева, в которой он поднял вопрос о В. Василевской. Асеев позволил себе не согласиться со Сталиным: «Тов. Сталин сказал, что ему нравятся произведения Ванды Василевской, – говорил Асеев. – Я должен сказать, что это очень хорошо, что Вам понравились произведения Ванды Василевской. Лично я читал и не очень сильно они меня затронули. Я почему говорю? Потому что завтра, послезавтра Ванда Василевская вдруг станет единственным стандартным писательским достижением. Одно дело, что нравится Иосифу Виссарионовичу Сталину, другое дело – директива о том, как надо писать... Я ничего не боюсь, я верю, что здесь все будет учтено и взвешено, но иногда получается так: как же, Сталин сказал!»

Смелая, вызывающая по тем-то временам всеобщего почтения к вождю позиция писателя была направлена против превращения «важных» по теме, но весьма средних по художественным качествам произведений Василевской в некий эталон.

В ответ не расположенный к дискуссиям вождь почти оправдывался: «Я говорю о чем, что ее замалчивают... а она талантливая писательница. Я не считаю ее лучше всех, но она по-моему, очень талантлива». Вероятно, после такого заявления на душе, у присутствующих писателей, отлегло: все-таки Василевская не лучше всех. Конечно, Сталин хорошо понимал, что такое писатели и как с ними обращаться, что значит в этой среде соперничество и тщеславие. Больше того, нередко играл на этом.

Выступивший следом Л. С. Соболев пытался поспорить с Асеевым: «история Авдеенко... заключается не в том, что этого человека захвалили... а дело в том, что в Авдеенко в самом есть личные человеческие качества, на которые как на хорошую почву попало все дурное и гнилое, что связано со скоропалительной литературной деятельностью». Соболев назвал произведения Авдеенко «макулатурой».

В небольшом выступлении К. Федина перелома в оценке творчества Авдеенко не произошло: «Это был, – чего скрывать, ясно, о нем уже можно говорить в прошедшем времени, – просто плохой, негодный писатель, ему надо было учиться».

Режиссеры фильма А. Столпер и А. Иванов, которые на всем протяжении встречи ни разу не были даже упомянуты (Сталин был убежден, что режиссеры не влияют на содержание фильма), тем не менее дружно взялись за спасающую самокритику.

Драматург и киносценарист Н. Погодин, начав с проблемы киносценариев и производства кинокартин вообще, по отношению к разбираемому вопросу был краток: «Это просто лживая картина. Это все придумано». Последнее замечание основывалось на том, что Авдеенко не жил в студенческих общежитиях.

Заключительное, пространное слово Сталина уместилось на семи машинописных страницах. Часть речи повторяла положения, высказанные в ходе «обмена мнениями». Прозвучали и принципиально новые размышления «друга советских писателей» о «подходе к литературе». По мнению Сталина, «литература не может быть каким-то фотографическим аппаратом. Не так надо понимать правдивость. Не может быть литературы без страсти, она кому-то сочувствует, кого-то ненавидит... Я бы предпочел, чтобы нам давали врагов не как извергов, а как людей враждебных нашему обществу, но не лишенных некоторых человеческих черт». Вина Авдеенко, по наблюдению вождя, заключалась не в том, что враги наделялись положительными качествами (это, как тогда выяснилось, считалось нормальным явлением), а в том, что положительные герои такими качествами не наделялись: «Весь грех

Авдеенко состоит в том, что нашего брата – большевика – он оставляет в тени». Смущало вождя и само название фильма. В нем он усмотрел покушение Авдеенко на «монопольное воспитание молодежи».

Разумеется, стенограмма не может передать психологическое состояние «обвиняемого». В какой-то мере здесь могут помочь мемуары Авдеенко, представляющие немалый исследовательский интерес. Обласканный системой, веривший ей всем сердцем, писатель на «своей шкуре» почувствовал, что такое возмездие системы в духе коммунистической принципиальности. Вот как он передавал свои ощущения во время проработки: «Мне бы потерять разум, умереть от разрыва сердца. Однако, я жил, слушал, видел, мыслил». Когда все закончилось: «Я медленно, нетвердыми шагами бреду по залу, вдоль столов, вдоль пустых кресел... Вошел в кабинет Кузнецова (помощник Жданова. – Д. Б.) и, преисполненный благодарности к человеку, так неожиданно приласкавшему меня (Кузнецов, приглашая к себе в комнату, сказал: «Сюда, пожалуйста». – Д. Б.), разрыдался. Плакал навзрыд, содрогаюсь. Но ни единой слезинки не выкатилось из моих глаз. Все слезы выплакал там, перед Сталиным. Потом они исторглись из меня... Столпер и Иванов вернулись (по указанию Кузнецова. – Д. Б.). Кузнецов, не принимая в расчет мое присутствие, очевидно, уверенный в моей невменяемости, сказал: «Товарищи, не оставляйте, пожалуйста, Авдеенко одного. Очень вас прошу». «Вышли на улицу, – продолжает вспоминать писатель, – прошли несколько метров к откоосу... и тут я выскользнул из рук режиссеров, упал – ноги отказали». Режиссер фильма Столпер, после «общения» с вождем, начал заикаться.

За публикацией в центральном органе партии и совещанием в ЦК последовали расправы. Авдеенко был выселен вместе с женой, малолетним сыном и больной матерью из квартиры, правда, с предоставлением комнаты. Писатель был уволен из газеты, исключен из партии и, конечно, из Союза писателей со зловещей формулировкой: «За пропаганду враждебных антисоветских взглядов в своих произведениях («Судьба», «Государство – это я», сценарий «Закон жизни» и ряд корреспонденции).

Критика произведений Авдеенко в начинающейся идеологической кампании заняла первое место. Вскоре стали заполняться и другие ниши.

Теперь совершенно ясно, что вопрос о «Законе жизни» возник не спонтанно. Запрет исходил непосредственно от главы партии. Но для Сталина критика сценария не была самоцелью. По сути на состоявшемся совещании в ЦК им были сформулированы программные установки, ставшие планом действий для исполнителей высочайшей воли по «наведению порядка» в литературе и искусстве.

Источник: [20]

Из курса лекций П. Рейфмана «Из истории русской, советской и постсоветской цензуры»

В 1940 г., после 18-летнего замалчивания, появился ее (Ахматовой. – *Сост.*) сборник «Из шести книг». Волков в книге о Сталине и Шостаковиче рассказывает о предыстории сборника. Ахматову не печатали с 1925 г., ругали при всяком удобном случае. И вдруг... в 1939 г., на приеме в честь награжденных орденами писателей, Сталин спросил о ней. Этого было достаточно. На закрытом заседании президиума Союза писателей принято решение «О помощи Ахматовой»: речь идет о больших ее заслугах, о персональной пенсии, ходатайстве о предоставлении ей отдельной квартиры. Фадеев заявил, что Ахматова «была и остается крупнейшим поэтом предреволюционного времени» (возможно, копировал высказывание Сталина о Маяковском). В рекордные сроки выпущен сборник ее стихотворений, который Шолохов (заместитель председателя Комитета по Сталинским премиям) и А. Толстой (руководитель секции литературы Комитета...) выдвигают на Сталинскую премию.

Но произошла «осечка». Секретариат ЦК ВКП(б) принял специальное решение об осуждении сборника «идеологически вредных, религиозно-мистических стихов Ахматовой», постановил изъять книгу из продажи. Ахматова считала, что Сталин обиделся на стихотворение 1922 г. «Клевета» («И всюду клевета сопутствовала мне»). Сам же Волков полагает, что причина запрета, видимо, в несанкционированном сенсационном успехе сборника.

25 сентября 1940 г. Д. В. Крупин (управляющий делами ЦК...) сообщает Жданову о том, что издательство «Советский писатель» (ленинградское отделение) выпустило сборник избранных произведений Ахматовой, поставив даты: 1912–1940 гг.); на самом же деле большинство стихотворений, помещенных в нем, написаны до революции; из 200 с лишним стихотворений только десяток помечен 1921–1940 гг., «но это также „старые напевы“»; в сборнике нет стихотворений с революционной и советской тематикой, о людях социализма; два источника рождают «стихотворный сор Ахматовой»: бог и свободная любовь, а образы для этого заимствованы из церковной литературы. Крупин подробно цитирует, хотя и с ошибками, ряд стихотворений Ахматовой: «Ангел, три года хранивший меня...», «Сочинил же какой-то бездельник...» и др. Он предлагает изъять сборник из продажи. Жданов разгневан. Его резолюция на докладной: Александрову и Поликарпову: «Просто позор, когда появляются такие, с позволения сказать, сборники»; «Как этот Ахматовский „блюд с молитвой во славу божию“ мог появиться в свет? Кто его продвинул?» Распоряжение: выяснить и внести предложения. Позднее, в 1946 г., знакомство Жданова с творчеством Ахматовой скажется в постановлении ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». В него перейдут даже формулировки из докладной Крупина.

19 октября 1940 г. последовал ответ на вопрос Жданова: кто виноват в выпуске сборника Ахматовой. Там говорилось, что стихи Ахматовой усиленно популяризирует А. Толстой, предлагавший выдвинуть ее на Сталинскую премию; а в «Литературной газете» помещена о ней хвалебная статья Перцова (поторопились донести, хотя о последнем никто не спрашивал). 29 октября 1940 г. принято постановление Секретариата ЦК... «Об издании сборника стихов Ахматовой»: работники издательства «допустили грубую ошибку, издав сборник идеологически вредных, религиозно-мистических стихов Ахматовой»; за беспечность и легкомыслие вынести выговор директору Ленинградского отделения издательства Советский писатель Брыкину Н. А., директору всего издательства «Советский писатель» Ярцеву, политредактору Бойченко; книгу изъять. Н. Я. Мандельштам позднее писала о судьбе сборника: «... пострадали люди и книга Ахматовой, которая пошла под нож. Из всего тиража, уже сложенного в пачки, уцелело несколько экземпляров, украденных рабочими. Можно считать, что книга вышла в количестве двадцати экземпляров. Мы живем в стране неслыханно больших и неслыханно малых тиражей».

Источник: <http://www.ruthenia.ru/reifman> [54]

Соломон Волков

Первые сталинские премии: Шостакович и другие (К 100-летию со дня рождения композитора)

Что такое социалистический реализм? Спросите об этом пятерых специалистов, и вы получите пять разных ответов. Должно ли нас сие хоть сколько-нибудь занимать? Полагаю, что должно. Ведь соцреализм воцарился в советской культуре с начала 1930#х гг. на целых полвека вперед, а после Второй мировой войны был объявлен доминирующей силой в культуре всех стран советского блока, то есть на территории дюжины с лишним государств Европы и Азии с общим населением почти в миллиард человек.

Для России значение соцреалистического искусства невозможно переоценить. Это неотъемлемая и важная часть ее культурного наследия. Русская культура XX века в значи-

тельной своей части создавалась на наших, ее современников, глазах. И тем не менее в ее истории содержится множество загадок, неподтвержденных гипотез и предположений, да и просто «черных дыр» – словно речь идет о давным-давно исчезнувшей цивилизации. Доктрина соцреализма до сих пор остается одной из таких загадок.

Советские люди определенного возраста еще помнят то время, когда словосочетание «социалистический реализм» употреблялось примерно с той же частотой, что и «советская власть» или «коммунистическая партия», то есть постоянно. Но в отличие от последних терминов, означавших нечто конкретное, имевшее более-менее четкие очертания, подлинное значение соцреализма, несмотря на тысячи статей и книг, призванных его разъяснить, оставалось весьма зыбким.

Эта неопределенность была еще в 1934 году заложена в разработанное с участием самого Сталина и потому ставшее классическим определение социалистического реализма как основного метода советской литературы и искусства, который «требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии».

Как теоретик и политик Сталин, вслед за Лениным, предпочитал простые и ясные, понятные широким массам слоганы. Согласно воспоминаниям сталинского конфидента Ивана Гронского, вождь выбрал словосочетание «социалистический реализм», исходя именно из этих критериев: «Достоинством такого определения является, во-первых, краткость (всего два слова), во-вторых, понятность и, в-третьих, указание на преемственность в развитии литературы...» (Сталин имел в виду связь с великой литературой так называемого «критического реализма», то есть Достоевским, Львом Толстым и Чеховым.)

Эта чаемая вождем понятность оказалась, однако, иллюзорной. Оживленная дискуссия о том, что такое соцреализм, продолжается до сих пор. Это метод или только стиль, или то и другое? Можно ли считать социалистическими лишь произведения, обладающие ярко выраженной коммунистической идеологией? На ум приходят поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!», но их стиль скорее можно определить как экспрессионистский, а не реалистический.

Если же тем не менее признать, согласно советской доктрине, эти произведения Маяковского образцами соцреализма, то почему бы не зачислить по этому же ведомству стихи Пабло Неруды и Поля Элюара? (Это и было сделано в 1972 году московской «Краткой литературной энциклопедией», заодно записавшей в соцреалисты Ромена Роллана и Бертольда Брехта, что было уж полным абсурдом.)

Но если считать, среди прочих, соцреалистами немецкого и чилийского экспрессионистов и французского сюрреалиста, то почему отказывать в этом звании Борису Пастернаку с его революционными нарративными поэмами «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт»? Между тем, в современной России и Пастернака, и Андрея Платонова, тоже писавшего квазикоммунистические произведения, решительно выводят за пределы соцреализма: они, видите ли, «хорошие» писатели, а к соцреализму сейчас модно относить только «плохих». (В Советском Союзе в свое время Пастернака с Платоновым тоже не считали соцреалистами, но именно как «плохих» писателей.)

Одним из способов разобраться в этой путанице была бы попытка поместить эту проблему в исторический контекст. Попробуем встать на позицию человека, лично ответственного за появление на свет и дальнейшее широкое распространение термина «соцреализм»: самого Иосифа Сталина. Мы можем достаточно четко представить себе, что именно он считал настоящим социалистическим искусством и литературой, достойным государственной поддержки, если развернем «Правду» от 16 марта 1941 года. Этот номер главной газеты страны был заполнен материалами о первых лауреатах Сталинской премии, учрежденной по воле вождя в 1939 году, когда праздновалось его 60-летие.

Согласно указанию вождя, Сталинской премией отмечались лишь самые выдающиеся произведения советского искусства и литературы. Для их отбора была создана специальная многоступенчатая бюрократическая система, которая увенчивалась Комитетом по Сталинским премиям под председательством маститого старца Владимира Немировича-Данченко, соратника Станиславского по Художественному театру. Но последнее слово всегда оставалось за Сталиным, который лично вписывал или вычеркивал имена лауреатов, проявляя при этом удивлявшую свидетелей заинтересованность и осведомленность.

С особым вниманием и требовательностью отнесся Сталин к самым первым лауреатам премии своего имени. В отличие от последующих оказий, когда премии давали за произведения, появившиеся в предыдущем году, в этот раз ею отмечались, как было сказано в Постановлении Совета Народных Комиссаров от 15 марта 1941 года, «выдающиеся работы в области искусства и литературы в период последних 6–7 лет», то есть с 1935 года: *creme de la creme*, как говорят французы.

В открывавшей «лауреатский» номер «Правды» передовой статье формулировались важнейшие задачи отечественной культуры: «Советское искусство должно вдохновлять массы в их борьбе за полную, окончательную победу социализма, оно должно помогать им в этой борьбе. В великом соревновании двух систем – системы капитализма и системы социализма – советское искусство должно также служить оружием в этой борьбе, прославляющим и утверждающим социализм. Эпоха борьбы за коммунизм должна стать эпохой Социалистического Возрождения в искусстве, ибо только социализм создает условия для полного расцвета всех народных талантов».

Характерно катехизисный, поучительный стиль данного фрагмента, присущие ему тавтологичность, заикленность на словах «социализм», «борьба» позволяют, мне кажется, признать его автором самого Сталина. В своей книге «Шостакович и Сталин» я пришел к выводу, что вождь являлся не только внимательнейшим читателем «Правды», но и одним из ее главных авторов, причем часто тексты, написанные или продиктованные Сталиным, появлялись в этой газете без его подписи. Никто кроме Сталина не осмелился бы выдвинуть неожиданную параллель с эпохой итальянского Возрождения, ибо при этом неизбежно напрашивалось довольно-таки амбивалентное сравнение Сталина, как покровителя искусств, с семейством Медичи и легендарными римскими папами того времени.

И уж вне всякого сомнения именно персональный выбор Сталина стоял за публикацией в тот день на первой странице «Правды» шести избранных фотопортретов новоиспеченных лауреатов. Вот эта «великолепная шестерка» – именно в том, несомненно что-то означавшем для Сталина порядке, в каком появились тогда ее изображения: Дмитрий Шостакович, Александр Герасимов, Вера Мухина, Валерия Барсова, Сергей Эйзенштейн, Михаил Шолохов. Четверо мужчин, двое женщин (Сталин, видимо, не был мизогинистом); среди них и известные всему миру гении, и фигуры, о которых сегодня даже в России знают только специалисты. Но все они представлялись вождю наиболее репрезентативными примерами сталинского культурного Возрождения.

Начнем с самого малоизвестного персонажа. О Барсовой, лирико-колоратурном сопрано и ведущей солистке Большого театра (1892–1967), вспоминают сейчас сравнительно редко, хотя в 1930–1940-е годы она была одной из самых популярных и любимых советских певиц. Барсову называли «советским соловьем», она блистала в вердиевских ролях Джильды, Виолетты, но Сталину особенно нравилось ее психологически убедительное (она специально консультировалась у самого Станиславского) исполнение партии Антониды, дочери русского крестьянина-патриота Ивана Сусанина, в опере Михаила Глинки «Жизнь за царя», от которой отсчитывал свое подлинное рождение отечественный оперный театр. Сталин настолько высоко ценил это произведение Глинки, исчезнувшее было с советской сцены после революции из-за своей промонархической направленности, что в 1939 году

он вернул его (под названием «Иван Сусанин» и с соответственно довольно ловко переделанным либретто) в репертуар ведущих оперных театров страны.

Как всегда у Сталина, в этом его решении тесно переплелись эстетика и политика. Фанат русской классической оперы (ради того, чтобы послушать в Большом театре свою любимую арию из «Сусанина», вождь, как известно, мог прервать заседание Политбюро партии), Сталин также использовал простое и трогательное творение Глинки для легитимизации – в преддверии войны с Гитлером – националистических эмоций, дискредитированных при интернационалисте Ленине.

Весьма вероятно, что Сталин выделил Барсову не только за ее талант и высокий профессионализм (от природы склонная к полноте, она изнуряла себя гимнастикой, чтобы и после пятидесяти иметь возможность порхать по сцене Большого в роли Розины в «Севильском цирюльнике» Россини; даже летом, в отпуске, заплывая далеко в море, пела там упражнения для голоса), но и за ее общественный темперамент – Барсова была депутатом Верховного Совета РСФСР, а потом Моссовета, составляя, кстати, вместе с Шолоховым «партийную треть» нашей великолепной шестерки (остальные четверо лауреатов к моменту награждения были беспартийными).

Еще при жизни Сталина молва зачисляла русскую красавицу Барсову в любовницы вожды, но даже если отбросить этот слух, понятно, почему именно ее портрет украсил первую страницу «Правды». Барсова олицетворяла собой новый тип артиста музыкального театра – сферы, которую Сталин любил и считал важной, и где уже в дореволюционной России появились популярные суперзвезды: Шаляпин, тенор Леонид Собинов, сопрано Антонина Нежданова и Надежда Обухова, балерина Анна Павлова и другие.

Вождю важно было показать, что новое поколение звезд оперы и балета не уступает дореволюционным мастерам, поэтому среди первых сталинских лауреатов оказались великие исполнители советской эпохи – басы Максим Михайлов и Марк Рейзен, тенора Иван Козловский и Сергей Лемешев и балерина Галина Уланова (единственная в этом списке, кто стал легендарной фигурой также и на Западе).

Хотя имя скульптора Веры Мухиной, второй женщины, чей фотопортрет появился на первой странице «Правды», мало известно за пределами России, ее самое знаменитое произведение – «Рабочий и колхозница», 25-метровая композиция из нержавеющей стали, весившая 74 тонны и возвышавшаяся над советским павильоном на Всемирной выставке 1937 года в Париже (задача заключалась в том, чтобы визуально перекрыть соседний немецкий павильон) – прославилось на весь мир, и его до сих пор воспроизводят на бесчисленных плакатах и обложках книг.

Многие (среди них был и Ромен Роллан) считали это динамичное изображение двух рвущихся вперед гигантских, полуобнаженных фигур (она вздымает над головой серп, он – молот) является наиболее выразительным символом советского искусства и даже советского государства в целом, хотя некоторые настаивают, что таковым является сюрреалистский плакат Эль Лисицкого для советской выставки в Цюрихе 1929 года, трактующий схожую с мухинской тему экстатического единения мужского и женского начал во имя социалистической идеи в более авангардном ключе.

Любимая дочь богатого купца, мужеподобная Мухина училась в Париже и входила вместе со своими подругами Надеждой Удальцовой и Любовью Поповой в круг «амазонок» русского авангарда. Особенно близка Мухина была к одной из ведущих «амазонок» – Александре Экстер, оформляя вместе с ней модернистские спектакли популярного и влиятельного в Москве Камерного театра под руководством Александра Таирова, а затем сотрудничая с ней же в изготовлении замысловатых шляп для столичных модниц начала 20#х годов.

В 1930 году Мухина была арестована и сослана (правда, всего на год) за попытку побега за границу, но это не помешало ей уже через несколько лет оказаться в числе любимых

скульпторов Сталина. Высоко оценив ее «Рабочего и колхозницу», вождь защитил Мухину от потенциально летальных обвинений в том, что в развевающихся складках одежды этой скульптурной пары она зловредно спрятала изображение врага Советского Союза Льва Троцкого.

Всего за свою жизнь (она умерла в 1953 году, пережив Сталина на семь месяцев) Мухина получила пять Сталинских премий, но так и не вылепила обязательного изображения самого вождя. Когда ей предложили это сделать, Мухина, играя роль принципиального реалиста, поставила условие: Сталин должен позировать ей лично. Но от этого вождь отказался. (По рассказам, так же отвертелся от выполнения сталинского портрета художник Петр Кончаловский.)

Трудно было сыскать большую противоположность суровой, но справедливой Мухиной, чем получивший одновременно с ней Сталинскую премию первой степени за свою картину «Сталин и Ворошилов в Кремле» (в кругу художников ее прозвали «Два вождя после дождя») живописец Александр Герасимов, о котором большинство мемуаристов вспоминает как о циничном оппортунисте. Герасимов всегда подчеркивал, что родился в семье крестьянина из крепостных: в советском обществе это давало ему существенное преимущество перед «социально чуждой» купеческой дочкой Мухиной. Преклонявшийся перед французскими импрессионистами, чьей манере он рабски следовал в молодости, Герасимов стал публично поносить их как декадентов и формалистов в тот самый момент, когда на этот счет была спущена соответствующая директива сверху.

Плотный кучерявый матерщинник с фатоватыми тонкими усиками, Герасимов «для себя» с удовольствием писал полупорнографические жанровые сценки под скромными названиями, вроде «В деревенской бане», в то время как по стране миллионными тиражами расходились репродукции с его парадных портретов Ленина, Сталина и маршала Климента Ворошилова, советского наркома обороны, покровителя и даже друга Герасимова (заглядывавшего иногда в мастерскую художника, чтобы полюбоваться на изображение очередной обнаженной дородной красавицы).

Возглавив в качестве президента созданную в 1947 году (в подражание дореволюционной традиции) Академию художеств СССР, Герасимов стал «главным художником» страны и символом соцреализма в искусстве, получая от правительства бешеные деньги за производившиеся в его мастерской огромные многофигурные официальные полотна, но при этом в своем государственном лимузине с шофером водружал на заднем сидении гору сена, наглядно демонстрируя таким образом неразрывную связь со своим простонародным прошлым.

Герасимов был колоритной фигурой, но картины его, некогда удостоенные множества наград (в том числе четырех Сталинских премий, а также золотых медалей на Всемирных выставках в Париже и Брюсселе) в наше время почти единодушно оцениваются как художественно неинтересные: стандартно академические по композиции и невыразительные по живописной фактуре. Так же уничижительно отзываются современные художественные критики и о других корифеях соцреализма, хотя среди них были и подлинные живописные виртуозы, вроде одного из любимых учеников самого Репина – Исаака Бродского, а также Василия Ефанова и Александра Лактионова.

Но можно ли вообще судить о полотнах Герасимова и его соцреалистических коллег, исходя из чисто художественных критериев, основанных на эстетике западного авангарда последних ста лет, и почти полностью игнорируя социальные функции этих произведений в рамках сталинского общества?

Подобные асоциальные методы оценки еще некоторое время назад применялись также к культурным артефактам неевропейской традиции – к скульптурам и маскам из Азии, Африки и Океании. Все это были практически без исключения ритуальные предметы, ценив-

шиеся своими народами и племенами в первую очередь за их социальную полезность, а не художественные достоинства. На Западе же эти артефакты рассматривались через призму господствующей модернистской эстетики – то, что к ней приближалось, получало более высокие оценки, остальное трактовалось как менее «интересное», а значит, и менее художественно ценное. Теперь многие полагают, что это был ошибочный взгляд.

Искусство сталинской эпохи тоже, видимо, следует трактовать как в значительной степени ритуальное. В этом смысле у соцреализма можно обнаружить интригующие корни (на что недавно стали обращать внимание исследователи советского искусства на Западе и в России). У истоков соцреализма стояли Горький и Луначарский, до революции увлекавшиеся так называемым «богостроительством» (за что их жестоко ругал Ленин), а в жизнь лозунг соцреализма продвинул Сталин, бывший семинарист. И Луначарский, и Горький охотно рассуждали о магическом влиянии искусства на человеческое поведение. Сталин вслух об этом не говорил, но несомненно ощущал магическую силу искусства как нечто реальное; это подметил еще Осип Мандельштам, глубоко понимавший психологию вождя (о чем свидетельствует его гениальная стихотворная «сталинская» «Ода»): «Это у него (Сталина) вроде суеверия. Думает, что мы можем нашаманить...»

Горькому соцреализм представлялся инструментом, способствующим «возбуждению революционного отношения к действительности, отношения, практически изменяющего мир». Горький эвфемистически говорит здесь о ритуальной, магической роли соцреализма. Луначарский был более откровенным: «Советское искусство ничем существенным не отличается от религиозного...»

Сталин избегал, как всегда, чересчур откровенных деклараций (на то он и был профессиональным политиком), настойчиво подталкивая советскую культуру к исполнению квазирелигиозных функций: романы должны были исполнять роль житий святых, пьесы и кинофильмы – религиозных мистерий, картины – икон. Надо всем этим царил культ покойного Ленина как Бога-отца, со Сталиным в роли сына. При этом Ленин, а впоследствии, после смерти, и Сталин демонстрировались народу в специально построенном в центре столицы, на Красной площади, мавзолее в забальзамированном виде – как нетленные мощи коммунистических святых.

Этой же цели служили архитектурные сооружения сталинской эпохи. Даже подземка, в западных городах строившаяся в первую очередь с учетом ее утилитарных функций, в Москве была превращена в некий секулярный храм, обязательная демонстрация которого иностранцам должна была вызывать у них – как и у советских граждан – приступ ритуального восторга. Известна реакция на это «подземное чудо» антиклерикалиста и скептика Андре Мальро: «Un peu trop de metro» («многовато метро»).

Вот почему монументальные живописные и скульптурные композиции сталинской эпохи, изображающие вождей и их встречи с народом, подвиги героев, массовые демонстрации и празднества, следует рассматривать как ритуальные объекты, даже если они выставлены в художественных музеях. Только поместив эти работы в исторический и социальный контекст, можно оценить талант, старание и мастерство их создателей, отмеченное в свое время Сталинскими премиями, и понять, что премии эти давались не зря.

Самой спорной фигурой из всех первых сталинских лауреатов является, без сомнения, Михаил Шолохов, впоследствии третий русский нобелиат. Разброс мнений о Шолохове удивителен даже для склочного XX века – от признания его великим писателем, одним из мировых классиков нового времени, до презрительного отзыва Солженицына: «Ну, те, кто Шолохова знают, – знают, что, собственно, весь его уровень развития... даже – не об уровне нужно говорить, образованный или необразованный, а – грамотный или неграмотный?..». И это – о человеке, еще в 1939 году ставшим действительным членом Академии Наук СССР.

Сталин дал Шолохову премию за ставший всемирно известным роман-эпопею «Тихий Дон», описывающий трагическую судьбу донского казака Григория Мелехова в годы Первой мировой и Гражданской войн на фоне тектонических социальных и психологических потрясений того времени. Этот роман чрезвычайно высоко оценивал даже Солженицын; в чем же причина столь резко негативного его (да и не только его одного) отношения к Шолохову?

Дело в том, что сразу же после опубликования 23-летним Шолоховым «Тихого Дона» в 1928 году поползли слухи, что роман этот написан вовсе не им, что Шолохов использовал рукопись (или дневник) другого автора, умершего в 1920 году Федора Крюкова; назывались и другие имена. Со временем поиски «подлинного автора» превратились в небольшую индустрию, с серьезными исследованиями и многочисленными статьями *pro et contra*, которую можно сопоставить (с понятной корректировкой) с дебатами об авторстве шекспировских пьес.

Думается, эта проблема вряд ли будет в обозримом будущем разрешена окончательно и бесповоротно. Поэтому проблему «автора» мы можем в данном случае, вслед за Михаилом Бахтиным и Роланом Бартом, трактовать как в достаточной мере условную. Вдобавок, сам Шолохов, фигура – вопреки мнению его политических и эстетических оппонентов – крупная и неоднозначная, тесно связал себя и со многими важнейшими культурными и политическими моментами русской истории XX века, и с драматической судьбой «Тихого Дона».

Сейчас укрепилась легенда, что «Тихий Дон» советская власть с самого начала подняла на щит. Ничего подобного. Шолохов был отнюдь не пролетарского происхождения, вырос в весьма зажиточной семье и «пролетарская» критика немедленно оценила «Тихий Дон» как «идеализацию кулачества и белогвардейщины». Когда дело дошло до публикации третьего, предпоследнего тома этого романа, у Шолохова возникли серьезные проблемы: влиятельные литначальники, включая всесильного тогда Александра Фадеева, посчитали, что появление этой книги «доставит много удовольствия тем нашим врагам, белогвардейщине, которая эмигрировала». Ее задерживали больше двух лет.

Шолохов обратился за поддержкой к своему покровителю Горькому, и тот в июле 1931 года организовал на своей квартире встречу молодого писателя с главным цензором страны – Иосифом Сталиным. Тот уже читал первые два тома «Тихого Дона», перед встречей прочел в рукописи и третий, и на квартире у Горького (который, по воспоминаниям Шолохова, все больше молчал, курил, да жег спички над пепельницей) учинил Шолохову целый допрос: почему в «Тихом Доне» белые изображены «смягченно»? на каких документах основан роман? (Зная об обвинениях в плагиате, Сталин, видимо, проверял историческую эрудицию Шолохова.)

Оправдываясь, Шолохов сказал, что воевавший против большевиков на Дону белый генерал Лавр Корнилов был «субъективно честный человек». У Сталина, как вспоминал позднее писатель, «желтые глаза сузились, как у тигра перед прыжком», но он продолжил спор довольно сдержанно, в своей излюбленной «вдалбливающей» катехизисной манере: «Субъективно честный человек тот, кто с народом, кто борется за дело народа», – а Корнилов шел против народа, пролил «моря крови», какой же он честный человек?

Шолохов был вынужден согласиться. Сталин беседой с 26-летним, невысоким и по-мальчишески тонким, с характерным кучерявым чубом над выпуклым лбом писателем остался, видимо, доволен, его решением было: «Изображение хода событий в третьей книге „Тихого Дона“ работает на нас, на революцию. Печатать будем!».

Однако недруги Шолохова (а их было множество) оружия не складывали. Решительный бой был дан «Тихому Дону», когда роман начали обсуждать на заседаниях Комитета по Сталинским премиям. Сильное впечатление на членов Комитета должна была произвести эмоциональная речь великого кинорежиссера Александра Довженко, создателя одного из шедевров советского немого кино «Земля» (1930) и любимца Сталина (за свой фильм

о гражданской войне на Украине «Щорс» Довженко получил Сталинскую премию): «Я прочитал книгу „Тихий Дон“ с чувством глубокой внутренней неудовлетворенности... Суммируются впечатления следующим образом: жил веками тихий Дон, жили казаки и казачки, ездили верхом, выпивали, пели... был какой-то сочный, пахучий, устоявшийся, теплый быт. Пришла революция, советская власть, большевики – разорили тихий Дон, разогнали, натравили брата на брата, сына на отца, мужа на жену, довели до оскудения страну... заразили триппером, сифилисом, посеяли грязь, злобу, погнали сильных, с темпераментом людей в бандиты... и на этом дело кончилось. Это огромная ошибка в замысле автора».

Против «Тихого Дона» выступили и другие члены Комитета, но самым весомым, пожалуй, было заключение о романе возглавлявшего в тот момент Союз писателей СССР Фадеева (известного, к тому же, как доверенное лицо Сталина): «Мое личное мнение, что там не показана победа сталинского дела». Фадеев позднее признался Шолохову, что голосовал против него. Но Шолохов, как мы знаем, премию все-таки получил и оказался на первой странице «Правды». Почему?

Разгадку, мне кажется, следует искать, в частности, в том, что Сталин фактически наградил писателя не только за «Тихий Дон», но и за опубликованную уже к этому времени первую часть второго романа Шолохова – «Поднятая целина», написанного о коллективизации, то есть на тему важнейшую для страны и лично для Сталина. Сохранился отзыв Сталина о «Поднятой целине» (в письме к своему ближайшему соратнику Лазарю Кагановичу от 7 июня 1932 года): «Интересная штука! Видно, Шолохов изучил колхозное дело на Дону. У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование. Кроме того, он – писатель, глубоко добросовестный: пишет о вещах хорошо известных ему». (То есть Сталин опять получил подтверждение для себя, что Шолохов – не плагиатор.)

Но и это еще не все. Сталин, мне думается, отметил Шолохова также и за те его поступки, о которых в тот момент знали очень немногие. Они оставались тайной в течение долгих лет, и, хотя впервые о них упомянул Никита Хрущев еще в 1963 году, в подробностях вся история стала известна только в 1990-е годы, после развала советской империи, когда была опубликована переписка Шолохова со Сталиным.

Небольшая книжка, собравшая 15 писем и записок Шолохова Сталину, письмо и две телеграммы Сталина Шолохову и еще несколько важных документов, читается как захватывающий роман, с той разницей, что это – подлинная (хотя и не полная) история драматических контактов вождя и писателя по поводу наиболее трагических ситуаций той эпохи – коллективизации и Большого Террора.

Первую серию писем Шолохов, которому в это время не было еще и тридцати лет, отправил Сталину в 1931–1933 годах, когда Советский Союз был в тисках вызванного насильственной коллективизацией катастрофического сельскохозяйственного кризиса. Чтобы обеспечить снабжение городов продуктами, у колхозников фактически конфисковывали все наличное зерно. Шолохов рисует ситуацию с неслыханной резкостью и прямоотой: «...сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями». И в другом письме: «Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается, когда видишь все это своими глазами...».

Шолохов описывает Сталину «омерзительные „методы“ пыток, избиений и надругательств», с помощью которых у крестьян выпытывают, где спрятано зерно: «В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!» Подобных устрашающих примеров истязаний, угроз, насилий в письмах Шолохова к Сталину множество, он нагромождает их как опытный писатель и, что весьма примечательно, даже осмеливается давить на вождя тем, что ослабит советскую власть в своей новой книге: «Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком

материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины». (Чтобы написать подобное Сталину, надо быть уверенным в собственной гениальности; маловероятно, что на такую смелость решился бы заведомый плагиатор.)

Как же на это отреагировал Сталин? Хрущев позднее вспоминал, что Сталин, когда ему говорили о недостатках, обычно страшно раздражался, даже если понимал, что ситуацию надо выправлять: соглашается, но злится. Именно такой сложный сплав противоречивых эмоций можно увидеть в ответе Сталина Шолохову (от 6 мая 1933 года), где вождь благодарит писателя за его алармистские письма, «так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма».

Но тут же вождь со злобой указывает Шолохову, что крестьяне, за которых вступался писатель (Сталин издевательски именует их «уважаемыми хлеборобами») – саботажники, пытавшиеся оставить рабочих и Красную армию без хлеба, и что эти «уважаемые хлеборобы по сути дела вели „тихую“ войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...» При этом Сталин распорядился оказать срочную продовольственную помощь голодающим землякам Шолохова. Такой ход вписывался в политику вождя, когда временные и небольшие уступки призваны были замаскировать неуклонное давление на крестьян.

Вновь с большим письмом Шолохов обратился к Сталину 16 февраля 1938 года, то есть на пике Большого Террора. Над писателем тогда нависла угроза ареста как «врага народа» (арестованного участника казачьего хора под дулом пистолета заставили дать показания, что Шолохов подговаривал его совершить покушение на одного из членов советского руководства во время концерта хора в Москве), но защищает Шолохов главным образом своих сидящих в тюрьме и подвергающихся пыткам друзей: «Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен... Надо покончить с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным».

(За полгода до этого, в июле 1937 года, Шолохов отказался поехать на 2-й Международный антифашистский конгресс писателей в Испании, хотя был включен в состав делегации – куда входили также Михаил Кольцов, Алексей Толстой, Эренбург, Фадеев – самим Сталиным. Отказ этот писатель мотивировал «сложностью своего политического положения». Тут Шолохов оказался более упрямым, чем Борис Пастернак, которого против его воли Сталин заставил-таки отправиться на аналогичный конгресс в Париж в 1935 году, от участия в котором Шолохов, кстати, тоже отвертелся.)

Шолохова вызвали к Сталину в Кремль, где он в присутствии наводившего на всех страх наркома НКВД Николая Ежова смело рассказал вождю ходивший в те дни в народе анекдот об улепетывающем со всех ног зайце, которого спрашивают:

– Ты чего, заяц, бежишь?

– Боюсь, подкуют!

– Так ведь подковывают не зайцев, а верблюдов!

– А когда изловят да подкуют, поди докажи, что ты – не верблюд!

Травить вождю политический анекдот – это был номер под куполом цирка. Как вспоминал Шолохов позднее, Ежов засмеялся, а Сталин – не очень, и саркастически обратился к писателю: «Говорят, много пьете, товарищ Шолохов?» На что Шолохов отвечал в том же гаерском ключе: «От такой жизни, товарищ Сталин, запьешь!»

Отпираться было бессмысленно: писателя доставили в Кремль прямо из московского ресторана, где он пьянствовал ни с кем иным, как с Фадеевым, тоже не слабым кирюхой. Но Сталин им обоим это прощал. Его личный секретарь Александр Поскребышев отнесся к появлению пьяного писателя в Кремле более сурово: «Нализался, шут гороховый?» Но зато он и привел в два счета писателя в божеский вид перед аудиенцией у вождя: запихнул Шоло-

хова под горячий душ, сунул ему в руки новенькую гимнастерку с белоснежным целлулоидным воротничком и обрызгал одеколоном – чтоб не так шибало водкой.

Но не только к пьянству Шолохова отнесся тогда снисходительно Сталин, вообще-то недолюбливавший того, что в Советском Союзе называлось «морально-бытовым разложением». В момент разговора с писателем в присутствии Ежова вождь уже знал – и знал, что и Ежов также знает – о том, что жена наркома НКВД 34-летняя красотка Евгения (Женя) Хаютина-Ежова уже несколько месяцев была любовницей Шолохова.

Такую ситуацию трудно было бы придумать даже смелому романисту, а между тем ее реальность подтверждается опубликованными в 2001 году секретными документами. Получившему от друзей прозвище «железный нарком», а от врагов – «кровавый карлик», 41-летнему Ежову Сталин в 1936 году поручил проведение Большого Трора, отчего этот страшный период и получил в народе название «ежовщины». Неудивительно, что позднее о Ежове вспоминали как о садисте и чудовище, но знавшие его лично в более «вегетарианские» времена Надежда Мандельштам и Лиля Брик отзывались о нем как о «довольно приятном» человеке. Ежов был также бисексуалом, и брак его с Евгенией Хаютиной, женщиной самостоятельной, энергичной и любвеобильной (среди ее многочисленных любовников числился также и писатель Бабель), был довольно-таки свободным.

В роли сводника – вольно или невольно – в этой истории выступил все тот же вездесущий Фадеев, в компании которого в августе 1938 года приехавший в Москву Шолохов отправился навестить Хаютину. В тот же день они втроем пообедали в гостинице «Националь», где Шолохов остановился. На следующий день Хаютина опять пришла к Шолохову в «Националь», но уже одна. Стенографы из секретной полиции зафиксировали все происшедшее затем в номере Шолохова, включая не только реплики писателя и его гости (к примеру, он – ей: «тяжелая у нас с тобой любовь, Женя...»; она – ему: «я боюсь...»), но и звуки происходящего («уходит в ванную», «целуются», «ложатся»).

Хаютина боялась не зря. Странно только, что, будучи женой шефа секретной полиции, она не догадывалась о том, что номера в «Национале», одной из главных гостиниц Москвы, прослушиваются. В любом случае, злополучная стенограмма уже на другой день была в руках у Ежова, который, прихватив ее с собой и объявившись поздней ночью у себя на даче, отхлестал этой стенограммой свою жену по лицу (чему случайной свидетельницей оказалась ее подруга), но публичного скандала устраивать не стал. Еще недавно всесильный нарком (Бабель говорил: «Когда Ежов вызывает к себе членов ЦК, то у них от этого полные штаны») уже чувствовал, что почва начинает уходить у него из-под ног.

Сталин к этому моменту, видимо, решил, что развязанный им Большой Трор свою роль в подавлении и устрашении врагов выполнил и теперь можно немного ослабить нажим. Поэтому вождь благосклонно отнесся к эмоциональному протесту Шолохова против всевластия и произвола секретной полиции. 17 ноября 1938 года появилось специальное постановление Совнаркома и ЦК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое читалось как прямой ответ на жалобы Шолохова: «Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 годах, при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры...»

Сталин теперь предназначал Ежову роль козла отпущения. 21 ноября 1938 года жена Ежова приняла смертельную дозу снотворного, а через два дня он подал Сталину заявление об отставке с поста руководителя НКВД. Когда через четыре с половиной месяца «кровавого карлика» арестовали, то, кроме обвинений в «изменнических, шпионских связях» с Польшей, Германией, Англией и Японией, ему вменили в вину также отравление своей жены: следователи слепили теорию, по которой Ежов, Хаютина и ее любовник Бабель планировали покушение на Сталина, и, устраняя жену, Ежов якобы заметал следы.

Расстреляли Ежова 4 февраля 1940 года, на восемь дней позднее, чем любовника его жены Бабеля и на два дня позднее, чем ее другого любовника – Михаила Кольцова. А третьего ее любовника, Шолохова, ждала другая судьба: через год с небольшим он получил Сталинскую премию – теперь мы понимаем, что не только как писатель (фактически сразу за два своих романа), но и как общественный деятель в традиционной для русской культуры роли «народного заступника» (не зря вождь некогда объявил ему:

«Ваши письма – не беллетристика, а сплошная политика») и даже как колоритная личность.

Если Шолохов в своих отношениях с вождем – и писательских, и общественных, и личных – ходил по острию ножа, то в еще большей степени, пожалуй, это можно сказать о другом сталинском лауреате, кинорежиссере Сергее Эйзенштейне, награжденном за свой знаменитый фильм 1938 года «Александр Невский».

Эйзенштейн был невысоким, округлым (некоторым он казался бескостным) человеком на коротких ножках с торчащими дыбом жидкими волосами над высокой залысиной и вечной иронической усмешкой на губах. С первого взгляда этот знаменитый киноноватор производил даже уютное впечатление, но оно было обманчивым: душу сексуально амбивалентного Эйзенштейна с юных лет раздирали противоречивые импульсы, наружу вырывавшиеся в повышенном интересе к садизму, пыткам и жестокостям разного рода, а также в «ненормальной» (по словам его друга кинорежиссера Михаила Ромма) склонности «рисовать похабные картинки при дамах». При этом сердечник Эйзенштейн вел исключительно умеренный и упорядоченный образ жизни, не пил и не курил; единственной его всем известной слабостью была детская любовь к сладостям.

«Александр Невский» оказался самым формальным, отстраненным и нетипичным из всех шести законченных Эйзенштейном фильмов. И по эмоции, и по образности это – холодный фильм. Так получилось, что работу эту, которую Эйзенштейн выполнял по личному заказу Сталина, надо было закончить как можно быстрее, поэтому центральную сцену схватки русского князя XIII века Александра Невского с агрессорами – тевтонскими рыцарями на льду замерзшего Чудского озера – режиссер снимал летом, на Мосфильме, где асфальт покрыли густым слоем жидкого стекла, а сверху накрошили мел, чтобы создать иллюзию зимнего пейзажа.

В этом условном пространстве Эйзенштейн разыграл свой фильм как блестящую шахматную партию с заданным Сталиным концом, когда Александр Невский произносит: «А если кто с мечом к нам войдет, тот от меча и погибнет, на том стояла и стоять будет русская земля». (Эйзенштейн планировал завершить фильм смертью Александра Невского на обратном пути из Орды, но Сталин этому воспротивился: «Не может умирать такой хороший князь».)

Ради пропаганды этого заключительного слогана фильм, собственно, и затевался, но по иронии судьбы, когда в 1939 году Сталин заключил с Гитлером пакт о ненападении и нацисты стали «заклятыми друзьями», это привело к исчезновению «Александра Невского» с киноэкранов. Поэтому столь многозначительным оказался факт награждения не только Эйзенштейна, но и Николая Черкасова, исполнителя роли Александра Невского (а также еще двух человек из съемочной группы) за эту кинокартину в марте 1941 года, когда договор с Гитлером формально все еще был в силе.

Примечательно, что, показывая «Александра Невского» приватно в середине июня, за неделю до нападения немцев на Советский Союз, гостившим в Москве американцам – писателю Эрскину Колдуэллу и его жене, журналистке Маргарет Берке-Уайт, – Эйзенштейн уверенно предсказал, что весьма скоро фильм опять появится в широком прокате.

Политическая интуиция режиссера оказалась на высоте. Но она, очевидным образом, покинула Сталина, для которого неотевтонская атака, столь ярко предсказанная на экране

Эйзенштейном, стала, очевидно, полным сюрпризом в реальности. Последствия этого политического и военного просчета Сталина были катастрофичными: обрушившаяся 22 июня 1941 года на Советский Союз как лавина гитлеровская армия к началу октября подошла к Москве.

Вместе со всей страной работники «культурного фронта» были мобилизованы на борьбу с врагом, ударной работой доказывая свою необходимость Отечеству. Повсюду в эти дни звучал патриотический хор Сергея Прокофьева, написанный им для эйзенштейновского «Александра Невского»: «Вставайте, люди русские, на славный бой, на смертный бой!». Хор этот самому автору очень нравился, и справедливо. Но Сталин тогда, в 1941 году, не отметил эту работу Прокофьева премией. В тот момент (да и сейчас) это выглядело как намеренное унижение или наказание за что-то, особенно если учесть, что главный соперник Прокофьева, Дмитрий Шостакович (он был моложе Прокофьева на 15 лет), не только получил Сталинскую премию за свой сочиненный в 1940 году Фортепианный квинтет, но и был при этом специально выделен: именно его фотографией, явно не по алфавиту, открывался ряд портретов шести «главных» лауреатов, вынесенных на первую страницу «Правды».

В истории с награждением Шостаковича вообще много загадок.

Вспомним, что в 1936 году молодой композитор и его опера «Леди Макбет Мценского уезда» стали одним из главных козлов отпущения в затеянной Сталиным «антиформалистической» кампании, в своей эстетической части как раз и направленной на определение параметров социалистического реализма. Творчество Шостаковича тогда было публично выведено Сталиным за пределы соцреализма. Но в конце 1937 года композитора реабилитировали за его Пятую симфонию, которая в официозной печати была определена как «деловой творческий ответ советского художника на справедливую критику». (О том, что эта характеристика Пятой симфонии принадлежит, скорее всего, самому вождю, я писал в своей книге «Шостакович и Сталин».)

Пятую можно определить как симфонию-роман (а «Александр Невский» – как фильм-оперу). Напрашивается сравнение Пятой с «Тихим Доном». Оба произведения глубоко амбивалентны и в разное время воспринимались то как советские, то как антисоветские. Но природа симфонической музыки такова, что допускает заведомо большую вариантность толкований. Опус Шостаковича – это чудесный сосуд: каждый слушатель в своем воображении заполняет его так, как ему угодно. Поэтому Пятая симфония для многих, вероятно, навсегда останется величайшим эмоциональным отражением Большого Террора, в то время как «Тихий Дон», наряду с «Доктором Живаго» Пастернака, будет претендовать на роль наиболее захватывающей картины драматических сдвигов в России периода Первой мировой и Гражданской войн.

Парадокс, однако, состоит в том, что, наградив Шолохова именно за «Тихий Дон», у Шостаковича Сталин выделил отнюдь не одобренную им Пятую симфонию, а Фортепианный квинтет, решительно не вписывавшийся даже в тот достаточно широкий спектр соцреалистических произведений (от «Тихого Дона» до «Александра Невского», с творениями Мухиной и Герасимова посередине), которые вождь определил как «образцовые».

Ведь симфонии, хоть и уступая в официальной жанровой иерархии столь любимым Сталиным операм – и не принадлежа к поощряемой им категории программной музыки, все же являлись эпическими произведениями, которым вождь как любитель русской классики традиционно отдавал предпочтение. А тут – изысканная камерная композиция в неоклассическом стиле, с явной оглядкой на западные традиции, о чем Сталина, как мы теперь знаем, не преминули известить в своих доносах «друзья» Шостаковича из числа руководящих советских музыкальных бюрократов.

В литературе аналогом Фортепианному квинтету Шостаковича могло бы быть какое-нибудь из поздних стихотворений Ходасевича или рассказ Набокова, в живописи – натюр-морт Роберта Фалька. Ничего в этом роде нельзя даже вообразить себе пропагандируемым на первой странице «Правды» – ни тогда, ни позднее.

Что же так привлекло Сталина в этой музыке Шостаковича? Ее политическая и «гражданская» ценность в тот момент должна была представляться вождю равной нулю. Неужели Сталин был прельщен ее благородством, необахианской сдержанностью, спиритуальной глубиной и мастерством отделки? Вряд ли возможно в данный момент дать однозначный ответ на этот вопрос.

Источник: Чайка. № 17–19 (76–78), сентябрь 2006

Раздел 2 1941–1945 «Щербаковщина»

От составителей

Война отодвинула на дальний план все остальные заботы советских людей, не связанные с этой великой бедой. Деятели культуры не были исключением. Многие из них ушли прямо на фронт в ранге простых солдат (среди погибших в первые же месяцы такие известные имена, как А. Гайдар, П. Коган). Другие стали военными корреспондентами или фронтовыми кинооператорами. Артисты театра, кино и эстрады создавали фронтовые концертные бригады. Но основная масса писателей, художников, деятелей кино и театра покидала столичные города в другом направлении – на восток и на юг – в эвакуацию (таково было распоряжение правительства), чтобы заняться своими прямыми профессиональными делами уже не ради премий и наград, а в соответствии с общим для всего народа девизом: «Все для фронта, все для победы».

Пока дела на фронтах шли катастрофически плохо, ни о каких премиях никто, разумеется, не вспоминал. Но уже сразу после первых успехов (начала контрнаступления под Москвой 4–5 декабря 1941 года) 12 декабря в газете «Правда» появляется сообщение, что Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства начал свою работу по отбору кандидатов на Сталинские премии за произведения, законченные в 1941 году, а также в период с 15 октября 1940 года по 1 января 1941 года. Адрес Комитета – г. Куйбышев областной, ул. Куйбышева, д. 133. Принимая во внимание обстановку, вопросы решались весьма оперативно. 11 января Совнарком определяет количество (оно сокращено – не более двух в каждой номинации) и размеры премий (они не уменьшены – 100.000 рублей – первая степень, 50.000 – вторая). А 11 апреля были названы и лауреаты. Их оказалось почти в два раза меньше, чем в предыдущем году – 85, а самих премий – 36; по некоторым разделам премиальные квоты были заполнены не полностью – суровость военного времени все-таки сказалась на возможностях полноценного отбора, просмотра и обсуждения произведений. Среди отмеченных – произведения как мирного, так и уже военного периода (Седьмая симфония Шостаковича – вторая по счету премия), политические плакаты и карикатуры Кукрыниксов, поэма Н. Тихонова «Киров с нами» и др.). Наряду с Шостаковичем двукратными лауреатами стали еще одиннадцать человек.

Исполнение Седьмой симфонии стало крупнейшим событием не только культурного, но и политического значения. Вопрос о присуждении композитору премии был решен еще до официальной премьеры 5 марта 1942 г. (члены Комитета по премиям прослушали симфонию на репетициях оркестра Большого театра, который тоже был эвакуирован в Куйбышев, а в феврале в «Правде» о ней появилась восторженная статья А. Н. Толстого). После этого началось триумфальное шествие симфонии не только по стране (премьеры в Москве, осажденном Ленинграде, Новосибирске и др.), но и по всему миру (Лондон, Нью-Йорк) – все это в течение одного лишь 1942 года.

Особого упоминания заслуживает также история с созданием документального фильма «Разгром немецких войск под Москвой», о котором в этом разделе приведены отдельные материалы – воспоминания участников событий; лента удостоилась наград не только в СССР, но и за океаном (а потом была прочно положена «на полку»). Строго говоря, фильм был закончен уже в 1942 году, и «по правилам» должен был бы награждаться

только на следующий год, но в данном случае пренебрежение формальностями вполне объяснимо.

Следующий «всплеск премиальной активности» – появление в газете «Правда» 19 ноября 1942 года сообщения о том, что Комитет по Сталинским премиям (аппарат которого уже вернулся в Москву) начинает прием работ, созданных в 1942 году, а также за период с сентября по декабрь 1941 года. Эта дата день в день совпадает с началом контрнаступления советских войск под Сталинградом. Постановление СНК СССР датировано 19 марта 1943 г. 68 премий, 92 лауреата, из них 32 – за многолетние выдающиеся заслуги в своей области искусства. В числе последних – вполне старорежимный и никогда не отличавшийся особой лояльностью к новой власти писатель В. В. Вересаев (интересно, что в 1918 году он был последним лауреатом очень престижной дореволюционной литературной Пушкинской премии). Премии же за конкретные произведения совершенно отчетливо учитывают их патриотическую и героическую направленность, причем не обязательно связанную с событиями идущей войны – таких, конечно, большинство, но также и опера М. В. Ковалев «Емельян Пугачев», фильм режиссера М. Э. Чиатурели «Георгий Саакадзе (1-я серия), спектакль по пьесе А. К. Гладкова «Давным-давно» (режиссер А. Д. Попов). Появляются и первый трехкратные лауреаты, это кинорежиссер И. А. Пырьев и драматург А. Е. Корнейчук.

Денежные размеры премий не изменились, и хотя в военное время деньги значили не столь много, как в мирные дни, такие суммы могли существенно облегчить жизнь их обладателей. Между тем, уже с 22 марта «Правда» начинает публиковать тексты телеграмм новоявленных лауреатов на имя И. В. Сталина с просьбами перечислить причитающиеся им премии в фонд обороны (иногда на конкретные виды вооружений).

Считается, что почин этот возник после выступления И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1942 г. Первыми были колхозники Тамбовской области, собравшие 40 млн. руб. на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник» (см. публикацию в «Правде» 09.12.42 г.). 15 декабря 1942 г. колхозник Ф. П. Голватый принес в Саратовский обком ВКП(б) 100.000 рублей на постройку самолета. После этого движение приняло массовый характер. Деньги сдавали все – от пионеров (4-классница Белла Ваксман внесла 206 руб. из копилки на танковую колонну «Пионер»), до священнослужителей. Таким образом, свою лепту внесли и работники искусств (37 человек из 95 награжденных за 1942 год внесли свыше двух миллионов рублей). Впрочем, можно с уверенностью утверждать, что этим список лауреатов-жертвователей не исчерпывается – сообщения о каких-то перечислениях, не попадающих «под кампанию», могли в «Правде» и не публиковаться (известно [40], например, что уже на третий день войны – 24 июня 1941 года, – выступая на проводах мобилизованных в Красную Армию казаков, М. А. Шолохов сообщил о своей телеграмме на имя маршала Советского Союза тов. Тимошенко следующего содержания: «Дорогой товарищ Тимошенко! Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию первой степени. По Вашему зову в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину... Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов»). То есть перечисляли и до выступления Сталина.

Сколь существенными для нужд фронта были эти суммы? Сошлемся опять же на сведения Ю. Мухина [53]:

«Бомбардировщик „Пе-2“ в 1941 г. стоил 420 тыс. рублей, к 1945 г. он стоил уже 265 тыс. Начатый производством в 1937 г. и, следовательно, хорошо отработанный бомбардировщик „Ил-4“ в 1941 г. стоил 800 тыс. рублей, а к 1945 г. – 380 тыс. Танк „Т-34“ к 1941 г. стоил 269,5 тыс. рублей, а к 1945 г. гораздо более сложный и трудоемкий „Т-34-85“ стоил всего 142 тысячи. Гаубица „М-30“, принятая на вооружение в 1938 г., в 1941 г. стоила 94 тыс. рублей, а в 1945 г. – 35 тыс. Пистолет-пулемет „ППШ“ в 1941 г. стоил 500 рублей, а в 1944-г.

уже 148 рублей. Даже отработанная донельзя винтовка Мосина, стоившая и в 1941 г. всего 163 рубля, к 1943 г. стала стоить 100 рублей».

Малоизвестным, но любопытным событием 1943 года является появление в «Правде» 8 сентября Указа Президиума Верховного Совета СССР об учреждении Почетного Знака Лауреата Сталинской премии. Он должен был иметь одинаковый вид для лауреатов I, II и III степеней (хотя о III степени еще никакой речи не было), изготавливаться из серебра и на аверсе иметь отнюдь не изображение вождя, а лишь надпись золотом «Лауреат Сталинской премии» (без указания степени). Реверс знака вообще не был описан. Но указ этот не был реализован, ни одного экземпляра знака не было вручено (сколько было изготовлено – неизвестно), и через два года вышел другой указ, учредивший новый знак широко впоследствии известного вида. Тогда же состоялись и первые награждения.

Весьма примечательна история с созданием Гимна Советского Союза в последние месяцы 1943 года, формально, казалось бы, не имеющая прямого отношения к теме Сталинских премий. Связь, однако, прослеживается вполне определенная. До этого времени официального государственного гимна в Советском Союзе не было. На торжественных мероприятиях в качестве такового исполнялся «Интернационал». Зато уже существовал «Гимн партии большевиков», сочиненный композитором А. В. Александровым в 1939 году при непосредственном, как говорят, участии самого вождя и удостоенный, естественно, Сталинской премии. Как-то так получилось, что среди мелодий, представленных на конкурс композиторами, Сталину наиболее отвечающей замыслу показалась именно эта, а из стихов наилучшим образом по размеру и ритму этой музыке соответствовал текст, сочиненный совместно двукратным лауреатом С. В. Михалковым и журналистом Эль-Регистаном. Окончательная доработка текста происходила опять же под жестким контролем вождя, и 1 января 1944 года новый Гимн впервые прозвучал на всех радиостанциях страны. На Сталинскую премию его создатели не выдвигались. Любопытные подробности этой истории можно прочитать в этом разделе в материалах П. Рейфмана (автор ссылается, в свою очередь, как на источники, на книги Е. Громова и С. Волкова), а также А. Щуплова («Независимая газета». Ex Libris. 24.02.2000).

Между тем присуждение Сталинских премий в 1943 году за произведения, созданные в 1942#м, стало последним, произведенным в военные годы. И дело здесь не только в чрезвычайной занятости первых лиц партии и государства делами фронта и тыла (это, бесспорно, имело место), но и в том, что резко возросла активность боев на другом фронте – идеологическом.

Война, безусловно, наложила свой отпечаток на взаимоотношения интеллигенции и власти. Контроль за идеологической выдержанностью произведений в соцреалистическом духе поначалу ослаб (просто было не до него), но не полностью и не надолго. С переломом в ходе военных действий после Сталинграда и Курска начался и возврат к прежним строгостям.

В упоминавшихся лекциях П. Рейфмана приводится впечатляющий хронологический перечень документов, рожденных в идеологических инстанциях разных уровней как общекритического характера, так и адресованных конкретным «провинившимся» лицам и организациям:

3 апреля 1943 г. в газете «Литература и искусство» помещена редакционная статья «За великую литературу великого народа» – как бы введение в последующую литературную политику, но конкретных репрессий, партийных решений пока не последовало.

10 апреля 1943 г. редакционная статья в газете «Литература и искусство», с резкой критикой Московской консерватории: недооценка русской музыки, преувеличение влияния на нее Запада.

17 апреля в той же газете наносится удар по художественной критике: она осуждается за односторонность, пассивность, безыдейность.

24 апреля – там же статья, громящая спектакль МХАТа «Последние дни» Булгакова (о смерти Пушкина); осуждение фильмов «Актриса», «Лермонтов» и др., не очень удачных, но критикуемых не за это, а за идеологические недостатки.

Июль 1943 г. Спецсообщение Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов» (см. полный текст документа в этом разделе).

2 декабря 1943 г. письмо-докладная Г. Ф. Александрова (начальник УПА), А. А. Пузина (его заместитель), А. М. Еголина, (зав. отделом художественной литературы) Маленкову и Щербакову о грубых политических ошибках в журналах «Знамя», «Октябрь», «Новый мир» и др. «Президиум Союза Советских Писателей, органами которого являются литературно-художественные журналы, совершенно не руководит их работой... Несмотря на неоднократные указания ЦК ВКП(б) о необходимости коренного улучшения литературной критики, со стороны Президиума и лично тов. Фадеева не были приняты меры к повышению роли и значения литературной критики. Литературно-критические выступления тов. Фадеева на совещаниях писателей малосодержательны, абстрактны и нередко ошибочны» Управление пропаганды считает необходимым принять специальное решение ЦК... о литературно-художественных журналах.

Там же конкретно о Зощенко: «В журнале „Октябрь“ (№ 6–7 и № 8–9 за 1943 г.) опубликована пошлая, антихудожественная и политически вредная повесть Зощенко “Перед восходом солнца”. Повесть Зощенко чужда чувствам и мыслям нашего народа... Зощенко рисует чрезвычайно извращенную картину жизни нашего народа... Вся повесть Зощенко является клеветой на наш народ, опошлением его чувств и его жизни».

22 декабря 1943 г. постановление «О журнале „Октябрь“ за 1943 г.: о крупных провалах и недостатках».

31 января 1944 г. – решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко „Украина в огне“».

6 февраля 1944 г. расширенный пленум ССП освободил А. А. Фадеева и избрал нового председателя ССП, Н. С. Тихонова)

25 марта 1944 г. в газете «Литература и искусство» – статья лауреата Сталинской премии С. Бородина «Вредная сказка», о пьесе Шварца «Дракон». Сказку запретили.

31 марта 1944 г. проводится совещание работников (УПА) у Щербакова с докладом Еголина, в котором говорилось о подготовке решений о перестройке ряда журналов, каждого в отдельности, так как работают они плохо. Планируемая перестройка должна улучшить партийное «руководство художественной литературой».

4 апреля 1944 г. Еголин и Иовчук сообщают Щербакову о статьях Ю. Юзовского «Критический дневник», Е. Усиевич «Непокоренные» и Л. Озерова «Об украинской поэзии военных лет», в которых пропагандировались «неправильные взгляды».

21 апреля 1944 г. состоялся пленум СП с отчетом редакции журнала «Знамя» за 1943 г. Причина обсуждения – информация, поступившая Маленкову и Жданову о «серьезных ошибках» журнала «Знамя».

7 августа 1944 г. Александров вновь сообщает Маленкову о журнале «Знамя», о серьезных в нем недостатках.

23 августа 1944 г. Оргбюро ЦК выносится негласное постановление об этом журнале... утверждён новый редактор (В. Вишневский) и новая редколлегия.

5 мая 1944 г. Александров и Федосеев подают Щербакову записку-информацию «О контроле за выходящей литературой» – как бы итог их деятельности за 1943 – отчасти 1942 гг. За 1943 г. исключено из планов центральных издательств 432 книги и брошюры

(«недоброкачественные и даже вредные книги», в том числе «вредная» книга М. Шаги-нян «Уральский город», в которой «клеветнически изображался советский Урал»). При просмотре материала, идущего в печать, задержано в 1942 г. 283 книги и брошюры и 163 плаката и лубка, в 1943 г. – 142 книги и брошюры и 215 плакатов и лубков.

Не обходится дело без КГБ. 31 октября 1944 г. записка наркома ГБ В. Меркулова Жданову о политически вредных, враждебных настроениях Асеева, Зощенко, Сельвинского, Федина, Довженко (*см. сокращенный текст документа в этом разделе*).

Особого внимания идеологов по части количества и жесткости разносов удостоиваются М. М. Зощенко и А. П. Довженко. Но если Зощенко власти упорно преследовали и до, и после войны (что, кстати, почти не влияло на его чрезвычайную популярность среди читателей и на серьезный авторитет в кругу собратьев по перу), то Довженко ранее числился в сталинских любимцах, получал и премии, и звания, причины его попадания в немилость, в общем-то, до конца не ясны.

Кульминацией всего этого «шабаша» в 1944 году явилось решение Сталина очередного присуждения премий не проводить (а списки за 1943 год были уже подготовлены). «Распустившейся» творческой интеллигенции предстояло новыми трудами доказать свою преданность партии и вождю и верность идеалам социалистического реализма.

К весне 1945 года ситуация существенно не изменилась, но близость победы, видимо, оказала влияние на учредителя премии, и, сменив гнев на милость, он распорядился готовить объединенный список кандидатов за 1943–1944 годы. Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства возобновил свою работу (*см. фрагменты из стенограмм заседаний Комитета в марте – апреле 1945 г.*).

Впрочем, всех тех «неблагонадежных» или «допустивших серьезные ошибки», чьи имена упоминаются в вышеперечисленных документах, прорабатывали, снимали с должностей, запрещали к печати, но все же не сажали и не расстреливали. Это не значит, что в годы войны арестов и расстрелов в художественной среде вообще не было. Планомерная работа органов НКВД (позднее НКГБ) по выявлению и искоренению инакомыслия продолжалась, хотя и не в тех масштабах, что в 1937–1939 гг. Хотя истинные причины того или иного ареста могли быть самыми разными. Наиболее характерным примером тому и самым известным лауреатом-сидельцем является, безусловно, Алексей Каплер – лауреат Сталинской премии (из числа первых) за сценарий культовой кинодилогии тех лет о Ленине («Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году»), красавец, бонвиван, весельчак, любимец женщин, которым он часто отвечал взаимностью. Одно из таких взаимных увлечений и повернуло наихудшим образом его судьбу, поскольку героиней романа оказалась шестнадцатилетняя любимая дочь вождя Светлана Аллилуева. Каплер не внял ни дружеским советам, ни прямым указаниям оставить в покое юную советскую «принцессу» и испытал в последующие десять лет все «прелести» лагерного быта. Подробности этой истории мы предлагаем читателям во фрагментах из воспоминаний самой Светланы Сталиной и из очерка Б. Сопельяка (*сетевой журнал «Хранитель»*, <http://www.psj.ru>).

Менее известен эпизод с поэтом В. И. Лебедевым-Кумачом, автором слов к популярнейшим песням из к/ф «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Дети капитана Гранта» и др., а также к таким сверхпатриотичным, как «Песня о Родине» («Широка страна моя родная»), «Москва майская» и тот самый «Гимн партии большевиков». Случилось это 16 октября 1941 года, в день, когда было объявлено об эвакуации из Москвы партийных и правительственных учреждений. Немецкие войска стояли в районе Химок, в городе царила обстановка, близкая к панике. Эвакуация членов творческих союзов с семьями была организована плохо, уважаемые и воспитанные люди – писатели, артисты, поэты, музыканты – штурмовали вагоны, не всегда при этом успешно. Одним из неудачников и оказался знаменитый поэт-песенник, лауреат Сталинской премии, всего лишь три месяца назад написавший

строки «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» – самой патриотической песни в истории страны, где ни разу не упоминаются ни вождь, ни партия. От обиды за себя и за державу Лебедев-Кумач пришел в состояние аффекта, сорвал с себя один из орденов и, швырнув его в сторону портрета Верховного Главнокомандующего, сопроводил этот жест бранными словами, примерно такими: «Что ж ты, сволочь усатая, Москву сдаешь?» (об этом недавно рассказала в телевизионной передаче внучка поэта). Находившаяся рядом жена отчасти спасла ситуацию, закричав: «Это поэт Лебедев-Кумач! Он сошел с ума!». Очевидно, подхватившие Василия Ивановича чекисты решили сделать вид, что поверили в сумасшествие, во всяком случае, поэт несколько месяцев провел в психиатрической спецбольнице (ведомства НКВД) в Казани. После этого ему разрешили вновь стать военным журналистом в печатных изданиях Военно-Морского флота. Но песен той же степени популярности, какими он прославился до злополучного инцидента, он уже больше не писал.

Следует упомянуть и необычную историю (с благополучным, впрочем, концом), произошедшую с драматургом Николаем Эрдманом – сценаристом фильмов «Веселые ребята» (в соавторстве с Владимиром Массом) и любимого Сталиным «Волга-Волга» (в соавторстве с Михаилом Вольпиным). Ссылку он успел отбыть еще до войны (а Сталинскую премию получит после нее), но как неблагонадежные (Эрдман еще и немец по национальности), они с Вольпиным были мобилизованы не в действующую, а в трудовую армию. О дальнейших (и частично, предшествующих) перипетиях мытарств сценаристов можно прочитать в очерке И. Кузнецова «Как имажинист Эрдман чуть в Саратове не погиб» в газете «Саратовские Вести» от 13.01.2001.

«Мелкую» же писательско-артистическую и прочую художественную «сошку» арестовывали и сажали без всякого ограничения (хотя и не столь масштабно, как в 1937–1938 гг.). Так, уже на следующий день после начала войны был арестован писатель Л. Шеповалов (псевдоним – Лев Овалов – будущий автор знаменитого «Майора Пронина»). Характерным примером может служить история создания Воркутинского музыкально-драматического лагерного театра. Его основателем считается отбывавший там трехлетний срок известный московский артист и режиссер Борис Аркадьевич Мордвинов (не путать с лауреатами Сталинской премии артистом Николаем Дмитриевичем Мордвиновым и архитектором Аркадием Григорьевичем Мордвиновым). Посадили его, по слухам, за не слишком лестный комментарий по поводу знаменитой оценки И. В. Сталиным поэмы М. Горького «Девушка и смерть» («штучка посильней, чем „Фауст“ Гете»). По отбытии срока из Воркуты, естественно, не отпустили. Когда Борис Аркадьевич задумал создать в зоне театр, то оказалось, что среди контингента заключенных есть все театральные специальности – от режиссеров и актеров (и драматического, и музыкального театра) до костюмеров, декораторов и осветителей. Подробности читатель найдет во фрагментах из очерка А. Клейна и А. Попова «Заполярная драма» в этом разделе книги.

Великая Отечественная война была особым временем в жизни страны. Для художественного творчества условия были, конечно, более сложные, чем в мирное время, но зато военные события давали настоящим художникам сильнейшие дополнительные творческие эмоциональные стимулы. В этот период, помимо уже упомянутых, были созданы такие замечательные произведения, как камерные сочинения Д. Шостаковича, С. Прокофьева, Н. Мясковского, кинофильмы «Иван Грозный» С. Эйзенштейна, «Человек № 217» М. Ромма, «Радуга» М. Донского, «Два бойца» Л. Лукова со знаменитыми песнями Н. Богословского (впрочем, не награжденного), «Нашествие» А. Роома, «Она защищает Родину» Ф. Эрмлера (автором сценария, называвшегося первоначально «Партизаны», был А. Каплер, и Эрмлеру пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы сохранить фильм в производстве, заменив и название, и фамилии сценаристов в титрах), документальные фильмы «Сталинград» и «Ленинград в борьбе», кинохроника с передовой, романы «Хождение по мукам»

А. Толстого, «Емельян Пугачев» В. Шишкова, «Порт-Артур» А. Степанова, «Молодая гвардия» (1#я редакция), повести «Два капитана» В. Каверина и «Сын полка» В. Катаева, поэма А. Твардовского «Василий Теркин» – это только из числа «удостоенных». Множеству других популярных стихов, песен, концертных номеров фронтовых бригад, радиоспектаклей давал оценку народ на фронте и в тылу. Музы не молчали...

Документы и факты

В Совнаркоме СССР «О Сталинских премиях за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства за 1941 г.»

"Правда" 16.12.1941 г. ТАСС/

В КОМИТЕТАХ ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ

Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства и Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства начали свою работу по отбору кандидатов на Сталинские премии 1941 года.

В текущем году Сталинские премии будут присуждаться за выдающиеся научные работы и изобретения и выдающиеся произведения в области литературы и искусства, законченные

в 1941 году, а также в период с 15 октября 1940 года по 1 января 1941 года.

Предложения о кандидатах на Сталинские премии представляются соответственно в Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства или в Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства по адресу г. Куйбышев областной, ул. Куйбышева д. 133.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил:

1. Во изменение постановления СНК СССР от 20 декабря 1939 года установить для 1941 года следующее количество Сталинских премий:

а) за выдающиеся работы в области науки по две премии первой степени в размере 200 тысяч рублей и по две премии второй степени в размере 100 тысяч рублей по каждой из следующих областей наук:

1. физико-математических наук,
2. технических наук,
3. химических наук,
4. геолого-географических наук,
5. биологических наук,
6. сельскохозяйственных наук,
7. медицинских наук,
8. экономических наук (включая статистику),
9. военных наук,
10. историко-филологических наук,
11. философских наук,
12. юридических наук;

б) за выдающиеся работы в области искусства по две премии первой степени в размере 100 тысяч рублей и по две премии второй степени, в размере 50 тысяч рублей по каждому из следующих видов искусства:

1. музыке,

2. живописи,
3. скульптуре,
4. архитектуре,
5. театрално-драматическому искусству,
6. оперному искусству,
7. балетному искусства,
8. художественной кинематографии,
9. хроникально-документальной кинематографии;

в) за выдающиеся произведения в области литературы по две премии первой степени в размере 100 тысяч рублей и по две премии второй степени в размере 50 тысяч рублей по каждому из следующих видов литературы:

1. поэзии,
2. прозе,
3. драматургии,
4. литературной критике;

г) за выдающиеся изобретения (в том числе военные):

десять премий первой степени в размере 100 тысяч рублей

каждая, двадцать премий второй степени в размере 50 тысяч рублей каждая, тридцать премий третьей степени в размере 25 тысяч рублей каждая.

2. При обсуждении Сталинских премий за 1941 год давать преимущество работам и изобретениям, связанным с делом обороны страны.

«Правда», 12.01.1942

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1941 год»

Во исполнение Постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 20 декабря 1939 года и 11 января 1942 года о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1941 год, Совет Народных Комиссаров СССР постановляет:

Присудить Сталинские премии за выдающиеся работы 1941 года в области:

А. МУЗЫКИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. АЛЕКСАНДРОВУ Александру Васильевичу, народному артисту СССР, профессору Московской Государственной Консерватории им. П. И. Чайковского, – за «Гимн партии большевиков» и за красноармейские песни.

2. ШОСТАКОВИЧУ Дмитрию Дмитриевичу, профессору Ленинградского ордена Ленина Государственной Консерватории – за 7-ю симфонию.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ЗАХАРОВУ Владимиру Григорьевичу, заслуженному артисту РСФСР, – за музыку общеизвестных песен – «И кто его знает», «Дороженька», «Два сокола» и другие.

2. МШВЕЛИДЗЕ Шалва Михайловичу, заслуженному деятелю искусства Грузинской ССР – за симфоническую поэму «Звиадаури».

Б. ЖИВОПИСИ

Премия ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. Кукрыниксы (КУПРИЯНОВУ Михаилу Васильевичу, КРЫЛОВУ Порфирию Никитичу, СОКОЛОВУ Николаю Александровичу) – за политические плакаты и карикатуры.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ДЖАПАРИДЗЕ Уча Малакиевичу – за картину «Первомайская демонстрация в Тбилиси в 1901 году».

2. СОКОЛОВУ-СКАЛЯ Павлу Петровичу, САВИЦКОМУ Георгию Константиновичу, ЧЕРЕМНЫХ Михаилу Михайловичу, ШУХМИНУ Петру Митрофановичу, РАДЛОВУ Николаю Эрнестовичу – за политические плакаты и карикатуры.

В. СКУЛЬПТУРЫ

Премия ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей 1. САБСАЙ Пинхосу Владимировичу – за памятник С. М. Кирову, сооруженный в г. Баку.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ЛИШЕВУ Всеволоду Всеволодовичу – за скульптурную фигуру Н. Г. Чернышевского.

2. МЕНДЕЛЕВИЧУ Исааку Абрамовичу – за памятник В. П. Чкалову, сооруженный в г. Горьком.

Г. АРХИТЕКТУРЫ

Премия ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей 1. ТАМАНЯН Александру Ивановичу – за архитектурный проект дома Правительства Армянской ССР, сооруженного в г. Ереване.

Д. ТЕАТРАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО Владимиру Ивановичу, народному артисту СССР, ХМЕЛЕВУ Николаю Павловичу, народному артисту СССР, ЛИВАНОВУ Борису Николаевичу, народному артисту РСФСР, ГРИБОВУ Алексею Николаевичу, заслуженному артисту РСФСР, – за спектакль «Кремлевские куранты» в Московском орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Художественном Академическом театре им. Горького.

2. СУДАКОВУ Илье Яковлевичу, народному артисту РСФСР, СВЕТЛОВИДОВУ Николаю Афанасьевичу, народному артисту РСФСР, ЗРАЖЕВСКОМУ Александру Ивановичу, заслуженному артисту РСФСР, ИЛЬИНСКОМУ Игорю Владимировичу – за спектакль «В степях Украины» в Государственном ордена Ленина Академическом Малом театре.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ВАСАДЗЕ Акакию Алексеевичу, народному артисту СССР – за исполнение роли Киквидзе в спектакле «Киквидзе» в Тбилисском Драматическом театре им. Руставели.

2. МАРЕЦКОЙ Вере Петровне, заслуженной артистке РСФСР – за исполнение роли Надежды Дуровой в спектакле «Надежда Дурова» в Московском театре им. Моссовета.

Е. ОПЕРНОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. МЕЛИК-ПАШАЕВУ Александру Шамилиевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, МИХАЙЛОВУ Максиму Дормидонтовичу, народному артисту СССР, БОЛЬШАКОВУ Григорию Филипповичу, НОРЦОВУ Пантелеймону Марковичу, заслуженному артисту РСФСР, АНТОНОВОЙ Елизавете Ивановне – за спектакль «Черевички» П. И. Чайковского в Государственном ордена Ленина Академическом Большом театре Союза ССР.

2. ПАЗОВСКОМУ Арию Моисеевичу, народному артисту СССР, НЕЛЕПП Георгию Михайловичу, заслуженному артисту РСФСР, ФРЕЙДКОВУ Борису Матвеевичу, заслуженному артисту РСФСР, КАШЕВАРОВОЙ Ольге Афанасьевне – за спектакль «Чародейка» П. И. Чайковского в Ленинградском ордена Ленина театре Оперы и Балета им. Кирова.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. НАСЫРОВОЙ Халиме, народной артистке СССР – за исполнение роли Лейли в спектакле «Лейли и Меджнун» в Узбекском ордена Ленина театре Оперы и Балета.

2. ПАТОРЖИНСКОМУ Ивану Сергеевичу, народному артисту УССР – за исполнение роли Тараса Бульбы в спектакле «Тарас Бульба» в Киевском ордена Ленина театре Оперы и Балета им. Шевченко.

Ж. БАЛЕТНОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. МОИСЕЕВУ Игорю Александровичу, художественному руководителю Государственного ансамбля народного танца – за выдающуюся работу в области народного танца.

З. ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. САВЧЕНКО Игорю Андреевичу, режиссеру, МОРДВИНОВУ Николаю Дмитриевичу, заслуженному артисту РСФСР, ЭКЕЛЬЧИКУ Юрию Израилевичу, оператору – за кинокартину «Богдан Хмельницкий».

2. ВАСИЛЬЕВУ Сергею Дмитриевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ВАСИЛЬЕВУ Георгию Николаевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ГЕЛОВАНИ Михаилу Георгиевичу, артисту, БОГОЛЮБОВУ Николаю Ивановичу, артисту, ЖАРОВУ Михаилу Ивановичу, заслуженному артисту РСФСР, СИГАЕВУ Алексею Ивановичу, оператору – за кинокартину «Оборона Царицына» (первая серия).

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ЭЙСМОНТУ Виктору Владимировичу, режиссеру, МИХАЛКОВУ Сергею Владимировичу, сценаристу, РОЗЕНБЕРГУ Михаилу Яковлевичу, сценаристу, ФЕДОРОВОЙ Зое Алексеевне, артистке, РАППОПОРТУ Вульфусу Абрамовичу, оператору, – за кинокартину «Фронтовые подруги».

2. ПЫРЬЕВУ Ивану Алексеевичу, режиссеру, ГУСЕВУ Виктору Михайловичу, сценаристу, ХРЕННИКОВУ Тихону Николаевичу, композитору, ЛАДЫНИНОЙ Марине Алексеевне, артистке, ПАВЛОВУ Валентину Ефимовичу, оператору – за кинокартину «Свинарка и пастух».

И. ХРОНИКАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей 1. КОПАЛИНУ Илье Петровичу, режиссеру, ВАРЛАМОВУ Леониду Васильевичу, режиссеру, БУНИМОВИЧУ Теодору Захаровичу, оператору, БОБРОВУ Георгию Марковичу, оператору, КАСАТКИНУ Павлу Александровичу, оператору, КРЫЛОВУ Анатолию Александровичу, оператору, ЛЕБЕДЕВУ Алексею Алексеевичу, оператору, ШНЕЙДЕРОВУ Михаилу Абрамовичу, оператору, ЭЛЬБЕРТ Александру Павловичу, оператору, – за кинокартину «Разгром немецких войск под Москвой».

2. КАРМЕН Роману Лазаревичу, режиссеру, ОШУРКОВУ Михаилу Федоровичу, оператору, НЕБЫЛИЦКОМУ Борису Рудольфовичу, оператору, ЛЫТКИНУ Николаю Александровичу, оператору, ШОЛОМОВИЧ Давиду Григорьевичу, оператору, ФРОЛЕНКО Владимиру Анисимовичу, оператору, – за кинокартину «День нового мира».

Премия ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей 1. СЛУЦКОМУ Михаилу Яковлевичу, режиссеру, БЕЛЯКОВУ Ивану Ивановичу, оператору, СОЛОВЬЕВУ Василию Васильевичу, оператору – за кинокартину «Наша Москва».

К. ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ЭРЕНБУРГУ Илье Григорьевичу – за роман «Падение Парижа».

2. ЯНЧЕВЕЦКОМУ Василию Григорьевичу (В. Яну) – за роман «Чингис-Хан».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. БОРОДИНУ Сергею Петровичу – за роман «Дмитрий Донской».

2. АНТОНОВСКОЙ Анне Арнольдовне – за роман «Великий Моурави».

Л. ПОЭЗИИ

Премия ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей 1. ТИХОНОВУ Николаю Семеновичу – за поэму «Киров с нами», стихи «В лесах, на полянах мшистых», «Растет, шумит вихрь народной славы» и другие.

Премия ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей 1. МАРШАКУ Самуилу Яковлевичу – за стихотворные тексты к плакатам, и карикатурам.

М. ДРАМАТУРГИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. СИМОНОВУ Константину Михайловичу – за пьесу «Парень из нашего города».

2. КОРНЕЙЧУКУ Александру Евдокимовичу – за пьесу «В степях Украины».

Премия ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ВУРГУН Самеду – за пьесу «Фархад и Ширин».

*Председатель Совета Народных Комиссаров
Союза ССР И. СТАЛИН*

*Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров
Союза ССР Я. ЧАДАЕВ*

Москва, Кремль, 11 апреля 1942 г.

«Правда», 12.04.1942

"Правда", 19.11.1942 г. ТАСС!

В КОМИТЕТАХ ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ

Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства и Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства приступили к работе по новому отбору кандидатов на Сталинские премии.

В текущем году Сталинские премии будут присуждаться за выдающиеся научные работы, изобретения, коренные усовершенствования методов производственной работы и за выдающиеся произведения в области литературы и искусства, законченные в 1942 году а также в период с 15 ок-

тября 1941 года по 1 января 1942 года.

Предложения о присуждении Сталинских премий вместе с научными работами или описаниями изобретений и усовершенствований, а также с произведениями в области литературы и искусства представляются соответственно в Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства по адресу: г. Москва, Рождественка, д.11, а в Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства по адресу: г. Москва, Пушкинская, д. 24.

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1942 год»

Во исполнение Постановлений Совета Народных Комиссаров СССР От 20 декабря 1939 года и 18 ноября 1942 года о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1942 год, Совет Народных Комиссаров СССР постановляет:

Присудить Сталинские премии за выдающиеся работы 1942 года в области:

А. МУЗЫКИ

I. КРУПНЫЕ МУЗЫКАЛЬНО-СЦЕНИЧЕСКИЕ И ВОКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (ОПЕРА, БАЛЕТ, ОРТОРИЯ, КАНАТА)

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. КОВАЛЮ (Ковалеву) Мариану Викторовичу – за оперу «Емельян Пугачев».
2. ХАЧАТУРЯНУ Араму Ильичу, заслуженному деятелю искусств Армянской ССР – за музыку балета «Гаянэ».

II. КРУПНЫЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Премия ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей 1. ШЕБАЛИНУ Виссариону Яковлевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР – за «Славянский квартет».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ПРОКОФЬЕВУ Сергею Сергеевичу – за «Седьмую сонату».
2. АШРАФИ Мухтару, народному артисту Узбекской ССР – за «Героическую симфонию».

III. ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАЛЫХ ФОРМ

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ИВАНОВУ-РАДКЕВИЧУ Николаю Павловичу – за военные марши: «Капитан Гастелло», «Народные мстители», «Родная Москва», «Победный марш».

2. СОЛОВЬЕВУ-СЕДОМУ Василию Павловичу – за песни: «Вечер на рейде». «Играй, мой баян», «Песня мщения».

IV. КОНЦЕРТНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. СОФРОНИЦКОМУ Владимиру Владимировичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР – пианисту.

2. ОЙСТРАХУ Давиду Федоровичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору Московской Государственной Консерватории имени П. И. Чайковского – скрипачу.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей 1. ОБОРИНУ Льву Николаевичу, профессору Московской Государственной Консерватории им. П. И. Чайковского – пианисту.

Б. ЖИВОПИСИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ГЕРАСИМОВУ Александру Михайловичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР – за картину «Гимн Октябрю».

2. ЯКОВЛЕВУ Василию Николаевичу – за картины «Портрет Героя Советского Союза Яковлева» и «Портрет партизана».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ЖУКОВУ Николаю Николаевичу – за серию рисунков о Красной Армии и за иллюстрации для альбома «Маркс и Энгельс».

2. ШМАРИНОВУ Дементию Алексеевичу – за серию графических произведений «Не забудем, не простим».

В. СКУЛЬПТУРЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. МЕРАБИШВИЛИ Константину Михайловичу – за памятник Шота Руставели, сооруженный в городе Тбилиси.

2. МАНИЗЕРУ Матвею Генриховичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР – за скульптурную фигуру «Зоя Космодемьянская».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. МУХИНОЙ Вере Игнатьевне, заслуженному деятелю искусств РСФСР – за скульптурные портреты героев отечественной войны – полковника Юсупова и полковника Хижняка.

Г. ТЕАТРАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. СИМОНОВУ Рубену Николаевичу, Народному артисту РСФСР – за исполнение ролей: Олеко Дундича в спектакле «Олеко Дундич» и Сирано де Бержерака в спектакле «Сирано де Бержерак» в Государственном театре им. Е. Вахтангова.

2. ПОПОВУ Алексею Дмитриевичу, Народному артисту РСФСР – за постановку спектакля «Давным-давно» в Центральном театре Красной Армии.

Премия ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей 1. АЛИЕВУ Мирза Ага, Народному артисту Азербайджанской ССР – за исполнение роли Мешади Гулям Гуссейна в спектакле «Махаббад» в Азербайджанском драматическом театре им. Азизбекова.

Д. ОПЕРНОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. МЕЛИК-ПАШАЕВУ Александру Шамилиевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ЗАХАРОВУ Ростиславу Владимировичу, ВИЛЬЯМСУ Петру Владимировичу, БАТУРИНУ Александру Иосифовичу, заслуженному артисту РСФСР, КРУГЛИКОВОЙ Елене Дмитриевне, заслуженной артистке РСФСР, ШПИЛЛЕР Наталии Дмитриевне, заслуженной артистке РСФСР – за спектакль «Вильгельм Телль» в Государственном ордене Ленина Академическом Большом театре СССР.

2. ПАЗОВСКОМУ Арию Моисеевичу, Народному артисту СССР, БАРАТОВУ Леониду Васильевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ФЕДОРОВСКОМУ Федору Федоровичу заслуженному деятелю искусств РСФСР – за постановку спектакля «Емельян Пугачев» в Ленинградском ордене Ленина Академическом театре оперы и балета им С. М. Кирова.

Е. ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Премия ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей 1. ЧИАУРЕЛИ Михаилу Эдишевичу, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР, ХОРАВА Акакию Алексеевичу, народному артисту СССР, АНДЖАПАРИДЗЕ Верико Ивлиевне, народной артистке Грузинской ССР – за кинокартину «Георгий Саакадзе».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ГАБРИЛОВИЧУ Евгению Осиповичу, сценаристу, РАЙЗМАНУ Юлию Яковлевичу режиссеру, КАРАВАЕВОЙ Валентине Ивановне, артистке – за кинокартину «Машенька».

2. ПЫРЬЕВУ Ивану Александровичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ВАНИНУ Василию Васильевичу, заслуженному артисту РСФСР – за кинокартину «Секретарь райкома».

Ж. ХРОНИКАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ВАРЛАМОВУ Леониду Васильевичу, режиссеру, ВАКАР Борису Васильевичу, оператору, КАЗАКОВУ Абраму Наумовичу, оператору, ОРЛЯНКИНУ Валентину Ивановичу, оператору, СОФЬИНУ Авениру Петровичу, оператору – за кинокартину «Сталинград».

2. СОЛОВЦОВУ Валерию Михайловичу, режиссеру, БОГОРОВУ Ансельму Львовичу, оператору, ПОГОРЕЛОМУ Анатолию Ивановичу, оператору, СТРАДИНУ Владимиру Львовичу, оператору, УЧИТЕЛЮ Ефиму Львовичу, оператору – за кинокартину «Ленинград в борьбе».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. БЕЛЯЕВУ Василию Николаевичу, режиссеру, КОРОТКЕВИЧ Федору Григорьевичу, оператору, МИКОША Владиславу Владиславовичу, оператору, РЫМАРЕВУ Дмитрию Георгиевичу, оператору – за кинокартину «Черноморцы».

2. БЕЛЯКОВУ Ивану Ивановичу, оператору, БУНИМОВИЧ Теодору Захаровичу, оператору, ВЕЙНЕРОВИЧ Иосифу Наумовичу, оператору, ДОБРОНИЦКОМУ Виктору Нико-

лаевич, оператору, ИБРАГИМОВУ Давиду Михайловичу, оператору – за документальные съемки для «Союзкиножурналов» 1942 года.

3. ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ТОЛСТОМУ Алексею Николаевичу, действительному члену Академии наук СССР – за роман «Хождение по мукам» (трилогия).

2. ВАСИЛЕВСКОЙ Ванде Львовне – за повесть «Радуга».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей 1. БАЖОВУ Павлу Петровичу – за книгу «Малахитовая шкатулка».

2. СОБОЛЕВУ Леониду Сергеевичу – за сборник рассказов «Морская душа».

И. ПОЭЗИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. РЫЛЬСКОМУ Максиму Фадеевичу – за сборники стихов «Слово про рідну матір», «Світова зоря», «Світла зброя» и «Мандрівка в молодість».

2. ИСАКОВСКОМУ Михаилу Васильевичу – за тексты общеизвестных песен «Шел со службы пограничник», «Прощание», «И кто его знает», «Катюша» и другие.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. АЛИГЕР Маргарите Иосифовне – за поэму «Зоя».

К. ДРАМАТУРГИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. КОРНЕЙЧУКУ Александру Евдокимовичу – за пьесу «Фронт».

2. ЛЕОНОВУ Леониду Максимовичу – за пьесу «Нашествие».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей 1. СИМОНОВУ Константину Михайловичу – за пьесу «Русские люди».

Л. ЗА МНОГОЛЕТНИЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ ДОСТИЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО Владимиру Ивановичу – народному артисту СССР.

2. КАЧАЛОВУ Василию Ивановичу – народному артисту СССР.

3. МОСКВИНУ Ивану Михайловичу – народному артисту СССР.

4. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ Ольге Леонардовне – народной артистке СССР.

5. ТАРХАНОВУ Михаилу Михайловичу – народному артисту СССР.

6. НЕЖДАНОВОЙ Антонине Васильевне – народной артистке СССР.

7. ДЕРЖИНСКОЙ Ксении Георгиевне – народной артистке СССР.

8. ПИРОГОВУ Александру Степановичу – народному артисту СССР.

9. ОБУХОВОЙ Надежде Андреевне – народной артистке СССР

10. ГЕЛЬЦЕР Екатерине Васильевне – народной артистке РСФСР.

11. ЯБЛОЧКИНОЙ Александре Александровне – народной артистке СССР.

12. РЫЖОВОЙ Варваре Николаевне – народной артистке СССР.

13. ПАШЕННОЙ Вере Николаевне – народной артистке СССР.

14. ОСТУЖЕВУ Александру Алексеевичу – народному артисту СССР.
 15. САДОВСКОМУ Прову Михайловичу – народному артисту СССР.
 16. ТУРЧАНИНОВОЙ Евдокии Дмитриевне – народной артистке РСФСР.
 17. КОРЧАГИНОЙ-АЛЕКСАНДРОВСКОЙ Екатерине Павловне – народной артистке СССР.
 18. ЮРЬЕВУ Юрию Михайловичу – народному артисту СССР.
 19. МИЧУРИНОЙ-САМОЙЛОВОЙ Вере Аркадьевне – народной артистке СССР.
 20. ЮОНУ Константину Федоровичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР.
 21. КОНЧАЛОВСКОМУ Петру Петровичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР.
 22. ВЕРЕСАЕВУ Викентию Викентьевичу – писателю.
 23. СЕРАФИМОВИЧУ Александру Серафимовичу – писателю.
- Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей
1. АСАФЬЕВУ Борису Владимировичу (Игорю Глебову) – Народному артисту РСФСР.
 2. ПАВЛОВУ Ивану Николаевичу – художнику-граверу, заслуженному деятелю искусств РСФСР.
 3. БАКШЕЕВУ Василию Николаевичу – академику живописи, заслуженному деятелю искусств РСФСР.
 4. ЛАНСЕРЕ Евгению Евгеньевичу – академику живописи.
 5. ХАНАЕВУ Никандру Сергеевичу – Народному артисту РСФСР.
 6. ШЕВЧЕНКО Фаине Васильевне – Народной артистке РСФСР.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Союза ССР И. СТАЛИН

Управляющий делами Совнаркома СССР

Я. ЧАДАЕВ

Москва, Кремль, 19 марта 1943 г.

Примечание: В частичное изменение Постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 18 ноября 1942 г. «О Сталинских премиях за выдающиеся работы в области науки, изобретений, искусства и литературы за 1942 год», Совет Народных Комиссаров СССР в настоящем Постановлении предусмотрел Сталинские премии в области музыки – за: а) крупные музыкально-сценические и вокальные произведения, б) крупные инструментальные произведения, в) произведения малых музыкальных форм, г) концертно-исполнительскую деятельность. Кроме того, Совет Народных Комиссаров СССР в настоящем Постановлении предусмотрел дополнительно Сталинские премии за многолетние выдающиеся достижения в области искусства и литературы.

«Правда», 20.03.1943

"Правда" 15.07.1943 г. /ТАСС/

ВРУЧЕНИЕ ДИПЛОМОВ ЛАУРЕАТАМ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

Вчера в Комитете по Сталинским премиям Совета Народных Комиссаров Союза ССР вручены дипломы лауреатов мастерам искусства и литературы. С приветственной речью к награждённому обратился заместитель председателя Комитета кинорежиссёр и писатель А.Довженко.

Дипломы получили композитор М.Коваль за оперу "Емельян Пугачёв", заслуженный деятель искусств Армян-

ской ССР А.Хачатурян, писатели А.Корнейчук и Л.Леонов, мастера, награждённые за многолетние достижения в области искусства и литературы – О.Книппер-Чехова, М.Тарханов, А.Нежданова, А. Яблочкина, К.Юон, А.Серафимович, И.Павлов, группа концертантов-исполнителей, художников, скульпторов, киноработников и др.

От имени награждённых выступили А.Яблочкина и А.Хачатурян.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.09.43 «Об учреждении Почетного Знака Лауреата Сталинской премии»

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Учредить для Лауреатов Сталинских премий Почетный Знак Лауреата Сталинской премии.
2. Утвердить Положение о Почетном Знаке Лауреата Сталинской премии.
3. Утвердить описание Почетного Знака Лауреата Сталинской премии.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 8 сентября 1943 г.

Положение О Почетном Знаке Лауреата Сталинской премии

1. Почетный Знак Лауреата Сталинской премии выдается лицам, которым Советом Народных Комиссаров СССР присуждены Сталинские премии первой, второй и третьей степени за выдающиеся работы в области науки и изобретательства, искусства и литературы.

2. Вручение Почетного Знака Лауреата Сталинской премии производится Комитетом по Сталинским премиям в области науки и изобретательства при СНК СССР и Комитетом по Сталинским премиям в области искусства и литературы при СНК СССР одновременно с вручением диплома о присуждении Сталинской премии.

3. Почетный Знак Лауреата Сталинской премии носится на левой стороне груди рядом с орденами и медалями СССР.

Описание Почетного Знака Лауреата Сталинской премии

1. Почетный Знак Лауреата Сталинской премии изготавливается из серебра и представляет собой выпуклый овал, покрытый белой эмалью, окаймленный в нижней части золотыми лавровыми ветками.

На белой эмали изображены золотые восходящие лучи. В верхней части на фоне золотых лучей – пятиконечная звезда, выполненная красной эмалью и окаймленная золотым ободком. В середине овала золотом изображена надпись «Лауреат Сталинской премии». Верхняя часть овала заканчивается гофрированной лентой, покрытой голубой эмалью с золотым обрезом и надписью на ленте «СССР». Размер Почетного Знака – в высоту 40 мм и в ширину 36 мм.

2. Почетный Знак соединен при помощи ушка и колечка с серебряной пластинкой, покрытой золотом, на которой голубой эмалью изображена арабскими цифрами надпись года присуждения Сталинской премии. Пластинка имеет 27 мм в ширину и 5 мм в высоту.

Пластинка соединяется с лентой, на которой носится Почетный Знак Лауреата Сталинской премии. Двойная серо-голубая муаровая лента имеет в ширину 24 мм и в длину 35 мм. Средняя часть ленты шириною в 10 мм – темноголубого цвета. В верхнюю часть ленты, внутри между двумя ее полосками, вшита металлическая пластинка, имеющая стальную булавку с ушком для прикрепления Почетного Знака к одежде.

«Правда», 10.09.1943

Спецсообщение Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов» [59]

Не позднее 24 июля 1943 г.

За последнее время <...> со стороны отдельных писателей и журналистов отмечаются различные отрицательные проявления и политические тенденции, связанные с их оценкой международного, внутреннего и военного положения СССР.

Враждебные элементы высказывают пораженческие настроения и пытаются воздействовать на свое окружение в антисоветском духе.

Так, например:

Светлов М. А., поэт, в прошлом участник троцкистской группы: «Раньше я думал, что мы дураки, – мы кричали, что погибает революция, что мы пойдем на поводу у мирового капитала, что теория социализма в одной стране погубит советскую власть. Потом я решил: дураки мы, чего мы кричали? Ничего страшного не произошло. А теперь я думаю: боже, мы ведь в самом деле были умные, мы же все это предсказали и предвидели, мы же кричали, плакали, предупреждали, на нас смотрели как на Дон-Кихотов, нас высмеивали. И мы потом сами поверили, что мы Дон-Кихоты... а теперь оказалось, что мы были правы...»

В этом финале мало хорошего и мало умного. Революция кончается на том, с чего она началась. Теперь процентная норма для евреев, табель о рангах, погоны и прочие „радости“. Такой кругооборот даже мы не предвидели...»

Тренев К. А., писатель, бывший кадет: «...Ответы Сталина (по поводу роспуска Коминтерна) написаны страшно путано, нелогично, непоследовательно... С одной стороны, говорится о ликвидации клеветы по поводу деятельности Коминтерна, а с другой, что Коминтерн ликвидирован, чтобы не мешать борьбе против гитлеризма (при этом Тренев чрезвычайно резко отзывался о [Сталине] лично)... Под нажимом Англии и США, наконец, разогнали дармоедов...»

...Я избегаю читать газеты, мне противно читать газеты, сплошную ложь и очковтирательство... (Тренев намекнул, что он сознательно отходит от общественной работы и старается пребывать в тени, подготавливая безболезненный переход на сторону «нового режима», который будет, по его убеждению, установлен после войны.)

...Что касается нашей страны, то она больше выдержать войны не в состоянии, тем более что за сохранение существующего режима вряд ли многие согласятся бороться... Надо быть последовательным. Коминтерн разогнали, надо пересмотреть гимн „Интернационал“, он не может понравиться союзникам...»

Среди некоторой части писателей зафиксировано усиление так называемых «демократических» тенденций, выражение надежд на коренные изменения советского строя в результате войны, а в отдельных случаях и прямая ставка на реставрацию капитализма в СССР.

К таким относятся:

Новиков-Прибой А. С., писатель, бывший эсер: «Крестьянину нужно дать послабление в экономике, в развороте его инициативы по части личного хозяйства. Все равно это произойдет в результате войны... Не может одна Россия бесконечно долго стоять в стороне от капиталистических стран, и она перейдет рано или поздно на этот путь, правительство это само поймет...»

Чуковский К. И., писатель: «Скоро нужно ждать еще каких-нибудь решений в угоду нашим хозяевам (союзникам), наша судьба в их руках. Я рад, что начинается новая разумная эпоха. Они нас научат культуре...»

Шкловский В. Б., писатель, бывший эсер: «Мне бы хотелось сейчас собрать яркое, твердое писательское ядро, как в свое время было вокруг Маяковского, и действительно, по-настоящему осветить и показать войну...»

В конце концов мне все надоело, я чувствую, что мне лично никто не верит, у меня нет охоты работать, я устал, и пусть себе все идет так, как идет. Все равно у нас никто не в силах ничего изменить, если нет указки свыше...

Меня по-прежнему больше всего мучает та же мысль: победа ничего не даст хорошего, она не внесет никаких изменений в строй, она не даст возможности писать по-своему и печатать написанное. А без победы – конец, мы погибли. Значит, выхода нет. Наш режим всегда был наиболее циничным из когда-либо существовавших, но антисемитизм коммунистической партии – это просто прелесть...

...Никакой надежды на благотворное влияние союзников у меня нет. Они будут объявлены империалистами с момента начала мирных переговоров. Нынешнее моральное убожество расцветет после войны».

Отдельные крупные писатели и поэты занимают неопределенную, выжидательную политическую позицию, не дали за время войны каких-либо значительных произведений, не определили своего отношения к войне с Германией.

В своем близком окружении эти писатели и поэты объясняют свою творческую пассивность во время войны строгостями цензуры, нежеланием «приспосабливаться». Большинство из них стоит на антисоветских позициях.

Так, например:

Федин К. А., писатель, до 1918 года был в плену в Германии, поклонник «немецкой культуры», неоднократно выезжал в Германию и был тесно связан с сотрудниками германского посольства в СССР: «...Все русское для меня давно погибло с приходом большевиков; теперь должна наступить новая эпоха, когда народ не будет больше голодать, не будет все с себя снимать, чтобы благоденствовала какая-то кучка людей (большевиков).

За кровь, пролитую на войне, народ потребует плату, и вот здесь наступит такое... Может быть, опять прольется кровь...

...О Горьком я буду сейчас писать только для денег: меня эта тема уже не волнует и не интересует. Очень обидно получилось у меня с пьесой. Леонов за такую ерунду („Нашествие“) получил премию, но это понятно – нужно было поклониться в ножки, он поклонился, приписал последнюю картину, где сплошной гимн [Сталину], вот ему и заплатили за поклон.

Я, конечно, никогда со своей линии не сойду, чего бы это мне ни стоило. Я никому не поклонюсь и подлаживаться не буду...

Я засел за роман, который, кстати сказать, никакого отношения не имеет к современности. Роман этот об одной актрисе. Потому что я хочу быть во всей этой суматошной жизни совершенно нейтральным...

Ничего мы сделать без Америки не сможем. Продав себя и весь свой народ американцам со всеми нашими потрохами, мы только тогда сможем выйти из этого ужаса разрушения... Отдав свою честь, превратившись в нищих и прося рукой подаяния, – вот в таком виде мы сейчас стоим перед Америкой. Ей мы должны поклониться и будем ходить по проволоке, как дрессированные собаки...

...Я очень боюсь, что после войны вся наша литература, которая была до сих пор, будет попросту зачеркнута. Нас отучили мыслить. Если посмотреть, что написано за эти два года, то это сплошные восклицательные знаки... А статья Леонова в „Известиях“ – „Святая ненависть“ – вызывает чувство гадливости и отвращения... Нельзя кричать без конца: „Родина,

моя Родина!“ – с надрывом, манерно, как это делает Леонов... Я перечитал рассказ Мопасана „Усы“. Вот как нужно писать о войне – не в лоб, тонко, умно, и это производит огромное впечатление. А у нас так писать не дают возможности...

Нужно ждать, чтобы не попасть впросак» (заявил *Федин* по поводу своего отказа от редактирования немецкого антифашистского журнала).

Пастернак Б. Л., поэт: «Теперь я закончил новый перевод „Антоний и Клеопатра“ Шекспира и хотел бы встречаться с Риски (британский пресс-атташе) для практики в английском языке.

...Нельзя встречаться, с кем я хочу. Для меня он – человек, иностранец, а никакой дипломат... Нельзя писать, что хочешь, все указано наперед... Я не люблю так называемой военной литературы, и я не против войны... Я хочу писать, но мне не дают писать того, что я хочу, как я воспринимаю войну. Но я не хочу писать по регулятору уличного движения: так можно, а так нельзя. А у нас говорят – пиши так, а не эдак... Я делаю переводы, думаете, от того, что мне это так нравится? Нет, от того, что ничего другого нельзя делать...

У меня длинный язык, я не Маршак, тот умеет делать, как требуют, а я не умею устраиваться и не хочу. Я буду говорить публично, хотя знаю, что это может плохо кончиться. У меня есть имя и писать хочу, не боюсь войны, готов умереть, готов поехать на фронт, но дайте мне писать не по трафарету, а как я воспринимаю...»

Группе писателей, возвращавшихся из Чистополя в Москву, был предоставлен специальный пароход. Желая отблагодарить команду парохода, группа писателей решила оставить им книгу записей. Эта идея встретила горячий отклик... Когда с этим пришли к Пастернаку, он предложил такую запись: «Хочу купаться и еще жажду свободы печати».

Пастернак, видимо, серьезно считает себя поэтом-пророком, которому затыкают рот, поэтому он уходит от всего в сторону, уклоняясь от прямого ответа на вопросы, поставленные войной, и занимается переводами Шекспира, сохраняя свою „поэтическую индивидуальность“, далекую судьбам страны и народа. Пусть-де народ и его судьбы – сами по себе, а я – сам по себе...

Асеев Н. Н., поэт. Взгляды Асеева на современную поэзию – это последовательное отрицание ценности многого из того, что делается сейчас советскими поэтами... – Все заскучнено стремлением к логизированию, к дидактике. Поэзия этих поэтов (Алигер, Долматовского) выполняет ту же функцию, какую могли бы выполнить статья, любая частная проза. – За всем этим в словах Асеева чувствуется некоторое личное раздражение, личная тревожность...

«...Писать по-настоящему оптимистические стихи я не могу, так как меня не обеспечивают, как нужно, и я – не поэт, а нищий на паперти. Я должен с утра до ночи ходить и кланчить себе пайки. Всюду встречаю бездушие. У нас ведь все забюрократизировано... Приходится обивать пороги всяких сановников... Союза писателей у нас нет. Есть отдельные приспособившиеся, попавшие в тон люди, а настоящим писателям и поэтам хода нет... У нас сознательно обходят и скрывают то, что говорил Маяковский, против чего он боролся всю жизнь – против того, чтобы поэзия была приспособленческой».

Леонов Л. М., писатель: «Я очень обеспокоен последней частью документа (сообщение Совинформбюро от 22.VI.43 г.). Я думаю, что мы стоим на грани отказа союзников от помощи нам... Ответ [Сталина] Рузвельту был явно неудовлетворительным для „Демократий“. Рузвельт, как мне говорили многие, требовал роспуска колхозов, а [Сталин] ответил, что это одна из основ советского строя... Можно было бы пойти на некоторую реорганизацию в сельском хозяйстве, ибо личные стимулы у колхозников еще до войны, и особенно сейчас, очень ослабли...

Мы, видимо, раздражаем союзников своей резкостью в постановке вопросов о Польше, Прибалтике, Украине и проч. От всего этого можно было бы в известной мере воздержаться.

А то ведь странно: сами же говорим, что без второго фронта нельзя победить Германию, а ведем с этим вторым фронтом рискованную игру...»

Погодин Н. Ф., писатель: «...Страшные жизненные уроки, полученные страной и чуть не завершившиеся буквально случайной сдачей Москвы, которую немцы не взяли 15–16 октября 1941 года, просто не поверив в полное отсутствие у нас какой-либо организованности, должны говорить прежде всего об одном: так дальше не может быть, так больше нельзя жить, так мы не выживем...»

У нас что-то неладно в самом механизме, и он нет-нет, да и заедает и скрипит. У нас неладно что-то в самой системе. Что хорошо, то хорошо, и многое у нас отлично, но и плохое у нас предстало такими дозами, что просто не понимаешь, как и когда это могло случиться...»

Сергеев-Ценский С. Н., писатель. Красной нитью через все его высказывания проходила мысль о том, что вот он – Ценский – старейший русский писатель, художник слова, должен всю жизнь пробиваться сквозь дебри непонимания значения писателя, его роли. Особенно он это относит к советскому периоду. «Когда в литературу и журналистику пришло много нерусских людей, жидовствующих эренбургов, которым непонятно значение художника. Они публицисты и того же требуют от остальных литераторов». Противопоставляя себя «эренбургам», газетчикам, Ценский заявил: «В Москве невозможно было работать, редакции осаждали просьбами написать статью. И как хотелось сказать им, что я писатель, а не журналист, что я занят более важным и нужным делом...»

В своей общественной практике Ценский не отступает от этих своих взглядов. Так, со слов поэта Марка Тарловского, когда ЦК партии Казахстана пригласил его редактировать текст письма казахского народа бойцам-казахам, Ценский уклонился от этой работы, заявив, что это не дело писателя...

Говоря о войне, Ценский... заявил, что в результате войны наступит период одичания на долгие годы...»

Довженко А. П., украинский литератор и кинорежиссер: «...Необходимо издать и вообще узаконить у нас всех тех писателей, националистов-эмигрантов, которые не проявили себя на стороне фашистов, чтобы отвоевать их и перетянуть на нашу сторону. Мы бедны, каждое творческое лицо для нас бесценно – зачем нам самих себя грабить?..»

Украинские девушки, полюбившие немцев и вышедшие за них замуж, не виноваты в том, что у них нет патриотизма, а виноваты те, кто этого патриотизма в них не сумел воспитать, т. е. мы сами, вся система советского воспитания, не сумевшая пробудить в человеке любви к родине, чувства долга, патриотизма.

Ни о какой каре не может быть речи, должны быть прощены все, если только они не проводили шпионской работы...

Тема обличения порочности советского воспитания, никчемности советского педагога, ошибочности пропаганды и трагических результатов этого должна стать основной темой советского искусства, литературы и кино на ближайшее время...

...Больше всего меня беспокоят потери, ценой которых нам удастся наступать. Сил у нас не так много, нам необходимо экономить их и для ведения войны с Германией, и для обороны своего престижа против „союзников“ после окончания войны, и поэтому вряд ли есть смысл тратить эти силы в тяжелом наступлении, – не лучше ли продолжать только удерживать рубежи до более благоприятного времени – до зимы или наступления союзников на континенте Европы?..»

...Возмущаюсь, почему создали польскую дивизию, а не формируют украинских национальных частей...»

Гладков Ф. В., писатель: «Подумайте, 25 лет советская власть, а даже до войны люди ходили в лохмотьях, голодали... В таких городах, как Пенза, Ярославль, в 1940 году люди

пухли от голода, нельзя было пообедать и достать хоть хлеба. Это наводит на очень серьезные мысли: для чего же было делать революцию, если через 25 лет люди голодали до войны так же, как голодают теперь...»

Павленко П. А., писатель, корреспондент газеты «Красная звезда», член ВКП(б): «... Теперь-то уже ясно, что без союзников нам немца не выгнать из России. Наша мощь сильно подорвана... В конечном итоге наша судьба теперь зависит от поведения и доброй воли союзников...»

Сельвинский И. Л., поэт, корреспондент военной газеты на Кубани: «...Настроение в наших частях неважное. Люди устали от войны, немец все еще силен, упорно дерется... Если так дальше пойдет – войне конца не будет...»

Пришвин М. М., писатель: «...Народ... угнетен войной и порядками, ждет конца войны любой ценой. Задача каждого человека сейчас – сохранить всеми средствами свою личную жизнь... Одной из величайших загадок и тайн жизни надо считать следующее явление... Население войны не хочет, порядками недоволено, но как только такой человек попадает на фронт, то дерется отважно, не жалея себя... Я отказываюсь понять сейчас это явление...»

* * *

Писатели, проявляющие резкие антисоветские настроения, нами активно разрабатываются.

По агентурным материалам, свидетельствующим о попытках организованной антисоветской работы, приняты меры активизации разработок и подготовки их к оперативной ликвидации.

*Зам[еститель] нач[альника] 3#го отдела 2#го управления НКГБ СССР
майор гос[ударственной] безопасности
ШУБНЯКОВ*

Приказ № 883 от 08.08.43 по Управлению «Воркутстрой»

В целях наилучшего систематического обслуживания вольнонаемного населения Воркутинского угольного бассейна художественно-зрелищными мероприятиями

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Организовать на основе хозрасчета театр по обслуживанию в/н населения Воркутинского бассейна.

2. Театру присвоить имя «Воркутстроя».

3. Утвердить труппу театра в следующем составе: Н. И. Глебова, Л. И. Кондратьева, А. П. Пилацкая, В. М. Пясковская, В. Н. Борисов, Н. А. Быстряков, А. М. Дубин-Белов, Г. И. Егоров, А. И. Кашенцев, А. К. Стояно, А. Швецов, О. О. Пилацкий.

4. Включить в состав труппы следующих заключенных: Е. М. Михайлова, С. Б. Кравец, В. К. Владимирский, А. Гайдаскин, Б. С. Дейнека, Л. С. Дулькин, Е. И. Заплетный, Б. А. Козин, В. И. Лиманский.

5. Художественным руководителем и главным режиссером театра назначить Б. А. Мордвинова.

6. Утвердить штаты и смету театра на общую сумму 283 т. р.

7. Обязать КВО весь имеющийся в подразделениях театральный инвентарь: как то реквизиты, костюмы, бутафорию сдать театру в безвозмездное пользование. Срок сдачи 01.09 с. г.

8. Открытие театра установить 1 октября с. г.

*Начальник Управления Воркутстроя НКВД СССР М. МАЛЬЦЕВ.
ЦА ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 159. Л. 168–179. Копия. Машинопись [59]*

Деятели литературы и искусства на приеме у И. В. Сталина

Дата приема	Кто присутствовал	Источник [18]
24 июля 1942 г.	А. Е. Корнейчук	1996. № 3. С. 30
20 августа 1942 г.	А. Е. Корнейчук	Там же. С. 34
21 апреля 1943 г.	А. Е. Корнейчук	Там же. С. 64
25 апреля 1943 г.	А. Е. Корнейчук	Там же. С. 65
4 мая 1943 г.	П. Г. Тычина	Там же. С. 66
7 мая 1943 г.	В. Л. Василевская	Там же
11 августа 1943 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 77
28 октября 1943 г.	С. В. Михалков, Г. Эль-Регистан	Там же. С. 84
4 ноября 1943 г.	С. В. Михалков, Г. Эль-Регистан	Там же.
8 ноября 1943 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 85
30 января 1944 г.	А. П. Довженко, А. Е. Корнейчук, Н. П. Бажан, М. Ф. Рыльский	1996. № 4. С. 67

Дата приема	Кто присутствовал	Источник
17 мая 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 76
22 мая 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же
23 мая 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 77
22 июня 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 80
15 июля 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 81
3 августа 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 83
5 августа 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 83
7 августа 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же
27 августа 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 85
29 сентября 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 86
1 октября 1944 г.	В. Л. Василевская	Там же
21 апреля 1945 г.	В. Л. Василевская	Там же. С. 98

Источник: Власть и художественная интеллигенция. Сб. документов 1917–1953 гг. М., 1999 [39]

"Правда" 10.12.1943 г. /ТАСС/

В КОМИТЕТАХ ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ

Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства и Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства начали работу по отбору кандидатов на Сталинские премии.

В текущем году Сталинские премии будут присуждаться за выдающиеся научные работы, изобретения, коренные усовершенствования методов производственной работы и за выдающиеся произведения в области литературы и искусства, законченные в 1943 году а также в период с 15 октября 1942 года по 1 января 1943 года.

Предложения о присуждении Сталинских премий вместе с научными работами или описаниями изобретений и усовершенствований, а также с произведениями в области литературы и искусства представлять до 15 января 1944 года соответственно в Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства по адресу: г. Москва, Рождественка, д. № 11 и в Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства по адресу: г. Москва, проезд Художественного театра, д. 163.

Информация наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову «О политических настроениях и высказываниях писателей»

31 октября 1944 г.

ЦК ВКП(б) тов. Жданову А. А.

По поступившим в НКГБ СССР агентурным сведениям, общественное обсуждение и критика политически вредных произведений писателей Сельвинского, Асеева, Зошенко, Довженко, Чуковского и Федина вызвали резкую, в основном враждебную, реакцию со стороны указанных лиц и широкие отклики в литературной среде.

Поэт Асеев Н. Н. по поводу своего вызова в ЦК ВКП(б), где его стихи были подвергнуты критике, заявил: «Написанная мною последняя книжка не вышла из печати. Меня по этому поводу вызвали в ЦК, где ругали за то, что я не воспитываю своей книжкой ненависти к врагу. Нашли, что книжка получилась вредной... Я, конечно, соглашался с ними, но сам я считаю, что они не правы. Вступать с ними в борьбу я не видел смысла. Мы должны лет на пять замолчать и научить себя ничем не возмущаться. Все равно молодежь с нами, я часто получаю письма от молодежи с фронта, где меня спрашивают: долго ли им еще читать „Жди меня“ Симонова и питаться „Сурковой массой“».

«Я знаю, что написал те стихи, которые нужны сегодня народу... Надо перетерпеть, переждать реакцию, которая разлилась по всей стране».

«Я продолжаю писать стихи, но я не показываю их. Я не имею права изменять себе, и поэтому эти стихи неуютны».

Оценивая, в связи с этим, состояние советской литературы, *Асеев* говорит: «В России все писатели и поэты поставлены на государственную службу, пишут то, что приказано. И поэтому литература у нас – литература казенная. Что же получается? СССР как государ-

ство решительно влияет на ход мировой жизни, а за литературу этого государства стыдно перед иностранцами».

«Слава богу, что нет Маяковского. Он бы не вынес. А новый Маяковский не может родиться. Почва не та. Не плодородная, не родящая почва...

...Ничего, вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди все выдавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей. Важно поэту, не разменяв таланта на казенщину, дожидаться этого времени. Я не знаю, что это будет за время. Я только верю в то, что это будет время свободного стиха».

Писатель Чуковский К. И. по поводу своей сказки «Одолеем Бармалея» заявил, что еще год тому назад президиум Союза советских писателей дал хорошую оценку книге, потому что это – настоящее произведение детской литературы, и ему непонятно резкое изменение отношения к ней.

Положение в советской литературе Чуковский определяет с враждебных позиций: «... В литературе хотят навести порядок. В ЦК прямо признаются, что им ясно положение во всех областях жизни, кроме литературы. Нас, писателей, хотят заставить нести службу, как и всех остальных людей. Для этого назначен тупой и ограниченный человек, фельдфебель Поликарпов. Он и будет наводить порядок, взыскивать, ругать и т. д. Тихонов будет чисто декоративной фигурой...

В журналах и издательствах царят пустота и мрак. Ни одна рукопись не может быть принята самостоятельно. Все идет на утверждение в ЦК, и поэтому редакции превратились в мертвые, чисто регистрационные инстанции. Происходит страшнейшая централизация литературы, ее приспособление к задачам советской империи».

«В демократических странах, опирающихся на свободную волю народа, естественно, свободно расцветают искусства. Меня не удивляет то, что сейчас произошло со мной. Что такое деспотизм? Это воля одного человека, передоверенная приближенным. Одному из приближенных я не понравился. Я живу в антидемократической стране, в стране деспотизма и поэтому должен быть готовым ко всему, что несет деспотия».

«По причинам, о которых я уже говорил, т. е. в условиях деспотической власти, русская литература заглохла и почти погибла. Минувший праздник Чехова, в котором я, неожиданно для себя, принимал самое активное участие, красноречиво показал, какая пропасть лежит между литературой досоветской и литературой наших дней. Тогда художник работал во всю меру своего таланта, теперь он работает, насилуя и унижая свой талант.

Зависимость теперешней печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев – позору нашей литературной деятельности перед лицом всего цивилизованного мира.

...Всею душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать».

Узнав о том, что в журнале «Новый мир» не пойдут его «Воспоминания о Репине», Чуковский возмущенно заявил: «Я испытываю садистическое удовольствие, слушая, как редакции изворачиваются передо мной, сообщая, почему не идут мои статьи. За последнее время мне вернули в разных местах 11 принятых, набранных или уже заверстанных статей. Это – коллекция, которую я буду хранить. Когда будет хорошая погода, коллекция эта пригодится как живой памятник изощренной травли... Писатель Корней Чуковский под бойкотом... Всюду ложь, издевательство и гнусность».

Писатель К. А. Федин, в связи с появлением в свет и критикой его последней книги «Горький среди нас», говорил: «До меня дошел слух, будто книгу мою выпустили специально для того, чтобы раскритиковать ее на всех перекрестках. Поэтому на ней нет имени редактора – случай в нашей литературной действительности беспрецедентный.

Если это так, то ниже, в моральном смысле, падать некуда. Значит, я хладнокровно и расчетливо и, видимо, вполне официально был спровоцирован.

Одно из двух. Если книга вредна, ее надо запретить. Если она не вредна, ее нужно выпустить. Но выпустить для того, чтобы бить оглоблей вредного автора, – этого еще не знала история русской литературы».

По поводу статьи в «Правде», критиковавшей его книгу, Федин заявляет:

«Юрий Лукин, написавший статью под суфлера, формально прав. Под формальной точкой зрения я разумею точку зрения нашего правительства, которая, вероятно, прогрессивна в деле войны, понуждая писателей служить, как солдат, не считаясь с тем, что у писателей, поставленных в положение солдат, ружья не стреляют. Ведь это извечный закон искусства: оно не терпит внешнего побуждения, а тем более принуждения.

Смешны и оголенно ложны все разговоры о реализме в нашей литературе. Может ли быть разговор о реализме, когда писатель понуждается изображать желаемое, а не существующее?»

Все разговоры о реализме в таком положении есть лицемерие или демагогия. Печальная судьба литературного реализма при всех видах диктатуры одинакова.

Реалистические портреты Ремизова и Сологуба толкуются как искажение действительности. Даже о далеком прошлом нельзя писать реалистически, а то, что требует Лукин, – явно инспирировано; это требование фальсификации истории.

Горький – человек великих шатаний, истинно русский, истинно славянский писатель со всеми безднами, присущими русскому таланту, – уже прилизан, приглажен, фальсифицирован, вытянут в прямую марксистскую ниточку всякими Кирпотинными и Ермиловыми.

Хотят, чтобы и Федин занялся тем же!»

Свое отношение к современным задачам советской литературы Федин выражает следующим образом: «Сижу в Переделкино и с увлечением пишу роман, который никогда не увидит света, если нынешняя литературная политика будет продолжаться. В этом писании без надежды есть какой-то сладостный мазохизм. Пусть я становлюсь одиозной фигурой в литературе, но я есть русский писатель и таковым останусь до гроба – верный традициям писательской совести...»

...Не нужно заблуждаться, современные писатели превратились в патефоны. Пластинки, изготовленные на потребу дня, крутятся на этих патефонах, и все они хрипят совершенно одинаково.

Леонов думает, что он какой-то особый патефон. Он заблуждается. „Взятие Великошумска“ звучит совершенно так же, как „Непокоренные“ [Б. Л. Горбатова] или „Радуга“ [В. Л. Василевской]. На музыкальное ухо это нестерпимо.

Пусть передо мной закроют двери в литературу, но патефоном быть я не хочу и не буду им. Очень трудно мне жить. Трудно, одиноко и безнадежно».

Кинорежиссер Довженко А. П., внешне соглашаясь с критикой его киноповести «Украина в огне», в завуалированной форме продолжает высказывать националистические настроения. Довженко во враждебных тонах отзывается о лицах, выступавших с критикой его повести, особенно о т. Хрущеве и руководителях Союза советских писателей Украины, которые, по его словам, до обсуждения киноповести в ЦК ВКП(б) давали ей положительную оценку.

«Я не политик. Я готов признать, что могу делать ошибки. Но почему у нас делается так, что сначала все говорят – „хорошо, прекрасно“, а потом вдруг оказывается чуть ли не клевета на советскую власть».

«Я не в обиде на Сталина и на ЦК ВКП(б), где ко мне всегда хорошо относились. Я в обиде на украинцев – люди, имевшие мужество в лицо Сталину подбрасывать на меня злые реплики после всего их восхищения сценарием, – эти люди не могут руководить войной и народом. Это мусор».

После вызова в ЦК ВКП(б) Довженко усиленно работал над новыми сценариями о Мичурине и об Украине, замкнулся и тщательно уклонялся от встреч с украинскими работниками литературы и искусства. По агентурным данным, в своем новом сценарии об Украине он пытается освободиться от свойственных ему националистических концепций, однако это ему удается с трудом.

Писатель Леонов Л. М.: «Книга Федина о Горьком плохая. Недопустимо опубликование писем и высказываний Горького без учета, что это в итоге исказит образ Алексея Максимовича. Горький не сразу стал тем писателем и учителем жизни, которого высоко чтит советская страна. И бестактно сейчас, в интересах личной писательской биографии, публиковать то, что было сказано Горьким совсем в другое время, на иной стадии нашей общественной и литературной жизни.

У меня тоже есть письма Горького, воспоминания о беседах с ним, но я не предаю и не предаю этот материал гласности в интересах сохранения в народе цельного образа великого писателя, пришедшего к полному единению со своим народом, с партией, с советским государством».

Писатель Сергеев-Ценский С. Н. на заявление одного из писателей о невозможности создавать реалистические произведения в условиях советской действительности сказал: «Подлинный писатель всегда, при всех препятствиях, проявит себя, свой талант. Реализм – это вовсе не все, без разбору, подробности жизни, какие наблюдает писатель. Писатель находит нужную дистанцию для изображения и показывает основное в жизни. Раньше, до революции, существовала власть денег, страсть к накоплению и рабство нестойких писателей перед модой, перед требованиями публики, искавшей острых, скажем, половых проблем. Настоящий писатель был тогда в меньшинстве, – это заставляло меня жить в уединении и быть раньше всего художником. Теперь есть возможность писать и печатать, и я этому пример».

Писатель Вирта Н. Е.: «Писателю сейчас ставятся очень большие преграды в цензурном отношении, творчество писателя чересчур зависит от случайного мнения тех или иных лиц. Я не согласен, когда на страницах центральных газет появляется сразу убийственный приговор тому или иному писателю. Считаю, что такая критика не нужна и подчас даже вредна. Лица, которые пишут подобные отзывы, являются малокомпетентными судьями и во всяком случае плохими критиками».

Несколько своеобразную позицию занимает *писатель Илья Эренбург*, осуждающий антивоенные стихи Асеева и одновременно высказывающий недовольство существующей системой цензуры и критики: «Нам придали большое значение и за нами бдительно следят. Вряд ли сейчас возможна правдивая литература, она вся построена в стиле салютов, а правда – это кровь и слезы.

Очень показательна история с Зощенко, Сельвинским, Чуковским, Фединым. В ней виден административный произвол. Другое дело Асеев, он написал во время войны антивоенные вещи, и ему за это влетело.

Однако случаи с Зощенко, Сельвинским, Чуковским, Фединым иное. Они носят очень грубую форму. Лет десять назад обо мне могли писать самые отрицательные статьи, называть буржуазным писателем и одновременно печатать. Ныне другое – раз Зощенко или Чуковский уничтожены в „Правде“ или „Большевике“, их уже никто не печатает, и это ставит писателей в страшное положение общественного остракизма без видимой вины.

Мы, писатели, предали искусство и пошли на время войны в газету. Это была общественная необходимость, жертва, но этого никто не оценивает. С писателями обращаются черт знает как.

Я – Эренбург, и мне позволено многое. Меня уважают в стране и на фронте. Но и я не могу напечатать своих лучших стихов, ибо они пессимистичны, недостаточно похожи на стиль салютов. А ведь война рождает в человеке много горечи. Ее надо выразить».

За последнее время поступают сведения в отношении писателя Гладкова Ф. В., свидетельствующие о наличии у него антипартийных взглядов на положение советской литературы и перспективы ее развития.

Так, *Гладков* говорит: «В моей „Клятве“ все, что было от писательских размышлений, от политической мысли, от художественного образа, – все выброшено. И не цензурой, а там, „наверху“ чиновниками Александрова. Я не могу и не хочу быть участником прикладной литературы, а только такая литература сейчас легальна... Мы, старые большевики, всегда боролись за свободу творческой жизни пролетариата. Но теперь старые большевики не в моде, революционные принципы их неуютны... Трудно писать. Невыносимо трудно. А главное – поговорить не с кем. Исподличались люди...»

«В свое время профессия писателя понималась как „служение“, теперь она воспринимается как казенная служба. Писательский труд используется для голой агитации; оценки литературного произведения по его художественным достоинствам не существует; искусственно создается литературная слава людям вроде Симонова и Горбатова, а настоящие писатели в тени».

«Отсутствие творческих интересов и равнодушие писателей друг к другу объясняются взглядом руководящих товарищей на литературу как на подсобное хозяйство в политике. Литература лишена всякой самостоятельности и поэтому потеряла жизнедеятельность. Художники впадают в жалкое, в творческом смысле, существование; процветают лакеи, вроде Катаева или Вирты, всякие шустрые и беспринципные люди... Совершенно губительна форма надзора за литературой со стороны ЦК партии, эта придирчивая и крохоборческая чистка каждой верстки журнала инструкторами и Еголиным... Уже не говоря о том, что это задерживает выход журналов, нивелирует и выхолащивает литературу, это, к тому же, не спасает от ошибок (пример с повестью Зощенко)... Такая практика должна быть сломана, если товарищи хотят, чтобы наш Великий Союз имел если не великую, то хотя бы большую литературу.

Я не тешу себя иллюзиями относительно перемен в литературном деле. Все мы – навоз для будущих литературных урожаев. Литература встанет на ноги только через 20–30 лет. Это произойдет, когда народ в массе своей, при открытых дверях за границу, станет культурным. Только тогда чиновники будут изгнаны с командных постов... Бедственно положение писателя, очевидца и участника грандиозных событий, у которого, тем не менее, запечатан рот, и он не может высказать об этих событиях своей писательской правды... Литература видела на своем веку Бенкендорфов всех мастей и все-таки осталась жива. Минует ее и наше лихо-летье...»

«Обо всем этом должны знать наверху, но там не знают. Было время, когда писатели – и я в том числе – разговаривали со Сталиным о литературе, а теперь к нему не пускают, и даже письма писателей не доходят до него».

Антисоветски настроенные элементы из числа писателей критику и осуждение вредных произведений, а также положение в советской литературе оценивают с враждебных позиций, заявляя, что в условиях советской действительности литература существовать и развиваться не может.

Драматург Погодин Н. Ф.: «В книге Федина много ценных мыслей и высказываний, она должна быть настольной книгой каждого писателя. Самое ценное в ней – мысль автора: „Надо слушать, но не слушаться“. Это книга, утверждающая право художника мыслить и писать, о чем он хочет, не считаясь с „указками“».

Писатель Кассиль Л. А.: «Все произведения современной литературы – гниль и труха. Вырождение литературы дошло до предела. Союз писателей надо немедленно закрыть, писателям же предоставить возможности собираться группами у себя на квартирах и обсуждать написанное сообразно своим творческим симпатиям и взглядам. Это – единственный путь...»

По полученным агентурным данным, чуждые советской идеологии произведения писателей Сельвинского, Асеева, Зощенко, Чуковского, Федина и Довженко нашли одобрение среди антисоветски настроенных студентов литературного института Союза писателей, которые превращают осужденные произведения в «шедевры» современной литературы, отвергают принципы социалистического реализма и пытаются разрабатывать «новые теории» развития литературы и искусства.

*Народный комиссар государственной безопасности
Союза ССР МЕРКУЛОВ
Источник: Родина. 1992. № 1. С. 92–96.*

Из стенограммы заседания Комитета по присуждению Сталинских премий в области литературы и искусства

24 марта 1945 г.

Присутствовали: Александров А. В., К. Байсеитова, Глиэр Р. М., Гольденвейзер А. Б., Грабарь И. Э., Дунаевский И. О., Колас Якуб, Корнейчук А. Е., Мордвинов А. Г., Москвин И. М., Мясковский Н. Я., Х. Насырова, Софроницкий В. В., Симонов, Самосуд, Храпченко М. Б., Хорава А. А., Черкасов Н. К., Чиаурели М. Э., Шапорин Ю. С., Фадеев А. А. и др.

Председатель И. М. Москвин

Секретарь О. С. Бокшанская

Обсуждение доклада секции музыки (Докладчик Р. М. Глиэр)

<...>

Р. М. Глиэр: Следующая кандидатура – Левитан, диктор. Все его знают.

И. М. Москвин: По какому разделу его выставляют?

Мержанова: Нам в Секцию прислали.

И. М. Москвин: Читает он замечательно – приказы.

А. В. Александров: Всегда на той же самой ноте и в той же самой гамме. Но к музыке какое отношение он имеет?

[*О. С. Бокшанская:* Здесь не только музыканты, но и чтецы.]

Р. М. Глиэр: Левитан снимается.

Коллектив Ленинградской Филармонии.

М. Б. Храпченко: Вообще говоря, коллективам премия не присуждается, а присуждается определенным лицам за конкретные вещи.

А. Б. Гольденвейзер: Здесь очень сложный вопрос. Коллектив первоклассный. У нас ордена дают театру или какому-нибудь оркестру. Отсюда не следует, что каждый работник этого театра или оркестра является орденоносцем. Если бы мы могли дать премию коллективу оркестра, причем не считалось бы, что каждый член коллектива – лауреат, это можно было бы, а так сразу 150 лауреатов делаем.

А. В. Александров: Это не подходит.

М. Б. Храпченко: Дать звание заслуженного коллектива республики.

Р. М. Глиэр: Кандидатура Коллектива Ленинградской Филармонии исключается.

<...>

3 апреля 1945 г.

Присутствовали: Александров А. В., К. Байсеитова, Глиэр Р. М., Гольденвейзер А. Б., Колас Якуб, Корнейчук А. Е., Мордвинов А. Г., Мясковский Н. Я., Х. Насырова, Самосуд, Михоэлс, Герасимов А. М., Храпченко М. Б., Софроницкий, Хорава А. А., Фадеев А. А., Чиатурели М. Э., Шапорин Ю. А., И. Н. Юра и др.

Председатель И. М. Москвин

Секретарь О. С. Бокшанская

Перед заседанием состояло прослушивание песен композитора Блантера: «Вечная слава героям», «Под звездами Балкан», «Полюбила я парнишку», «В прифронтовом лесу», «Застольная».

Обсуждение доклада секции музыки (Докладчик Р. М. Глиэр)

Перехожу к списку «Крупные инструментальные произведения».

Мясковский Н. Я. «Квартет № 9», на 1-ю премию, 25 голосов.

Хачатурян А. Г. «Симфония № 2», на 1-ю премию, 24 голоса.

Шостакович Д. Д. Симфония № 8, на 2-ю премию, 20 голосов.

Ввиду того, что в этом году были представлены квартет¹⁰ и трио, мы выдвинули трио, как отличное произведение, которое следовало бы премировать первой премией. И вот предложение – объединить 8-ю симфонию и трио, чтобы баллотировать на 1-ю премию.

И. М. Москвин: За 44-й год его тогда баллотировать будут?

М. Б. Храпченко: Я внес бы предложение заменить 8-ю симфонию трио, голосовать трио, а 8-ю симфонию снять. В прошлом году я такой точки зрения придерживался, и сейчас ее держусь. 8-я симфония вызывает очень много споров и возражений.

А. Г. Мордвинов¹¹: Я предложил бы снять и 8-ю симфонию, и трио.

М. Б. Храпченко: Трио очень хорошее.

А. Г. Мордвинов: Нет.

А. А. Фадеев: Все-таки это очень разные явления – 8-я симфония и трио. Почему 8-я симфония прошла на 2-ю премию? Потому что она очень спорная, только поэтому.

С. А. Самосуд: Вопрос очень острый. 8-я симфония – произведения очень высокого класса, чрезвычайно высокого класса. Но это спорно просто. Не премировать ее – как-то непорядок. Даже был разговор, что то, что она прошла на 2-ю премию, в этом тоже есть какое-то неудобство.

М. Б. Храпченко: Прошел год с того момента.

С. А. Самосуд: Ее никто не слышал. Это большое мастерство. Для нас, музыкантов, это большой вопрос.

А. Г. Мордвинов: Нам предложили прослушать квинтет Вейнберга. Я не знаю, насколько это грамотно, но слушать подобные вещи на Комитете по Сталинским премиям, я считаю, просто недопустимо. Какой-то мальчик приносит сюда полную белиберду, совершенно невыносимую. Причем вместо того, чтобы этого мальчика как-то направить, займись, мол, серьезным делом, а не занимайся этой белибердой, мы поощряем подобные явления, заслушиваем в Комитете по Сталинским премиям. Если бы кто-нибудь принес сюда футуристическую мазню, мы не стали бы смотреть на Комитете по Сталинским премиям, а почему такую футуристическую мазню мы принуждены слушать? Это возмутительное явление, это какофония невероятнейшая. Это был кошачий концерт какой-то. Какие-то попытки технического изобретательства: то пальцем, то смычком. Мы смеялись, что за спину ему нужно еще что-нибудь привесить, чтобы было на чем там пощелкать. Как это возможно?

¹⁰ Второй.

¹¹ Архитектор, автор, в частности, гостиницы «Украина».

По этому поводу я хочу поднять принципиальный вопрос. Комитет по Сталинским премиям имеет какие-то критерии для оценок. Он подходит ко всем произведениям с точки зрения социалистического реализма. Если бы по живописи нам представили футуристическую мазню, мы не стали бы смотреть. Если бы какую-то заумь представили в литературе, мы не стали бы ее слушать. А почему в музыке такое формалистическое трюкачество мы должны слушать?

[И. М. Москвин: Музыка – самое темное дело.]

Такие вещи не нужно допускать на Комитет по Сталинским премиям. Сейчас есть резонанс среди молодежи, что вот слушал Комитет по Сталинским премиям.

Некоторые могут говорить и в отношении Шостаковича, что мы ничего не понимаем в музыке. Но ведь эта музыка пишется для масс. Мы слушали квартет Шостаковича. Чем он отличается от квинтета Вейнберга? Конечно, один учитель, а другой ученик, но это какофония невыносимая, едва удерживаешься, чтобы не уйти. А мы о Шостаковиче говорим – гений, гений, гений. Мы потворствуем этому. Говорят, что мы Шостаковича не понимаем, что это музыка будущего. Эти разговоры мы слышим давно. Возьмите многомиллионную интеллигенцию: с огромной любовью, вниманием и пониманием слушают и Чайковского, и Глинку, и целый ряд других, не только русских, но и зарубежных гениальных музыкантов. Слушают, любят, понимают, а такую какофонию, как музыка Шостаковича, конечно, не понимают.

Говорят, что это музыка будущего. Может быть, он ставит технические проблемы (это какая-то музыкальная лаборатория), пытается обогатить музыкальную палитру. Ну хорошо, лабораторным путем это оценят как угодно, это дело специалистов, но как музыку, которую ощущает, может быть, десяток музыкантов, едва ли мы это рекомендуем, поставим как пример и т. д. Я не понимаю этих явлений. Мы присуждаем премии по литературе Толстому, Шолохову, Фадееву, Корнейчуку – так их миллионы людей знают, любят, понимают. Какую-нибудь заумь литературную или стихотворную мы не будем поощрять, а почему этот чистый техницизм, формализм, заумь в музыке мы будем поощрять?

После этого квартета, невероятного сумбура и какофонии в трио прозвучали какие-то законченные фразы, и говорят, что это очень хорошо. А послушать отдельно это трио, так оно ничего особенно хорошего собой не представляет. Оно понравилось потому, что мы его слушали после этой какофонии. Мне кажется, что мы Шостаковичу слишком много внимания уделяем и этим открываем путь для такого типичного формализма. Говорят, что в Америке его признают. А сколько левых художников различных направлений тоже американские и английские художники признавали? Это вовсе не значит, что и мы должны этот формализм поощрять. Это не основная линия развития, не этим путем будет развиваться музыка. Она будет развиваться от мировых классиков, а это побочная линия, чистый техницизм, который обогащает, дает чисто техническое обогащение музыки, но это не основное русло музыки, и поощрять это дело не нужно.

Когда исполняется 8-я симфония, много там какофонии, но слышится что-то такое, что каждый думает, что это пальба, «катюши» визжат и т. д., а вот уж квартет и трио – там оправдать этого нельзя.

Шостаковича не выдвигали на Сталинскую премию в этом году. С какой стати нам поощрять? А когда мы поощряем Шостаковича, появляются и Вейнберги, которые чудовищные вещи приносят. Молодежь идет за ним. Нам нужно стоять на позиции социалистического реализма, как во всех областях искусства, и мы должны поощрять те произведения в живописи, литературе и других областях, которые оценит и вся наша многомиллионная интеллигенция, и весь наш народ, а заумь такую зачем нам поощрять.

А. А. Фадеев: Мне, вообще говоря, очень симпатично выступление Мордвинова по направлению его удара, по основным мыслям, потому что это верно, что в таких областях

как литература и живопись, мы лучше разбираемся, что такое формализм, и сразу видим. А в области музыки мы очень робки, и когда специалисты говорят, мы почтительно смолкаем, не полагаясь на живой голос сердца, который в этой области имеет очень большое значение. Так что очень уместно на эту тему поговорить.

А в конкретном обсуждении данных кандидатов мне кажется, что неправильно объединять Шостаковича и Вейнберга просто по качеству, по разнице талантов этих композиторов. Если говорить очень принципиально по вопросам о формализме, о социалистическом реализме, никогда не следует забывать, что и до сих пор формализм существует и с ним бороться нужно, а с другой стороны, есть другая сторона вопроса, что не нужно придергиваться только традиционности, и в области той же живописи мы недавно слышали, что весь французский импрессионизм причислялся к формалистам, что Врубеля считали формалистом и т. д. . . . Поиски нового, многообразия тоже должны быть.

По вопросу о Шостаковиче я поддерживаю точку зрения Михаила Борисовича¹² насчет того, что нужно премировать его за трио и дать первую премию. Я не согласен с Мордвиновым, что трио можно назвать вещью формалистической. Оно впечатляет человека, очень неискушенного в специфических вопросах музыки. Просто человека, имеющего живую душу, это произведение захватывает. Это выдающееся произведение. Я – человек с полным отсутствием музыкального образования, но меня это произведение исключительно впечатлило, и я долго находился под его впечатлением. Из всего, что мы на Комитете слышали, наиболее сильно впечатление у меня осталось от этого трио.

Если говорить относительно 8#й симфонии, то я опять-таки робею, когда специалисты говорят то-то и то-то, я тоже слышал ее и она не отвечает моей душе, оставляет меня холодным, иногда нервирует и злит, вызывает желание выйти, чтобы отдохнула нервная система. Я не могу являться сторонником такого явления в музыке. Я могу уважать по незнанию то, что люди говорят об этом, но я не могу быть сторонником этого, потому что не обязан отказываться от самого себя в тех явлениях, которые созданы для меня в числе прочих. Это было бы неправильно. И таких, как я, не мало людей. Эта 8#я симфония, действительно, встречает много принципиальных противников, вне зависимости от качества Шостаковича, как композитора, в целом. За два года получилось так, что появилось такое произведение Шостаковича, на котором можно единодушно сойтись и которое отвечает душе разных людей, и премировать его первой премией, с чистой душой, это было бы правильно. Я поддерживаю предложение М. Б. Храпченко.

И. М. Москвин: Пусть товарищи выскажутся, за что премировать – за 8-ю симфонию и за трио или только за трио.

А. А. Фадеев: Соединять их странно. Зачем я буду голосовать за 8-ю симфонию, которую я не принимаю. Шостакович такой композитор, что возьмешь и проголосуешь, раз трио есть, но это неправильно, что это за принудительный ассортимент.

С. М. Михозлс: Разрешите высказать свою точку зрения о 8#й симфонии. Я нахожу, что 8#я симфония абсолютно выдающееся произведение, но неровное, не все части одинаковые, это верно. Обвинение, которое было ей предъявлено в прошлом году, что она пессимистична, не соответствует действительности. Та м есть трагизм, это верно, но разве не трагично наше время? В нем много трагизма имеется, но это трагизм очень высокий и оптимистического характера. Трагизм – это не пессимизм. 8#я симфония – выдающееся произведение. Отдельные моменты (IV часть) – просто вершина его работы, и пройти мимо такой работы неверно.

Очень показательно голосование в прошлом году. Он получил 20 голосов из 29.

[*М. Б. Храпченко:* Но за 2-ю премию. Раз это выдающееся произведение, то непонятны результаты голосования.]

¹² Храпченко – Председатель Комитета по делам искусств при Совнаркомме СССР.

Относительно Шостаковича мое мнение такое, что просто взять и снять его с чашки весов – это неверно. Отдельные части его симфонии – это вершина и даже по реалистической манере. IV часть включает в себе элементы нового Шостаковича, гораздо больше, чем I#я часть 7#й симфонии, которая очень иллюстративна.

М. Б. Хранченко: Можно по-разному относиться к Шостаковичу. Большинство все-таки считает, что это необычайно талантливый человек. Мне представляется, что в творчестве Шостаковича есть разные тенденции: квартет [*Квинтет?*] и 7#я симфония – это одна тенденция, это реалистические произведения, такие произведения, где большие чувства народные выражаются, и есть другая тенденция глубоко формалистическая, индивидуалистическая, и он эту вторую тенденцию не преодолел ни в какой мере, и это сказывается в 8#й симфонии. 8#я симфония углубленно индивидуалистическое произведение и по общему колориту, и по своей сущности. Он говорит здесь о себе, о своем ощущении жизни и таким своеобразным, утонченным языком, который понятен лишь узкому кругу людей. Это не реалистическое произведение. Факты говорят, что люди очень большой культуры, люди, которые давно находятся в сфере самых различных музыкальных влияний не понимают это произведение. Я могу сослаться не только на пример Фадеева, не понимают его и другие, а если люди такой культуры, как Фадеев, не понимают Шостаковича, то что можно говорить о широких кругах интеллигенции, о рядовых слушателях? Может быть, через 10–15 лет выяснится, что это произведение гениальное, очень хорошее. Но зачем нам спешить с оценкой? А может быть, оно не будет оценено в веках. Одно ясно, что это произведение сейчас не находит живых связей с народом, оно не обращено к народу, в нем нет элементов, которые близки народу. Почему мы будем освящать это Сталинской премией, которая подразумевает какой-то элемент народности произведения в той или другой мере. Если этого элемента мы не чувствуем сейчас, зачем мы будем премировать? Я высказываюсь за то, чтобы 8-ую симфонию не премировать.

А. Г. Мордвинов: Мы по музыке впервые затронули принципиальный вопрос о социалистическом реализме. Интересно мнение товарищей.

А. Б. Гольденвейзер: В оценке музыкальных произведений есть принципиальная точка зрения, а есть отнесение отдельных произведений к тому или другому виду музыкального искусства. С тем, что высказал Мордвинов, принципиально я всецело согласен, но в оценке того, является ли то или другое музыкальное произведение формалистическим или таким, которое включает в себе элементы здорового реализма, можно расходиться. Когда мы говорим о произведениях живописи, литературы, здесь критерий у всех является гораздо более простым, потому что рассказывается о явлениях жизни, которые мы все знаем, и судим о том, как они претворены в данном произведении. Музыка говорит на своем, неконкретном языке, который трудно перевести в конкретные формы, и запутаться здесь очень легко. Иногда бывает действительно формалистическое произведение, а иногда произведение живое и настоящее, подлинное, но говорящее так, что непривыкшему к этому языку слушателю оно может показаться непонятным. Такое явление было с 9#й симфонией Бетховена, которая была современникам не по плечу, а это произведение, вполне отвечающее понятию реализма в искусстве. Здесь очень трудная проблема. Говорить о музыканте, что его произведение формалистическое, потому что я его не понял, не всегда правильно будет.

[*А. Г. Мордвинов:* А Вейнберга произведение?]

Глубоко формалистично. Очень талантливый человек, который, с моей точки зрения, написал отвратительную музыку. А трио Шостаковича – это произведение, которое производит впечатление не только на музыкантов, но и на широкие массы. Оно имеет успех у очень широкой аудитории. Когда исполняется это произведение, зал наполнен, и оно находит отклик у самых широких кругов. Одни высоко ценят 8-ю симфонию, другие нет, но смешивать Вейнберга и Шостаковича в одну кучу – это ошибка.

М. Б. Храпченко: Шостакович дважды получал премию: за 7-ю симфонию и за квартет¹³.

А. М. Герасимов: Вот голос человека, который не считает себя знатоком музыки, голос совершенно откровенный, и я не хочу ломать из себя персону, которая во всем понимает: Шостаковича квартет не дошел до меня, в трио, причем должен оговориться – заключительная часть – тронула меня за душу. Заключительная часть меня тронула в трио, а остальное – нет.

И. М. Москвин: Решение должно быть: одно трио или плюс 8#я симфония.

М. Б. Храпченко: Есть предложение 8-ю симфонию переголосовать, или ее исключить.

И. М. Москвин: Открытым голосованием это нельзя решить.

А. А. Фадеев: Открытым голосованием это нельзя решить. Если бы было единодушное мнение, что снять 8-ю симфонию и дать за трио, мы могли бы обойтись без переголосования, а здесь приходится переголосовать.

А. Б. Гольденвейзер: В сомнительных случаях мы должны постановить – переголосовать, а открытым голосованием отменять закрытую баллотировку нельзя.

М. Б. Храпченко: Предложить товарищам 8-ю симфонию и трио отдельно голосовать, и кто против 8#й симфонии, тот ее вычеркнет.

С. М. Михоэлс: И нужно приписывать – 1#я или 2#я премия.

Р. М. Глиэр: Итак, Шостакович перебаллотировуется за оба произведения.

Источник: <http://sglavatskih.narod.ru>

Биографическая справка Щербаков Александр Сергеевич (27.09.1901, Руза Московской губернии – 10.05.1945, Москва)

Партийный деятель, генерал-полковник (1943). Сын рабочего, брат жены А. А. Жданова. Учился в Коммунистическом институте имени Я. М. Свердлова (не окончил). Образование получил в Институте красной профессуры (1932). С 1912 работал на заводе. В 1918 вступил в РКП(б). Во время Гражданской войны – на комсомольской работе в Рыбинске,

¹³ За квинтет.

затем – в ЦК РКСМ. В 1932–1936 работал в аппарате ЦК ВКП(б), «кадровый аппаратчик». С 1934 1#й секретарь Союза писателей СССР. Хотя формально Союз возглавлял М. Горький, все административные, хозяйственные и политические вопросы решались Щербаковым. В 1935–1936 завотделом культурно-просветительской работы ЦК ВКП(б). В 1936–1937 2#й секретарь Ленинградского, в 1937–1938 1#й секретарь Восточно-Сибирского (Иркутского) обкома ВКП(б). В 1938 1#й секретарь Донецкого (Сталинского) обкома КП(б) Украины. С 1938 1#й секретарь Московского областного и городского комитетов ВКП(б). С 1939 член ЦК ВКП(б) и с 22.03.1939 Оргбюро ЦК. Н. С. Хрущев назвал его характер «ядовитым, змеиным». В 1941 его карьера пережила еще более блестящий взлет: 4.05.1941 он стал секретарем ЦК, а с 21.07.1941 – кандидатом в члены Политбюро. Одновременно с июня 1942 Щербаков также занял пост начальника Главного политического управления РККА, в 1942–1943 заместитель наркома обороны СССР, председатель Совета военно-политической пропаганды, начальник Совинформбюро. В 1943–1945 также был завотделом международной информации ЦК ВКП(б). Таким образом, в его руках И. В. Сталин сосредоточил огромную политическую власть. Безраздельно руководил всей пропагандистской и контрольно-политической машиной РККА. Во время войны Щербаков по своим каналам пытался раздобыть оперативную информацию и доложить ее Сталину первым, в обход Генштаба, и так повысить свой авторитет. По воспоминаниям Н. С. Хрущева, «он и сам глушил крепкие напитки, и других втягивал в пьянство в угоду Сталину». Умер от сердечного приступа после сильного запоя. «Берия тогда правильно говорил, – вспоминал Хрущев, – что Щербаков умер потому, что страшно много пил. Опился и помер». Прах погребен в Кремлевской стене. В 1952–1953, когда начало раскручиваться «дело врачей», часть из них были в т. ч. обвинены в том, что довели Щербаков до смерти неправильным лечением.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О Почетном Знаке Лауреата Сталинской премии»

Во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 г. «Об учреждении Почётного Знака Лауреата Сталинской премии» Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Утвердить новый образец Почётного Знака Лауреата Сталинской премии.
2. Утвердить описание нового Почётного Знака Лауреата Сталинской премии.
3. Установить, что Почётный Знак Лауреата Сталинской премии носится на правой стороне груди выше орденов и медалей СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 1 сентября 1945 г.

Описание Почетного Знака Лауреата Сталинской премии

1. Почётный Знак Лауреата Сталинской премии имеет вид правильного круга диаметром 23 мм, толщиной 2 мм.

На лицевой стороне Почётного Знака в центре барельеф товарища Сталина в профиль, окаймленный снизу и справа лавровой ветвью.

На оборотной стороне медали надпись: «Лауреат Сталинской премии» и год присуждения Сталинской премии.

2. Почётный Знак Лауреата Сталинской премии изготавливается:

для лауреатов Сталинской премии первой степени – из золота;

для лауреатов Сталинской премии второй степени – из серебра с золотым барельефом;

для лауреатов Сталинской премии третьей степени – из бронзы с серебряным барельефом.

3. Почётный Знак соединен при помощи ушка и колечка с прямоугольной пластинкой высотой 15 мм и шириной 24 мм. Внутренняя часть пластинки покрыта красной муаровой лентой. На оборотной стороне пластинки имеется стальная булавка для прикрепления Почётного Знака к одежде.

«Правда», 02.09.1945 г.

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских Премий в области искусства и литературы за 1943–1944 годы»

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Присудить Сталинские Премии за выдающиеся работы 1943 и 1944 годов в области:

А. МУЗЫКИ

1. КРУПНЫЕ МУЗЫКАЛЬНО-СЦЕНИЧЕСКИЕ И ВОКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (ОПЕРА, БАЛЕТ, ОРТОРИЯ, КАНТАТА)

Премия ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ШАПОРИНУ Юрию Александровичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору Московской Государственной консерватории имени П. М. Чайковского – за ораторию «Сказание о битве за русскую землю».

Премия ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ШТОГАРЕНКО Андрею Яковлевичу – за кантату «Украина моя».

II. КРУПНЫЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. МЯСКОВСКОМУ Николаю Яковлевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского – за квартет № 9.

2. ПРОКОФЬЕВУ Сергею Сергеевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР – за симфонию № 5 и сонату № 8.

3. ХАЧАТУРЯНУ Араму Ильичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР и Армянской ССР – за симфонию № 2.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей.

1. БАЛАНЧИВАДЗЕ Андрею Мелитоновичу, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР, профессору Тбилисской Государственной консерватории – за симфонию № 1.

2. ПОПОВУ Гавриилу Николаевичу – за симфонию № 2.

3. РАКОВУ Николаю Петровичу, профессору Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского – за концерт для скрипки с оркестром.

4. ФЕЙНБЕРГУ Самуилу Евгеньевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского – за концерт для фортепьяно с оркестром.

III. ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАЛЫХ ФОРМ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей.

1. ГЛИЭРУ Рейнгольду Морицовичу, народному артисту СССР, профессору Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского – за концерт для голоса с оркестром.

2. ЗАХАРОВУ Владимиру Григорьевичу, народному артисту СССР – за песни: «Слава Советский державе», «Величальная И. В. Сталину», «Про пехоту», «Куда б ни шел, ни ехал», «Величальная В. М. Молотову», «Стань лицом на Запад», «Про Катюшу».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ШОСТАКОВИЧУ Дмитрию Дмитриевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского – за трио.

2. ЧЕМБЕРДЖИ Николаю Карповичу – за струнный квартет.

3. НОВИКОВУ Анатолию Григорьевичу – за песни: «Вася-Василёк», «Где орел раскинул крылья», «Ветер студеный», «Партизанская думка», «Пять пуль» и другие.

IV. КОНЦЕРТНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ГОЛОВАНОВУ Николаю Семеновичу – дирижеру.

2. ГИЛЕЛЬСУ Эмилю Григорьевичу – пианисту.

3. КВАРТЕТУ имени Бетховена в составе: БОРИСОВСКОГО Вадима Васильевича, заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского, ЦЫГАНОВА Дмитрия Михайловича, заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского, ШИРИНСКОГО Василия Петровича, заслуженного деятеля искусств РСФСР, доцента Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского, ШИРИНСКОГО Сергея Петровича, заслуженного деятеля искусств РСФСР, доцента Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского.

4. МРАВИНСКОМУ Евгению Александровичу, заслуженному артисту РСФСР – дирижеру.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. КВАРТЕТУ имени Комитаса в составе: АСЛАМАЗЯНА Сергея Захаровича, заслуженного деятеля искусств Армянской ССР, БАЛАБАНЯНА Никиты Карповича, заслуженного деятеля искусств Армянской ССР, ТЕР-ГАБРИЕЛЯНА Авета Карповича, заслуженного

деятеля искусств Армянской ССР, ТЕРИАНА Михаила Никитича, заслуженного деятеля искусств Армянской ССР.

2. ПАНТОФЕЛЬ-НЕЧЕЦКОЙ Деборе Яковлевне, заслуженной артистке РСФСР, певице.

Б. ЖИВОПИСИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ГЕРАСИМОВУ Александру Михайловичу, народному художнику СССР – за картину «Портрет старейших художников».

2. АВИЛОВУ Михаилу Ивановичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР – за картину «Поединок на Куликовом поле».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ЕФАНОВУ Василию Прокофьевичу – за картину «У больного Горького».

2. ИВАНОВУ Виктору Семеновичу, КОКОРЕКИНУ Александру Александровичу, ГОЛОВАНОВУ Леониду Федоровичу, КОРЕЦКОМУ Виктору Борисовичу – за серию военных плакатов.

3. ПАХОМОВУ Александру Федоровичу – за серию литографий «Ленинград в дни блокады».

4. РОМАДИНУ Николаю Михайловичу – за серию пейзажей «Волга – русская река».

В. СКУЛЬПТУРЫ

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. АЗГУРУ Заиру Исааковичу, народному художнику БССР – за портреты: дважды Героя Советского Союза Молодчего, Героя Советского Союза Родимцева, Героя Советского Союза Сельницкого.

2. ОРЛОВУ Сергею Михайловичу – за скульптуру «Мать», фарфоровые группы «Александр Невский» и «Сказка».

Г. АРХИТЕКТУРЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ГЕЛЬФРЕЙХУ Владимиру Георгиевичу, члену-корреспонденту Академии архитектуры СССР, РОЖИНУ Игорю Евгеньевичу – за архитектурные проекты станции Московского метрополитена «Электrozаводская» и верхнего вестибюля станции Московского метрополитена «Новокузнецкая».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ДУШКИНУ Алексею Николаевичу – за архитектурный проект станции Московского метрополитена «Завод имени Сталина».

2. РОМАНОВСКОМУ Ивану Михайловичу, инженер-подполковнику, ВАСИЛЬКОВСКОМУ Сергею Владимировичу, АРЕФЬЕВУ Александру Васильевичу, кандидату архитектурных наук – за проект жилого городка при заводе в г. Гурьеве, Казахской ССР.

Д. ТЕАТРАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ХМЕЛЕВУ Николаю Павловичу, народному артисту СССР; МОСКВИНУ Ивану Михайловичу, народному артисту СССР; ТАРАСОВОЙ Алле Константиновне, народной артистке СССР; ШЕВЧЕНКО Фаине Васильевне, народной артистке РСФСР; ДМИТРИЕВУ Владимиру Владимировичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР – за спектакль «Последняя жертва» в Московском орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Художественном Академическом театре СССР имени М. Горького.

2. КЕДРОВУ Михаилу Николаевичу, народному артисту РСФСР, БОЛДУМАНУ Михаилу Пантелеймоновичу, заслуженному артисту РСФСР, ПРУДКИНУ Марку Исааковичу, народному артисту РСФСР, ТОПОРКОВУ Василию Осиповичу, народному артисту РСФСР, ПОПОВОЙ Вере Николаевне, заслуженной артистке РСФСР, ЭЗОВУ Лазарю Давидовичу, артисту – за спектакль «Глубокая разведка» в Московском орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Художественном Академическом театре СССР имени М. Горького.

3. ЗАВАДСКОМУ Юрию Александровичу, народному артисту РСФСР и Казахской ССР – за постановку спектаклей «Нашествие», «Отелло» и «Встреча в темноте» в Московском драматическом театре имени Моссовета.

4. ИЛЬИНСКОМУ Александру Константиновичу, народному артисту БССР, СЕРГЕЙЧИКУ Тимофею Николаевичу, народному артисту БССР, МОЛЧАНОВУ Павлу Степановичу, народному артисту БССР, ЛОЙТЕРУ Нохуму Борисовичу, режиссеру, ЛЮБАНУ Исааку Исааковичу, композитору – за спектакль «Нестерка» во Втором Белорусском Государственном драматическом театре (гор. Витебск).

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ЗЕРКАЛОВОЙ Дарье Васильевне, заслуженной артистке РСФСР, ЗУБОВУ Константину Александровичу, народному артисту РСФСР – за спектакль «Пигмалион» в Государственном ордена Ленина Академическом Малом театре.

2. ОБРАЗЦОВУ Сергею Владимировичу, заслуженному артисту РСФСР – за выдающуюся работу в области кукольного театра.

3. ВОЛКОВУ Леониду Андреевичу, народному артисту РСФСР, КОЛЕСАЕВУ Валентину Сергеевичу, ВОРОНОВУ Ивану Дмитриевичу, НЕЙМАНУ Матвеем Семеновичу – за спектакль «Город мастеров» в Центральном Детском театре.

Е. ОПЕРНОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ДАВЫДОВОЙ Вере Александровне, заслуженной артистке РСФСР – за выдающиеся достижения в области оперного искусства и концертно-исполнительской деятельности.

2. ДАНИЭЛЯН Айкануш Багдасаровне, народной артистке СССР – за исполнение ролей Антонида в опере «Иван Сусанин», Маргариты Валуа в опере «Гугеноты» в Ереванском ордена Ленина театре оперы и балета имени Спендиарова.

3. ЛИТВИНЕНКО-ВОЛЬГЕМУТ Марии Ивановне, народной артистке СССР – за выдающиеся достижения в области оперного искусства.

4. МАКСАКОВОЙ Марии Петровне, заслуженной артистке РСФСР – за выдающиеся достижения в области оперного искусства и концертно-исполнительской деятельности.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ХАЙКИНУ Борису Эммануиловичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР – за постановку оперы «Иоланта» в Ленинградском ордена Ленина Академическом Малом оперном театре

2. КУГУШЕВУ Георгию Ивановичу, режиссеру, ВИКС Марии Густавовне, заслуженной артистке РСФСР, ДЫБЧО Сергею Афанасьевичу, заслуженному артисту РСФСР, ЕМЕ-

ЛЬЯНОВОЙ Полине Александровне, артистке – за спектакль «Табачный капитан» в Свердловском Государственном театре музыкальной комедии.

3. ИВАНОВУ Алексею Петровичу, солисту Государственного ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР – за исполнение ролей Демона в опере «Демон», Риголетто в опере «Риголетто», черта в опере «Черевички» и комиссара в опере «В огне».

Ж. БАЛЕТНОГО ИСКУССТВА

Премия ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей 1. СЕРГЕЕВУ Константину Михайловичу, заслуженному артисту РСФСР, солисту балета Ленинградского Государственного ордена Ленина Академического театра оперы и балета имени Кирова – за выдающиеся достижения в области балетного искусства.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. БУРМЕЙСТЕРУ Владимиру Павловичу, заслуженному артисту РСФСР, СОРОКИНОЙ Марии Сергеевне, заслуженной артистке РСФСР – за спектакли «Лола» и «Шехерезада» в Государственном музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

2. ЕРМОЛАЕВУ Алексею Николаевичу, народному артисту БССР, солисту балета Государственного ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР – за выдающиеся достижения в области балетного искусства.

3. ТУРГУНБАЕВОЙ Мукаррам, народной артистке Узбекской ССР – за выдающееся исполнение узбекских народных танцев.

3. ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ПЕТРОВУ Владимиру Михайловичу, заслуженному артисту РСФСР, режиссеру, ДИКОМУ Алексею Денисовичу, заслуженному артисту РСФСР, ГИНДИНУ Михаилу Ефимовичу, оператору – за кинокартину «Кутузов».

2. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ Сергею Михайловичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, режиссеру, ЧЕРКАСОВУ Николаю Константиновичу, народному артисту РСФСР, БИРМАН Серафиме Германовне, заслуженной артистке РСФСР, МОСКВИНУ Андрею Николаевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, оператору, ТИССЕ Эдуарду Казимировичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, оператору, ПРОКОФЬЕВУ Сергею Сергеевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, композитору – за кинокартину «Иван Грозный» (1#я серия).

3. АРНШТАМУ Лео Оскаровичу, режиссеру, ВОДЯНИЦКОЙ Галине Владимировне, артистке, ШЕЛЕНКОВУ Александру Владимировичу, оператору – за кинокартину «Зоя».

4. ЧИАУРЕЛИИ Михаилу Эдишеровичу, народному артисту Грузинской ССР, режиссеру, ХОРАВА Акакию Алексеевичу, народному артисту СССР, АНДЖАПАРИДЗЕ Верико Ивлиевне, народной артистке Грузинской ССР, ЗАКАРИАДЗЕ Сергею Александровичу, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР, ДИГМЕЛОВУ Александру Давидовичу, оператору – за кинокартину «Георгий Саакадзе» (2#я серия).

5. ДОНСКОМУ Марку Семеновичу, заслуженному деятелю искусств Туркменской ССР, режиссеру, УЖВИЙ Наталии Михайловне, народной артистке СССР, АЛИСОВОЙ Нине Ульяновне, артистке – за кинокартину «Радуга».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. РООМУ Абраму Матвеевичу, режиссеру, ЖАКОВУ Олегу Петровичу, заслуженному артисту РСФСР, ВАНИНУ Василию Васильевичу, заслуженному артисту РСФСР – за кинокартину «Нашествие».

2. ПЫРЬЕВУ Ивану Александровичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, режиссеру, ГУСЕВУ Виктору Михайловичу, автору сценария, ЛАДЫНИНОЙ Марине Алексеевне, заслуженной артистке РСФСР, ЛЮБЕЗНОВУ Ивану Алексеевичу, артисту, САМОЙЛОВУ Евгению Валериановичу, артисту, ХРЕННИКОВУ Тихону Николаевичу, композитору – за кинокартину «В шесть часов вечера после войны».

3. РОММУ Михаилу Ильичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, КУЗЬМИНОЙ Елене Александровне, заслуженной артистке РСФСР, ЗАЙЧИКОВУ Василию Федоровичу, артисту, ВОЛЧОК Борису Израилевичу, оператору – за кинокартину «Человек № 217».

4. ЭРМЛЕРУ Фридриху Марковичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, МАРЕЦКОЙ Вере Петровне, народной артистке РСФСР, РАПОПОРТУ Вульффу Абрамовичу, оператору – за кинокартину «Она защищает Родину».

И. ХРОНИКАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. АГАПОВУ Борису Николаевичу, сценаристу, ПОСЕЛЬСКОМУ Иосифу Михайловичу, режиссеру, ДОБРОНИЦКОМУ Виктору Васильевичу, оператору, ЦИТРОНУ Вульффу Самуиловичу, оператору, ХАВЧИНУ Абраму Львовичу, оператору – за кинокартину «Возрождение Сталинграда».

2. РАЙЗМАНУ Юлию Яковлевичу, режиссеру, КЛИМОВУ Аркадию Александровичу, оператору, МЕДВЕДЕВУ Леониду Васильевичу, оператору, ПОГОРЕЛОМУ Анатолию Ивановичу, оператору – за кинокартину «К вопросу о перемирии с Финляндией».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. АФАНАСЬЕВУ Всеволоду Ивановичу, оператору, МОГИЛЕВСКОМУ Григорию Александровичу, оператору, СУЩИНСКОМУ Владимиру Александровичу, оператору, ШКОЛЬНИКОВУ Семену Семеновичу, оператору – за кино съемки на фронтах Отечественной войны.

2. БЕЛЯЕВУ Василию Николаевичу, режиссеру, БЫКОВУ Николаю Владимировичу, оператору, ГЛИДЕРУ Михаилу Моисеевичу, оператору, СУХОВОЙ Марии Ивановне, оператору – за кинокартину «Народные мстители».

3. ЗГУРИДИ Александру Михайловичу, режиссеру, ТРОЯНСКОМУ Глебу Александровичу, оператору, АСМУСУ Виктору Николаевичу, оператору – за кинокартину «В песках Средней Азии».

4. ДОЛИНУ Борису Генриховичу, режиссеру, КАБАЛОВУ Григорию Александровичу, оператору – за кинокартину «Закон великой любви».

К. ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ШИШКОВУ Вячеславу Яковлевичу – за роман «Емельян Пугачев».

2. СТЕПАНОВУ Александру Николаевичу – за роман «Порт-Артур».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ГОРБАТОВУ Борису Леонтьевичу – за повесть «Непокоренные».

2. КАВЕРИНУ Вениамину Александровичу – за роман «Два капитана».

3. ВАСИЛЕВСКОЙ Ванде Львовне – за повесть «Просто любовь».

4. СИМОНОВУ Константину Михайловичу – за повесть «Дни и ночи».

Л. ПОЭЗИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. КУЛЕШОВУ Аркадию Александровичу – за поэму «Знамя бригады».
2. ТВАРДОВСКОМУ Александру Трифоновичу – за поэму «Василий Теркин».
3. СУРКОВУ Алексею Александровичу – за общеизвестные песни и стихи «Песня смелых», «За нашей спиной Москва», «Песня о солдатской матери», «Бьется в тесной печурке огонь», «Песня защитников Москвы», «Победа», «В смертном ознобе».
4. ЛОЗИНСКОМУ Михаилу Леонидовичу – за образцовый перевод в стихах произведения Данте «Божественная комедия».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. АНТОКОЛЬСКОМУ Павлу Григорьевичу – за поэму «Сын».
2. ГУЛЯМУ Гафуру – за сборник стихов «Иду с Востока».
3. ПЕРВОМАЙСКОМУ Леониду Соломоновичу – за сборники стихов «День рождения» и «Земля».
4. ПРОКОФЬЕВУ Александру Андреевичу – за стихи «Россия», «Не отдадим», «Клятва», «Застольная», «За тебя, Ленинград».

М. ДРАМАТУРГИИ

Премия ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

- 1 ТОЛСТОМУ Алексею Николаевичу – за пьесу «Иван Грозный».

Премия ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. МАРШАКУ Самуилу Яковлевичу – за пьесу «12 месяцев».

*Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И. СТАЛИН
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР Я. ЧАДАЕВ
Москва, Кремль, 26 января 1946 г.
«Правда», 2 7.01.1946*

"Правда", 7.11.1946 г.

ВРУЧЕНИЕ ПОЧЕТНЫХ ЗНАКОВ ЛАУРЕАТАМ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Вчера, 6 ноября, на торжественном заседании Комитета по Сталинским премиям были вручены почётные знаки большой группе деятелей литературы и искусства, удостоенных звания лауреата Сталинской премии. В зале собрались более 100 выдающихся композиторов, музыкантов-исполнителей, мастеров советского театра, кино, художников, архитекторов.

К награжденным обратился с речью заместитель председателя Комитета тов. Н.С.Тихонов, призвавший мастеров искусства к новым творческим успехам.

Первым получил почётный знак «Лауреат Сталинской премии» композитор Ю.А.Шапорин, за ним – Н.Я.Мясковский, Н.П.Раков, С.Е.Фейнберг,

Р.М.Глиэр, В.Г.Захаров, Д.Д. Шостакович, А.Г.Новиков, Н.С.Голованов.

Затем почётный знак вручили художнику В.П.Ефанову, архитектору В.Г.Гельфрейху. К столу президиума подходили один за другим деятели лучшего театра страны – МХАТ – А.Тарасова, Ф.Шевченко, М.Кедров, Г.Л.Болдуман, М.Прудкин и др. Вслед за ними председательствующий вручил почётные знаки мастерам других театров, в том числе Ю.Завадскому, Д.Зеркаловой, К.Зубову, С.Образцову, М.Максаковой, группе киноработников, драматургов, поэтов. Почётный знак покойного писателя В.Шишкова передаётся его наследникам.

Свидетельства и мнения

Из очерка Соломона Волкова «Первые Сталинские премии: Шостакович и другие»

В конце 1941 года вождю сообщили о том, что композитор завершил свою Седьмую симфонию, посвященную Ленинграду, в тот момент находившемся в немецкой осаде. Судьба этого сочинения беспрецедентна. Срочно исполненная уже в марте 1942 года (сначала в Куйбышеве, а затем в Москве, причем обе премьеры проходили в присутствии автора, вывезенного по указанию Сталина из блокадного Ленинграда на специальном самолете) Седьмая обрела неслыханную в истории симфонического жанра немедленную политическую релевантность.

Как и Пятая, эта симфония-роман семантически амбивалентна. Напористый финал Пятой симфонии можно воспринимать и как недвусмысленную картину массового торжества, и как попытку иронического и трагического осмысления (в русле идей Михаила Бахтина) типичного для сталинской эпохи навязанного сверху карнавального энтузиазма.

В Седьмой симфонии такую же возможность полярных истолкований предоставляет первая часть: изображает ли зловещая маршевая тема с одиннадцатью вариациями, исполняемая с неуклонным лавинообразным нарастанием звучности (так называемый «эпизод нашествия») немецкую атаку на Советский Союз, как об этом было немедленно объявлено в мировой прессе, или же безжалостное разворачивание и разрастание сталинского репрессивного аппарата, как на это намекал сам композитор в разговорах с близкими ему людьми?

Полисемантичесность Седьмой симфонии усилена ушедшим в подтекст религиозным мотивом: первоначально Шостакович (под влиянием Симфонии псалмов Стравинского, которую Шостакович чтит настолько, что сделанное им переложение для фортепиано этой великой партитуры XX века захватил с собой среди немногих пожитков, улетаая из осажденного Ленинграда) планировал задействовать в ней хор, который должен был бы распеть отрывки из библейских Псалмов Давида.

Эти религиозные обертоны чутко воспринимались русскими слушателями, на следовавших одно за другим советских исполнениях симфонии неизменно плакавших: в тяжелые годы войны музыка Шостаковича производила катарсическое впечатление, ведь концертный зал хоть как-то заменял людям вытесненную из социалистического быта церковь. Важным символическим событием, способствовавшим превращению Симфонии в квазирелигиозное произведение, стало ее организованное по указанию Сталина – как настоящая военная операция – исполнение 9 августа 1942 года истощенными музыкантами в блокадном Ленинграде, уже обретшем к этому времени статус города-мученика.

Для демократического Запада, ради победы над Гитлером временно отказавшимся от своей антибольшевистской позиции и вступившим в союз со Сталиным, высшей точкой в общественно-политическом статусе Седьмой симфонии Шостаковича стала ее транслировавшаяся на все Соединенные Штаты нью-йоркская премьера, проведенная 19 июля 1942 года под управлением Артуро Тосканини; последовали сотни североамериканских исполнений, и появившийся на обложке журнала «Тайм» 36-летний Шостакович превратился в США, как и в Советском Союзе, в наиболее популярного современного «серьезного» композитора.

Седьмая симфония стала вторым, после Фортепианного квинтета, опусом Шостаковича, удостоенным Сталинской премии, и вновь – первой степени. Это случилось 11 апреля 1942 года, через месяц с небольшим после премьеры Симфонии – случай в анналах Ста-

линских премий беспрецедентный. Однако и геополитическая ситуация того времени была экстраординарной. Позади – судьбоносная битва за Москву, впереди – легендарная Сталинградская битва. В Вашингтоне объявили о готовности англоамериканских войск в ближайшее время открыть в Европе Второй фронт против Гитлера.

Сталин мало верил в скорое исполнение этих союзнических обещаний. Но для него был важен каждый культурный мостик, который помог бы связать две столь далекие в политическом плане стороны – Советский Союз и демократический Запад. Седьмая симфония Шостаковича давала такую возможность. Вот почему в тот момент Шостакович был, вероятно, наиболее ценным композитором вождя. Но винить Шостаковича в этом мы не можем. Так уж легла тогда карта.

Вопрос в том, причислять ли Седьмую симфонию Шостаковича к соцреалистическим произведениям? И готовы ли мы объективно оценить весь огромный культурный слой сталинской эпохи? Это будет труд мучительный, но необходимый.

Источник: Чайка. № 17–19 (76–78), сентябрь 2006

Юрий Тюрин «Оскар» за «Разгром под Москвой»

Впервые в истории нашего кино одна из популярнейших кинопремий была вручена в 1942 году советскому документальному фильму.

Ровесник XX века, выдающийся режиссер документального кино Илья Копалин пришел в кинематограф в 26 лет. Первую Государственную премию (тогда Сталинскую) получил в 1941 году за фильм «На Дунае». Всего у режиссера шесть Сталинских премий – как у К. Симонова и С. Михалкова.

Копалин был профессором ВГИКа, воспитал и сына Владимира кинодокументалистом. А сам снимал тружеников земли и первых космонавтов, героев Хасана и освобождение Чехословакии... Самая заметная, действительно знаменитая картина Ильи Петровича, которую он делал вместе со своим товарищем по студии Л. Варламовым, – «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Это был первый полнометражный фильм о нашей Великой Победе в Московской битве.

Копалин вспоминал: «В эти дни коллектив студии работал с большим подъемом. Операторы возвращались с Западного фронта радостные и возбужденные – они привозили материалы о разгроме ненавистного врага, о доблести и славе советского оружия. Казалось, что тысячи фактов и событий невозможно уложить в одно законченное произведение, что из обширного материала трудно отбросить что-то как второстепенное. А между тем требовалась лаконичность, законченность формы и простота конструкции фильма».

С борта самолета кинокамера фиксировала на пленку бегство немцев из Клина. Были сняты бои за Калинин, конница генерала П. Белова, взятие нашими Яхромы. В фильм вошли кинодокументы о бесчинствах гитлеровцев в Ясной Поляне. Операторы побывали в штабе Западного фронта, наблюдали работу командующего фронтом генерала армии Г. Жукова. На своем КП запечатлен герой Московской битвы командарм К. Рокоссовский. Пятая симфония Чайковского звучит в фильме как символ неминуемого торжества русской культуры над темными силами фашистского варварства.

Особое место в картине «Разгром...» занимал ставший историческим парад на Красной площади Москвы 7 ноября 1941 года. Кинематографисты, дежурившие тогда на студии на Брянской улице (рядом с Киевским вокзалом), ничегошеньки не знали о готовящемся в глубокой тайне параде. И услышали начало речи Сталина с Мавзолея лишь по прямой радиотрансляции. Разумеется, выступление Верховного главнокомандующего они заснять не успели...

На третий день после парада, 10 ноября, Сталин согласился повторить свою речь в декорации трибуны Мавзолея, у себя в Кремле. Копалин с оператором нацелили объектив, да неожиданно запоролась пленка. Кинодокументалисты были в шоке. Сталин их успокоил: давайте второй раз. Он произнес свой текст наизусть, без бумажки. Когда вы будете смот-

реть фильм по телевидению, обратите внимание, что изо рта Сталина не идет пар, а ведь на Красной площади в тот день был морозец.

Премьера картины «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» состоялась 18 февраля 1942 года в кинотеатре «Художественный». В тот же день фильм был выпущен на экраны страны. Наградой авторам стала Сталинская премия.

Из письма Копалина жене (она была в эвакуации с двумя детьми), 12 февраля 1942 года:

«Милая, дорогая Надя!.. Ведь это, Надя, не просто фильм – это документ огромного политического значения. Мы сделали фильм за 20 дней и сдали его ровно в 12.30 ночи под Новый год. Большаков (тогдашний руководитель кино. – Ю. Т.) принял хорошо. Но через 4 дня посмотрел тов. Сталин и дал нам целый ряд замечаний, связанных со съемкой. Начались опять напряженные дни доделки фильма. Целые дни я был на морозе, то на аэродромах, то на поле, то в лесу. После всех исправлений тов. Сталин смотрел еще раз и опять дал ряд исправлений, связанных с переозвучанием, – опять спешка, опять бессонные ночи! И вот, Надя, только вчера, 10 февраля, все кончилось, все принято с хорошей оценкой, на студии просто праздник, и мы ходим героями. Был просмотр для прессы. Было полно народа – принимали очень хорошо. В субботу 14 февраля общественный просмотр в 1#м кинотеатре, а с 18 февраля фильм выходит во всех театрах Москвы. Заказан тираж 800 копий – это очень много. Народ кто завидует мне, кто поздравляет – говорят, что я родился в сорочке... Как оценят фильм, узнаешь из газет. Московские газеты читай за 14 февраля. Об отношении к картине говорит тот факт, что сегодня в ЦК ВКП(б) собирают всех редакторов газет, где им будет сделано сообщение о фильме. В общем, Наденька, шуму много... Личная моя жизнь складывается из работы производственной и партийной (я ведь секретарь партбюро студии). За все время пребывания в Москве еще ни разу не был нигде, ни в кино, ни в театре. Живу больше на студии, там есть кушетка, одеяло (мое желтенькое, личное)...»

Фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» был показан в 28 странах мира. В Америке лента была показана под названием MOSCOW STRIKES BACK (МОСКВА НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР). В 1942 году фильму была присуждена премия Американской Академии киноискусств как лучшему документальному иностранному фильму. Это был первый «Оскар», завоеванный нашими кинематографистами. Хранится он в Музее кино.

Источник: Труд. № 76. 29.04.2005

«Прокол» кинохроникеров (Воспоминания Семена Школьников)

То, о чем я хочу вам рассказать, мне стало известно от моего бывшего довоенного шефа – старейшего кинооператора Ивана Ивановича Белякова, оператора Абрама Хавчина и звукооператора Виктора Котова. Все они имели прямое отношение к этому событию. А событие это – тот самый знаменитый военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 года...

Но сначала об обстановке, которая сложилась в ту пору в стране.

Шел первый год войны. Немецкие войска победоносно шли по земле Советского Союза. С каждым днем они неуклонно приближались к Москве.

И вот наступил день 19 октября. Именно в этот день в Москве началась вселенская паника.

Я в этот день находился далеко от Москвы, в Саратовской области, в военном госпитале, после ранения на фронте. Начав поправляться, я стал, хотя и с трудом, выходить на улицу дышать свежим воздухом. И в тот день, 19 октября, когда я вышел за ворота гос-

питая, увидел двух женщин, которые стояли неподалеку и горько плакали. От них я узнал, что немцы подошли к самой Москве и вот-вот войдут в город. Они сами слышали об этом по радио, и еще было сказано, что город на осадном положении... Во время их рассказа сквозь слезы к нам подходили и другие люди и подтверждали сказанное этими женщинами. Они тоже слышали по радио. Мне стало не по себе. Неужели мой город «откроет ворота» противнику? Потрясенный этой вестью, я пошел в госпиталь. Во дворе мне встретился замполит. Я стал рассказывать ему о только что услышанном, но он, не дослушав меня, досадливо махнул рукой и, сказав, что ему некогда, быстрым шагом ушел...

А в это время, как мне потом рассказывали, все, кто имел мало-мальски движущийся транспорт, грузились и двигались поспешно из Москвы. Шоссе, которое вело в город Горький (ныне Нижний Новгород), напоминало густо движущийся транспорт в часы пик в Москве.

Московская студия «Союзкинохроника» тоже принимала в этом посильное участие. Нашли грузовичок-пикап и, загрузив в него десять человек, тоже вклинились в поток беженцев. Предложили эвакуироваться и оператору Белякову, но он отказался, сославшись на то, что жена его очень больна. За отказ эвакуироваться из Москвы Иван Иванович приказом директора студии был уволен.

Беляков был единственным, кто многие годы был аккредитован как оператор, снимающий в Кремле. Вскоре его жена умерла. Он остался совсем один и без работы.

5 ноября к Белякову домой пришли двое военных из КГБ – полковник и майор. Они сказали, что он должен следовать за ними. Они привезли его на станцию метро «Маяковская». Когда они спустились по эскалатору вниз, станция была совершенно пуста. Оператору сообщили, что здесь, а не в Большом театре, завтра, 6 ноября, как всегда, состоится торжественное собрание, посвященное 24#й годовщине Октябрьской революции, и здесь выступит товарищ Сталин. Беляков сказал, что он уволен со студии и поэтому не может принять участие в этой съемке. Военные сказали ему, чтобы он прекратил эти разговоры, так как отныне может считать себя восстановленным на работе.

Эта съемка прошла успешно.

А на следующий день, 7 ноября 1941 года, несмотря на близость немецких войск от Москвы, решили, что военный парад все равно должен состояться. Традиция не должна быть нарушена.

Обычно парады начинались в 10 часов утра. Операторы приходили за полчаса до начала. Ассистенты же привозили съемочную аппаратуру загодя, часам к восьми. И на этот раз они появились в это же время, но были крайне удивлены, что войска уже построены. Так рано? И на мавзолее уже стоял Сталин, и все правительство. Ассистенты не растерялись и, быстро сообразив, начали снимать. А Сталин уже произносил свою речь. Но синхронную аппаратуру уже не было времени установить, да и толку бы не было, если бы и успели: все равно звукооператора не было. И ассистенты сняли весь парад, в том числе и выступление Сталина, без звука.

Когда на Красную площадь, как обычно, пришли операторы, она была уже пуста. Парад закончился. Войска с Красной площади прямиком ушли на передовые позиции. Линия фронта проходила недалеко от столицы.

На опустевшей площади кинохроникеры стояли с унылым видом, подавленные. Они здорово струхнули. Что с ними будет? Ведь Сталин никогда не выступал с речью с трибуны мавзолея. В общем, съемка была сорвана. Чем все это закончится для них, трудно даже предположить...

И тут неожиданно к оператору Белякову подошел генерал КГБ Н. Кузмичев и говорит: «Правительство знает, что речь товарища Сталина не снята... – Иван Иванович аж побледнел от ужаса. А генерал продолжает: – ...не по вашей вине, а по вине наших органов, которые

не предупредили вас об изменении времени начала парада». Как потом вспоминал Беляков, при этом известии ноги его стали ватными. А генерал-лейтенант Власик (начальник охраны Сталина) предложил операторам в 17.00 быть в здании КГБ на площади Дзержинского (ныне опять Лубянская площадь).

На свидание с Власиком пришли режиссер Леонид Варламов и операторы Иван Беляков и Марк Трояновский.

Генерал Власик сказал им, что товарищ Сталин придает большое значение своему выступлению на Красной площади и предлагает снять его заново – синхронно. Но где? Не выведешь же Сталина днем на мавзолей... И тогда кто-то предложил такое решение.

В Большом Кремлевском дворце построили из фанеры часть трибуны мавзолея, покрасили под мрамор и поставили микрофоны. Были открыты все окна в зале, чтобы охладить воздух с тем, чтобы изо рта выступающего выходил пар, как на улице. Кинематографисты были готовы к ответственной съемке.

В 12.00 в зал вошел Сталин. Он сказал, что готов повторить свою речь сколько понадобится с тем, чтобы быть полностью уверенным в том, что съемка получилась. Снимали двумя синхронными камерами «Дебри-супер парво». Звукооператор был Виктор Котов.

Закончилась съемка, и Сталин удалился.

На студии отснятую пленку срочно проявили, отпечатали позитив и увидели, что этот материал, конечно же, отличался более высоким качеством, чем отснятый ассистентами на рассвете на Красной площади. И как ни остужали зал, раскрыв все окна в зале во время съемки, пар изо рта не выходил. Но зритель этого не замечал. Зритель воспринимал весь сюжет как единое целое...

Отснятый парад и досъемка Сталина были вмонтированы в полнометражный документальный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» – первый советский фильм, который американская киноакадемия признала лучшим иностранным фильмом 1942 года. Он был награжден «Оскаром». Режиссеры фильма – Леонид Варламов и Илья Копалин.

Фильм имел огромный успех во всех странах, не входящих в гитлеровскую коалицию.

Источник: Молодежь Эстонии. 09.05.2001

Газета «Правда» 22.03.1943–04.04.1943. Обмен телеграммами между лауреатами Сталинской премии за 1942 г. и И. В. Сталиным

Москва, Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Окрыленный высокой наградой правительства – премией Вашего имени – обещаю Вам и дальше отдавать все мои силы, знания и способности художника-скульптора увековечиванию подвигов нашего героического народа, его славных сынов и дочерей. Пусть светлые образы тех, кто с Вашим именем на устах, не щадя жизни борется за лучшее будущее человечества, станут достоянием потомства.

Внося в фонд Главного Командования сумму премии 100.000 рублей твердо верю, что близок тот час, когда под Вашим мудрым руководством наша доблестная Красная Армия разгромит ненавистного врага и изгонит его с нашей родной земли.

Скульптор Матвей МАНИЗЕР

Ярославль, скульптору
товарищу Матвею Генриховичу МАНИЗЕРУ
Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Матвей
Генрихович, за Вашу заботу о Красной Армии.
И. СТАЛИН

Москва, Кремль,
товарищу Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ
Дорогой Иосиф Виссарионович!
Сердечно благодарен Советскому правительству за высокую оценку
моей оперы «Емельян Пугачев». Премию, причитающуюся мне в размере
100.000 рублей, вношу на строительство самолетов.
Построенный самолет прошу назвать именем борца за свободу
и счастье русского народа Емельяна Пугачева и передать его в распоряжение
командования Северо-Западного фронта.
Желаю Вам, дорогой Иосиф Виссарионович здоровья и сил на многие
годы.
Композитор Мариан Викторович КОВАЛЬ

Композитору товарищу Мариану Викторовичу КОВАЛЮ
Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Мариан
Викторович, за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.
Ваше желание будет исполнено.
И. СТАЛИН

Москва, Кремль,
товарищу Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ
Дорогой Иосиф Виссарионович!
С чувством глубокой радости я узнал о присуждении моему балету
«Гаянэ» Сталинской премии 1942 года.
Родная Советская власть, заботы Советского правительства
о художественной интеллигенции нашей страны обусловили мой творческий
рост, дали мне возможность моим творческим трудом участвовать
в строительстве советской музыкальной культуры.
В суровые дни великой отечественной войны каждый из нас обязан
помогать всеми средствами делу борьбы советского народа с заклятыми
врагами нашими – немецкими оккупантами, поэтому вношу свою премию
100.000 рублей в особый фонд Главного Командования вооруженными
силами Советского Союза.
Желаю Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, ведущему советский
народ к победе над немецко-фашистскими захватчиками, здоровья на долгие
и долгие годы.
Композитор Арам Ильич ХАЧАТУРЯН

Композитору товарищу Араму Ильичу ХАЧАТУРЯНУ
Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Арам Ильич,
за Вашу заботу о вооруженных силах Советского Союза.
И. СТАЛИН

«Правда», 25.03.1943:

Москва, Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Дорогой великий учитель Иосиф Виссарионович!

Я глубоко взволнован присуждением мне Сталинской премии за мой скромный труд – создание первой узбекской героической симфонии, посвященной 25 годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции и героям отечественной войны. Я, композитор узбек, принадлежу народу, который до Октябрьской революции не имел монументальных форм музыкального искусства. Партия Ленина – Сталина, братская помощь великого русского народа подняли мою страну и мой народ на огромную культурно-экономическую высоту. Я лично от всей души благодарю Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, партию большевиков и Советское правительство.

Звание лауреата Сталинской премии еще более вдохновляет меня на создание новых произведений и поднятие музыкальной культуры узбекского народа. Все свои силы и способности и свою жизнь я с радостью отдаю своей Родине, народу, великому Сталину. Для быстреего разгрома фашистских варваров я передаю присужденную мне Сталинскую премию в сумме 50.000 рублей в фонд постройки авиаэскадрильи и танковой колонны под названием «Лауреаты Сталинской премии».

Лауреат Сталинской премии, Народный артист Узбекской ССР, орденосеиц Мухтар АШРАФИ

Ташкент, лауреату Сталинской премии народному артисту Узбекской ССР орденосеицу Мухтар АШРАФИ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищ Ашрафи, за Вашу заботу о вооруженных силах Советского Союза.

И. СТАЛИН

Москва, Кремль,

товарищу СТАЛИНУ Иосифу Виссарионовичу

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Приношу горячую признательность Советскому Правительству за столь высокую оценку моей артистической деятельности.

Беззаветно любя свою великую Родину, от всего сердца вношу причитающуюся мне премию в сумме 100.000 рублей в фонд Главного Командования.

Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии

Александр ПИРОГОВ

Народному артисту СССР, лауреату Сталинской премии товарищу Александру ПИРОГОВУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Александр Степанович, за Вашу заботу о вооруженных силах Советского Союза.

И. СТАЛИН

Москва, Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В течение всей войны маленькие сторожевые катера Черноморского флота героически несут повседневную боевую службу. Каждый новый катер – новый удар по врагу. Потому всю присужденную мне премию Вашего

имени за книгу рассказов «Морская душа» вношу на постройку еще одного такого катера. Прошу Вашего разрешения назвать его «Морская душа» и зачислить в 4#й дивизион сторожевых катеров Черноморского флота.

Леонид СОБОЛЕВ.

Товарищу СОБОЛЕВУ Леониду

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Леонид Сергеевич, за Вашу заботу о вооруженных силах Советского Союза.

Ваше желание будет исполнено.

И. СТАЛИН

Москва, Кремль,

товарищу Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Всем сердцем благодарю Советское Правительство за высокую оценку моей работы, как сценариста кинофильма «Машенька».

Клянусь клятвой гражданина Советской страны и командира Красной Армии – все свои силы и жизнь отдать за победу и славу нашей великой Родины. Полученную мною премию вношу в фонд строительства бомбардировщиков дальнего действия.

Писатель Евгений Осипович ГАБРИЛОВИЧ

Писателю Евгению Осиповичу ГАБРИЛОВИЧУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Евгений Осипович, за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.

И. СТАЛИН

«Правда», 26.03.1943:

Москва, ЦК ВКП/б/, товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Для скорейшего разгрома ненавистного врага я внес из личных сбережений 50.000 рублей для постройки танков.

Преданный Родине и Вам художник Александр ГЕРАСИМОВ

Оргкомитет Союза советских художников СССР, художнику Александру ГЕРАСИМОВУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищ Герасимов, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН

«Правда», 27.03.1943:

Москва, Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович! В ответ на ту высокую награду, которую я от Вас получила, будет моя работа по искусству в передаче молодежи моих знаний, опыта и мастерства. Вся премия мою – 100 тысяч рублей вношу на оборону моего родного Ленинграда.

Спасибо Вам, Иосиф Виссарионович!

Народная артистка СССР, орденоносец, лауреат Сталинской премии В. МИЧУРИНА-САМОЙЛОВА

Народной артистке СССР, орденоносцу, лауреату Сталинской премии
товарищу МИЧУРИНОЙ-САМОЙЛОВОЙ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Вера
Аркадьевна, за Вашу заботу об обороне г. Ленинграда.

И. СТАЛИН

Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Вношу свою премию 100 тысяч рублей на строительство танковой
колонны «За Радянську Україну». От всего сердца

желаю Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, здоровья и сил на долгие,
долгие годы.

Александр КОРНЕЙЧУК.

Товарищу Александру КОРНЕЙЧУКУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Александр
Евдокимович, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН

Москва, Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Передаю свою премию – 100 тысяч рублей на строительство боевого
самолета и прошу Вас разрешить назвать этот самолет «Варшава» –
в честь героических защитников города Варшавы от немецких оккупантов
в 1939 году.

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

Товарищу ВАНДЕ ВАСИЛЕВСКОЙ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Ванда Львовна,
за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.

Ваше желание будет исполнено.

И. СТАЛИН

«Правда», 28.03.1943:

Москва, Кремль,

товарищу Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Сердечно благодарен Правительству за награждение меня премией
Вашего имени.

Премию, присужденную мне, в размере 50.000 рублей, вношу в фонд
Главного Командования.

От всей души желаю Вам здоровья и сил на многие годы.

Народный артист РСФСР Никандр Сергеевич ХАНАЕВ

Народному артисту РСФСР

товарищу Никандру Сергеевичу ХАНАЕВУ

Примите мой привет и благодарность, Никандр Сергеевич, за Вашу
заботу о Вооруженных силах Советского Союза.

И. СТАЛИН

Москва, Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Принося горячую благодарность Советскому правительству за высокую оценку нашей работы в спектакле «Вильгельм Телль», поставленном Большим театром СССР в Куйбышеве, и движимые чувством беззаветной любви и преданности к нашей Родине, мы передаем присужденную нам премию в сумме 100.000 рублей в фонд Главного командования на постройку эскадрильи «Лауреат Сталинской премии».

Лауреаты Сталинской премии:

Заслуженный деятель искусств А. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ

Заслуженная артистка РСФСР Е. КРУГЛИКОВА

Заслуженная артистка РСФСР Н. ШПИЛЛЕР

Заслуженный артист РСФСР А. БАТУРИН

Режиссер-балетмейстер Р. ЗАХАРОВ

Художник П. ВИЛЬЯМС

Заслуженному деятелю искусств тов. Александру Шамильевичу МЕЛИК-ПАШАЕВУ, Заслуженной артистке РСФСР тов. КРУГЛИКОВОЙ, Заслуженной артистке РСФСР тов. ШПИЛЛЕР, Заслуженному артисту РСФСР тов. БАТУРИНУ, Режиссеру-балетмейстеру тов. ЗАХАРОВУ, художнику тов. ВИЛЬЯМС

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищи Мелик-Пашаев, Кругликова, Шпиллер, Батурин, Захаров и Вильямс, за вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.

И. СТАЛИН

«Правда», 29.03.1943:

Москва, Кремль,

товарищу Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В трудную для нашего народа пору выпало на мою долю огромное счастье – Советское Правительство присудило Сталинскую премию бесконечно дорогой для меня работе, поэме о любимом герое советского юношества, о Зое Космодемьянской.

Я прошу Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, передать эту премию целиком на вооружение Красной Армии, на усиление ее артиллерийского оружия.

Спасибо Советскому Правительству за то счастье, которое испытываю я, как поэт и гражданин, сознавая, что и мой труд вливается в общий поток народных усилий, приближающий тот ясный день, во имя которого все мы живем, мыслим и трудимся, во имя которого погибла бессмертная Зоя.

Поэт Маргарита Иосифовна АЛИГЕР

Москва, поэту товарищу Маргарите Иосифовне АЛИГЕР

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Маргарита Иосифовна, за Вашу заботу о Красной Армии.

И. СТАЛИН

«Правда», 31.03.1943:

Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович, передаю Вам присужденную мне за роман «Хождение по мукам», премию в 100.000 рублей на постройку танка и прошу Вас разрешить назвать этот танк «Грозный».

Алексей ТОЛСТОЙ

Писателю товарищу Алексею Николаевичу ТОЛСТОМУ
Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Алексей Николаевич, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

Ваше желание будет исполнено.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль, товарищу И. В. СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Самым счастливым днем моего полувекового служения искусству в старейшем русском национальном театре было 20#е марта, день, когда моя работа получила высочайшую Вашу оценку – присуждение мне премии Вашего имени. Горячо благодарю Вас, партию, правительство и заверяю, что до конца дней моих буду так же преданно служить моему великому народу, моей прекрасной Родине, идущей под Ваши мудрым руководством к светлому будущему.

Вношу 50.000 рублей в фонд помощи сиротам, родители которых пали от руки ненавистного врага.

Народная артистка РСФСР Е. ТУРЧАНИНОВА

Народной артистке РСФСР тов. Е. Д. ТУРЧАНИНОВОЙ

Примите мой привет и благодарность Правительства СССР, Евдокия Дмитриевна, за Вашу заботу о детях, родители которых убиты немецко-фашистскими захватчиками.

И. СТАЛИН

Москва, Кремль, товарищу И. В. СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я счастлив был узнать о высокой оценке моего литературного труда. Присуждение мне Сталинской премии первой степени за пьесу «Нашествие» дает мне, русскому писателю, глубокую радость, что и моя скромная работа пригодилась народу моему в его исполинской схватке с врагом за свою свободу, честь и достояние.

Я вношу сумму премии 100.000 рублей в фонд Главного Командования, на воздушные гостинцы извергам, доставившим столько горя моему отечеству.

Лауреат Сталинской Премии, писатель Леонид ЛЕОНОВ

Писателю тов. Л. М. ЛЕОНОВУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Леонид Максимович, за Вашу заботу о вооруженных силах Советского Союза.

И. СТАЛИН

«Правда», 01.04.1943:

Москва, Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Уважаемый, дорогой Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне от переполненного глубокой радостью сердца внести из полученной мною премии Вашего имени, этой высокой и щедрой оценки моего сценического труда, 30.000 рублей на оборону нашей дорогой Родины.
*Лауреат Сталинской премии, народный артист Союза ССР, орденосеиц
А. ОСТУЖЕВ*

Народному артисту СССР тов. А. А. ОСТУЖЕВУ

Примните мой привет и благодарность Красной Армии, Александр Алексеевич, за Вашу заботу об обороне Союза ССР.

И. СТАЛИН

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Горячо благодарю Вас! Вы Вашей высокой наградой влили в меня на 57#м году моего служения искусству новую струю жизни, новые силы, которые я радостно отдам своей Родине.

Никогда искусство не было так велико, как в наши дни. Оно вдохновляет миллионы людей па великую борьбу. Оно вовлекает и нас, творящих искусство, в эту борьбу, подсказывает нам своими прекрасными, светлыми образами, что каждый из нас ответственен за будущее человечества.

Желаю Вам здоровья, сил на долгие, долгие годы на благо нашей Родины, на счастье всех трудящихся.

Прошу принять 50.000 рублей из моей премии на строительство самолета «Сталинский лауреат».

*Народная артистка СССР, орденосеиц, лауреат Сталинской премии
А. ЯБЛОЧКИНА*

Народной артистке СССР тов. А. А. ЯБЛОЧКИНОЙ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Александра Александровна, за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.

И. СТАЛИН

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я глубоко взволнован присуждением мне премии Вашего имени.

Радостно сознание того, что служение любимому искусству, отражающееся в моей концертной деятельности, получило столь высокую оценку Партии и Правительства.

Я вношу полученную премию 100.000 рублей в особый фонд Главного Командования для скорейшего разгрома вражеских полчищ – губителей мировой культуры и искусства.

Желаю Вам здоровья.

*Искренне преданный заслуженный деятель искусств РСФСР Давид
ОЙСТРАХ*

Заслуженному деятелю искусств РСФСР тов. Д. Ф. ОЙСТРАХУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Давид Федорович, за Вашу заботу о вооруженных силах Советского Союза.

И. СТАЛИН

«Правда», 02.04.1943:

Москва, Кремль, товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович! Прошу принять от меня присужденную мне правительством Сталинскую премию в размере 100 тысяч рублей – дополнительно к ранее внесенным 50 тысячам рублей на постройку танка имени моего земляка Ивана Мичурина.

Преданный Родине и Вам Александр ГЕРАСИМОВ

Заслуженному деятелю искусств РСФСР товарищу А. М. ГЕРАСИМОВУ Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Александр Михайлович, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН

«Правда», 03.04.1943:

Товарищу СТАЛИНУ

Дорогой товарищ Сталин!

Глубокую, сердечную благодарность приношу за высокую оценку моей литературной деятельности.

Разрешите премию мою – 100.000 рублей внести на сооружение оружия, наиболее необходимого в данный момент Красной Армии.

А. СЕРАФИМОВИЧ

Писателю товарищу А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Александр Серафимович, за Вашу заботу о вооружении Красной Армии.

И. СТАЛИН

Москва, Кремль Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Родной Иосиф Виссарионович!

Глубоко взволнованный присуждением мне премии Вашего имени и движимый чувством, которым воодушевлен весь советский народ, вношу в фонд строительства танковой колонны «За Радянську Україну» 50.000 рублей.

Максим РЫЛЬСКИЙ

Поэту товарищу Максиму РЫЛЬСКОМУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Максим Фадеевич, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН

Председателю Совета Народных Комиссаров СССР товарищу И. В. СТАЛИНУ

Присуждение нам премий Вашего имени – этой высокой для советского человека награды – наполнило наши сердца радостью и гордостью за нашу великую страну, за наше правительство. Приносим Совету Народных Комиссаров СССР и Вам лично глубокую благодарность за это внимание и заботу. Обещаем умножить свои усилия в направлении, освещенном Вашими идеями и указаниями, чтобы раскрыть еще ярче и полнее перед всем миром творческую мощь народов советской семьи и их замечательные достижения на протяжении веков.

Пусть лживая пропаганда и идеология подлого врага, посягнувшего на честь, свободу и достоинство нашего народа, будет побита и посрамлена так же, как бита его политическая и военная стратегия.

Вносим в фонд Верховного Главнокомандования 180.000 рублей для постройки танков.

Лауреаты Сталинской премии:

*В. АНДЖАПАРИДЗЕ, А. ХОРАВА, М. ЧИАУРЕЛИ,
К. МЕРАБИШВИЛИ, С. ДЖАНАШИА*

Тбилиси, народной артистке Грузинской ССР тов. В. И. АНДЖАПАРИДЗЕ, народному артисту СССР тов. А. А. ХОРАВА, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР, тов. М. Э. ЧИАУРЕЛИ, скульптору тов. К. М. МЕРАБИШВИЛИ, академику Грузинской ССР тов. С. Н. ДЖАНАШИА

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищи Анджапаридзе, Хорава, Чиаурели, Мерабишвили, Джанашиа, за вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН

Москва, Кремль, Верховному Главнокомандующему товарищу Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Воодушевленные высокой правительственной наградой – присуждением нам Сталинской премии за картину «Ленинград в борьбе», – мы приложим все силы, чтобы оправдать почетное звание в своих будущих работах.

Нашу премию в 100.000 рублей просим обратить на нужды доблестной Красной Армии для скорейшего разгрома немецких захватчиков. Построенный на эти деньги танк просим назвать «Андрей Жданов» и передать на Ленинградский фронт.

Желаем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, сил и здоровья на благо нашей великой отчизны.

*Валерий СОЛОВЦОВ, Ансельм БОГОРОВ, Анатолий ПОГОРЕЛЫЙ,
Владимир СТРАДИН,
Ефим УЧИТЕЛЬ*

Ленинград, кинохроника, товарищам

В. М. СОЛОВЦОВУ, А. Л. БОГОРОВУ,

А. И. ПОГОРЕЛОМУ, В. Л. СТРАДИНУ, Е. Л. УЧИТЕЛЮ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии товарищи Соловьев, Богоров, Погорелый, Страдин, Учитель, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

Ваше желание будет исполнено.

И. СТАЛИН

«Правда», 04.04.1943:

Москва, Кремль, Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Солнечным теплом и светом явилась для меня забота нашего правительства, проявленная ко мне и ряду моих товарищей по искусству в трудной и сложной обстановке великой отечественной войны. С глубоким

волнением и радостью я передаю сердечную благодарность Вам, другу и учителю, за отеческое внимание к нам, ветеранам сцены, отдавшим свою многолетнюю жизнь любимому искусству. Весь остаток дней моих принадлежит советскому народу, и для меня на склоне лет нет большего счастья и чести служить ему так же беззаветно, как отдают свою жизнь на полях сражений защитники нашей Родины за честь ее и независимость. Всю силу любви к своей отчизне, которой служила всю жизнь, я вложу в создание волнующих образов, зовущих в бой за величие, честь и независимость матери-Родины.

Прошу Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, принять мою премию в 100.000 рублей на покупку самолета «За Ленинград» и направить его в части военно-воздушных сил, защищающих наш славный город Ленина, в распоряжение товарища Жданова. Пусть с этого самолета свалятся новые сотни бомб на голову гитлеровских разбойников.

Примите, дорогой Иосиф Виссарионович, мои пожелания доброго здоровья и долгих лет жизни во славу нашего великого непобедимого народа.
КОРЧАГИНА-АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

Народной артистке СССР
тов. Е. П. КОРЧАГИНОЙ-АЛЕКСАНДРОВСКОЙ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Екатерина Павловна, за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.

Ваше желание будет исполнено.

И. СТАЛИН

А. Щуплов

Апокрифы советских времен

Как создавался гимн

Гимн Советского Союза, видимо, останется самой большой военной тайной бывшего СССР. История создания гимна изрядно обросла легендами и апокрифами. Согласно одной из них, приводимой Юрием Боровым в одном из сборников интеллигентского фольклора, «военный журналист Эль-Регистан предложил Михалкову написать гимн. Регистан должен был дать политические формулировки, а Михалков их поэтически обработать. Плод совместного труда послали на закрытый конкурс. Через полгода их вызвали к Сталину. Потом было еще шесть встреч, уже без Регистана, так как Сталин сказал, что политической стороной он проруководит сам... Далее текст гимна Советского Союза отпечатали на красивой бумаге, завизировали множеством подписей и собрались везти Сталину. Но, придя утром в кабинет, председатель Комитета по делам искусств Храпченко не обнаружил бумаги. Все учреждение, объятые страхом, бросилось на поиски. Бесполезно. Завхоз Ротатаев отправился искать на помойку. К несчастью, ее только что очистил мусорщик. Его догнали, вывернули мусор и действительно нашли бесценный листок. Ротатаев вызвал жену, та тщательно разгладила гимн утюгом и промокашкой сняла с него пятна. Горемычную бумажку вручили председателю комитета, и тот на радостях назначил Ротатаева своим заместителем по кадрам».

Авторы Государственного гимна СССР: поэты – старший лейтенант Эль-Регистан Г., майор Михалков С. и композитор генерал-майор Александров А. 1943 г.

Более нелюбимую версию предлагает писательница Заречная: однажды на фронте в 1943 году писатель Михалков крепко выпил с редактором дивизионной газеты Эль-Регистаном, и они тут же приспособили написанный за рюмкой текст гимна к известной музыке «Гимна партии большевиков». Так родился гимн.

Свой вариант легенды дал Антон Антонов-Овсеенко: для создания музыки гимна была мобилизована целая рота композиторов, среди которых были Шостакович, Прокофьев, Хачатурян и, конечно, любимый Сталиным Александров. После прослушивания четырнадцати произведений в Большом театре Сталин пригласил в ложу, где заседала конкурсная комиссия, маститых композиторов (Прокофьев отсутствовал) и сообщил, что, по его мнению, «величию Страны Советов больше всего соответствует гимн профессора...» – кивок в сторону Александрова. К этому времени Александров уже ходил в фаворитах вождя, пользовался невиданным почетом, и без его ансамбля песни и пляски не обходился ни один ответственный концерт. Сделав Александрову несколько замечаний относительно «инструментации» гимна, вождь дал срок на доработку. Вскоре состоялось прослушивание новой редакции гимна, в который на этот раз вошел прямой плагиат из дежурного приветствия «белорусского народа» вождю на XVIII съезде партии: «Мы доспехи наши в боях добывали...» и т. д. Кстати, отмечает Антонов-Овсеенко, вождь выбрал лишь 281#й вариант оркестровки гимна, который сделал профессор Московской консерватории Д. Рогаль-Левицкий.

Интересно, что в первом списке авторов текста гимна, рекомендованном Комитетом по делам искусств и Агитпропом, нет имен Михалкова и Эль-Регистана. В списке – фамилии Асеева, Долматовского, Тихонова, Суркова, Светлова, Бедного, Исаковского... И здесь вождь неожиданно обращает внимание на текст нашего тандема. Почему?

Как отмечает исследователь Громов в своей книге «Сталин: власть и искусство» (М., 1998), Михалков отнюдь не являлся неизвестной величиной для Сталина. Сам Сергей Владимирович сочинил по этому случаю целую романтическую историю о том, как однажды он написал для любимой девушки по имени Светлана стихотворение, назвал его ее именем и напечатал в «Известиях», чтобы завоевать ее сердце. «Но так вышло, – вспоминает Михалков, – что я „завоевал сердце“ совсем другого человека. Я был назавтра вызван в ЦК ВКП(б), и ответственный работник С. Динамов мне сказал: „Ваши стихи, молодой человек, понра-

вились товарищу Сталину. Он поинтересовался, как вы живете, не нуждаетесь ли в чем...». Дело в том, что стихи «Светлана» были напечатаны «случайно» в день рождения... Светланы Сталиной. Так Михалкову в первый раз удалось оказаться в нужное время в нужном месте с нужным стихотворением.

Итак, наш тандем начинает работать под непосредственным руководством Сталина. Указания передаются через Ворошилова. По воспоминаниям Эль-Регистана, 27 октября 1943 г. «позвонил А. Н. Поскребышев и сообщил, что будет говорить Сталин. Иосиф Виссарионович сказал Сергею, что вот прослушивание его убедило, что текст коротковат („куцый“): нужно добавить один куплет с припевом. В этом куплете, который по духу и смыслу должен быть воинственным, надо сказать: 1) о Красной Армии, ее мощи, силе; 2) о том, что мы бьем фашизм и будем его бить... На то, чтобы это сделать, Сталин дал несколько дней...»

Далее следует встреча с вождем: «Тов. Сталин дает текст. „Посмотрите, как получилось...“ Он весь в его пометках. Поставлены единица, двойка, тройка. Варьируются слова: „дружба“, „счастье“, „слава“. Слова „священный оплот“ заменены на „надежный оплот...“» Доработку Михалков и Эль-Регистан проводили в кабинете, который им выделили в Кремле. Сохранился седьмой вариант текста. Самая принципиальная правка вождя касалась четверостишия:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.